

Зойка моя! (сборник)

Зойка – зеленоглазая, хрупкая, яркая – своей необычностью пленяла всех мужчин. Даже отчим и сводный брат стали пленниками ее обаяния. Но чем больше представителей сильного пола восхищались ею, тем яростнее были проклятия женщин. Соперница, разлучница – такими эпитетами награждал ее слабый пол. И месть его оказалась сильнее Зойкиного шарма...

Зойка моя!

В жизни, как в магазине, – свободный выбор и обязательный расчет. М. Шнеерсон

Глава 1

Геннадий сидел за рулем своего автомобиля, безучастно смотрел на темную дорогу, освещенную фонарями, и думал... Мысли были заняты Зойкой, его маленькой девочкой, лежащей в больнице под капельницей. «Как такое могло произойти? – крутилось в его голове. – Как я мог это допустить? Почему просмотрел? Не обратил внимания? Ей всего 15 лет, она совсем ребенок. Откуда в ее умненькой светленькой головке взялись мысли, приведшие к анорексии?»

Ответ не приходил, и Гена продолжал сидеть в машине перед домом, не желая заходить туда, где нет Зойки. Уже в пятый раз звонил мобильный телефон, но мужчина игнорировал вибрирующую трубку, лежащую на пассажирском сиденье, – он знал, что это не дочь, а раз не она, значит, и не стоит отвлекаться...

Пошел снег. Сквозь крупные хлопья не было видно окон квартиры, в которых призывно и тепло горел свет, – там Гену ждали жена, сын и няня... Но мужчине было не до них – он уносился в своих воспоминаниях в далекое прошлое...

Геннадий был счастливым студентом. Сразу после школы он, несмотря на протесты родителей, легко поступил в медицинский вуз и всерьез увлекся своей будущей профессией. Ему доставляло истинное наслаждение корпеть над учебниками, заниматься в анатомическом театре, вгрызаться зубами в фармакологию и размышлять над тем, какую специальность он выберет, когда подойдет время распределения. Любое направление медицинской деятельности приводило его в восторг, поэтому Гена метался, тем более что, в отличие от большинства студентов, он мог выбирать – любая кафедра была бы рада видеть в рядах своих выпускников его, Геннадия Покровского. Но чаще всего молодой человек пропадал на кафедре общей хирургии, где проводил время с профессором Борисом Львовичем Потаповым за увлекательными беседами, спорами, изучением научных трудов и просто общением.

Об одном только жалел юноша, что не может жить в общежитии, как другие студенты, потому что имеет московскую прописку. Родители Гены, известные оперные певцы, были категорически против выбора сына, так как считали, что только карьера певца может принести деньги, известность и другие блага земной жизни. Они вкладывали в мальчика все свои знания, но ребенок не оправдал надежд – он наплевал на их мечты о продолжении династии и решил стать врачом. Почти каждый вечер, когда сын корпел над учебниками, в квартире раздавались причитания матери:

– Сынок, ты положишь шесть лет жизни на это образование! Юность – это лучшие годы, а ты тратишь их на разрезание трупов и копанье в кишках!

Тут же подключался отец:

– Ты семью заводить думаешь? Ты как кормить своих детей собираешься? На гроши, которые будешь получать в больнице?

Мать привычно подхватывала слова любимого мужа:

– Ты же будешь сутками пропадать на работе! От тебя и жена сбежит, и дети узнавать перестанут!

А Гена, уткнувшись в учебник, захлопывал дверь своей комнаты перед носом певших дуэтом родителей и с раздражением думал: «Когда же вы отправитесь на гастроли?! Как вы мне надоели!»

Однажды чета Покровских уехала со спектаклями за границу и больше не вернулась: автобус, в котором находилась часть труппы театра, выехал на встречную полосу и врезался в мчащуюся фуру. Гена Покровский на третьем курсе института остался сиротой. Обезумевший от горя юноша после похорон не выходил из дома. Он сидел на кухне, курил сигарету за сигаретой в надежде, что они хоть чуть-чуть притупят боль, разъедающую его душу, и винил себя в том, что случилось. «Я же всегда хотел, чтобы их не было дома, чтобы они мне не мешали заниматься! И теперь мое желание исполнилось – их нет дома и уже никогда не будет! Зачем нужна эта дурацкая медицина, если она убила маму и папу?!»

И кто знает, может, и бросил бы Геннадий вуз, если бы вовремя не вмешался Борис Львович. Мудрый профессор терпеливо вытаскивал любимого студента из черной ямы, в которой тот оказался: он забрал Гену к себе в квартиру, которую ему выделил институт, водил с собой на лекции, заставляя вникать в материал, приводил в операционную, когда практиковал, и постепенно юноша оживал. Боль уходила, а ее место занимала сыновья любовь к этому одинокому мужчине, полностью отдавшему себя профессии.

Пришло время летних каникул, и Гена с удивлением узнал, что у Бориса Львовича есть в Иркутске семья: жена Екатерина Леонидовна, директор крупного ликеро-водочного завода, и дочка Верочка, школьница, мечтающая о карьере певицы.

– Но почему вы живете здесь, в Москве, а они в Иркутске? – удивился молодой человек, узнав, что тот, кто заменил ему отца, совсем не одинок.

– Видишь ли, мой юный друг, – с ухмылкой ответил Борис Львович, – медицина – это призвание, можно даже сказать, диагноз. Мне выпал шанс преподавать в московском вузе, оперировать в столичных больницах, и я не мог от него отказаться. А моя жена не смогла отказаться от своего дела. Ее тоже можно понять – она в этот завод вложила столько сил, столько старания, что я решил не настаивать. А дочке в столь юном возрасте лучше все-таки быть с мамой, чем со мной, тем более что там ей обеспечена жизнь в более комфортных условиях. Поэтому мы живем в разных городах. Но каждый раз, когда мне удастся выкроить время, я лечу домой...

– Как удается выкроить время? – переспросил Гена. – Не часто же у вас это получается. Я живу с вами уже больше полугода, а вы ни разу никуда не летали.

– Думаешь, я бесчувственный чурбан? – с вызовом спросил профессор Потапов. – Знай же, что я безумно люблю свою дочь и очень по ней скучаю, но здесь загибался от чувства вины мой лучший студент, и я просто не мог оставить его одного!

– Простите меня, – потупился юноша. – Я не хотел вас обидеть... Я просто не знал... Я вам благодарен... Если бы не вы...

– Да знаю я все, – перебил залепетавшего Гену Борис Львович. – Можешь не продолжать. Не люблю лишних слов.

– Все равно простите, – уже тверже сказал молодой человек. – Вы можете смело лететь в Иркутск. Со мной все будет в порядке. Я вас не подведу.

– И на том спасибо, – усмехнулся профессор и вернулся к монографии, которую читал.

Глава 2

Учеба подходила к концу, когда в семье профессора Потапова случилось несчастье.

После зимней сессии Борис Львович вместе с Геной полетели в далекий Иркутск. Это была уже не первая поездка молодого человека в семью учителя. Ему очень нравилось находиться в хорошо обставленном доме приютивших его людей: он с головой уходил в книги, долгие годы собираемые профессором, забывая про время, наслаждался общением с немного циничной, но очень остроумной Екатериной Леонидовной и умилялся Верочке, милой, чистой, нежной девочке, которая бесподобно пела, становясь в эти моменты божественно прекрасной. Так было всегда, когда Борис Львович брал с собой своего ученика, и сейчас, сидя в самолете, Гена предвкушал теплые семейные вечера, но все пошло не так.

Екатерина Леонидовна пропадала на своем заводе почти сутками – сложная ситуация требовала ее постоянного присутствия, а по вечерам, вымотанная донельзя, она принимала снотворное и сразу ложилась спать, чтобы на следующий день снова встать в пять утра. Борис Львович и жалел жену, и злился на нее.

– Катя, я могу хоть недолго побыть с тобой? – восклицал он. – Я скоро улечу, и мы снова не увидимся. И вообще, ты посмотри, на что похож наш дом! Он не теплый, не уютный! А на дочь посмотри!

Верочка на самом деле внушала опасения: она почти не показывалась на глаза, не хотела никого видеть, плохо училась и странно выглядела. От ее нежной красоты не осталось и следа – она поправилась, лицо отекло, а походка стала тяжелой.

– А что Вера? С ней все в порядке, – на бегу отвечала Екатерина Леонидовна.

– Ты когда ее в последний раз видела, Катя? – кричал вслед жене профессор. Но в ответ получал торопливое:

– Милый, давай попозже поговорим. У меня встреча с адвокатом...

– Вот видишь, не только медицина – это диагноз, – обращался Борис Львович уже к Гене. – Она дочь не видела несколько месяцев...

И тут нехорошее предчувствие закралось в голову Потапова: «Несколько месяцев? Несколько месяцев назад с Верой все было в порядке? Не может быть!»

– Вера, – вскричал он и взбежал на второй этаж, – быстро открой дверь!

Мужчина хотел ворваться в комнату дочери, однако изнутри было заперто.

– Вера, открой мне! Я выломаю дверь, если ты этого не сделаешь!

Послышался щелчок, и в проеме показалось бледное испуганное лицо девушки.

– Ты ничего не хочешь мне объяснить, дорогая? – угрожающе произнес Борис Львович.

– Папочка, прости меня, – расплакалась Вера. – Я жду ребеночка...

В голове профессора все помутилось от гнева, и он впервые в жизни поднял на дочь руку. Нет, он не хотел ударить ее – он сам не понял, что именно произошло в тот момент. Но дочь, взвизгнув, увернулась от отца и бросилась из комнаты. Выпуклый живот, который она успешно прятала под расклешенными платьицами, делал Верочку неуклюжей – как маленький утенок, она вперевалочку побежала к лестнице. Профессор бросился за дочерью, схватил ее за руку, но девушка вырвалась. Вера потеряла равновесие, оступилась и с криком покатила вниз, прямо под ноги стоящему в гостиной Геннадию.

Ее тело распласталось на полу, на беленьком платьице увеличивалось большое кровавое пятно – Вера не двигалась. Борис Львович в растерянности стоял наверху и смотрел на лежащую без сознания дочь несколько секунд, показавшихся Гене вечностью. Нависла оглушающая тишина, и лишь стрелки часов равномерно отбивали ход.

Борис Львович вернулся из больницы белый как полотно.

– Вера умерла, – севшим голосом сказал он Гене и тяжело опустился в кресло. Профессор поднял пустые глаза на своего студента, ставшего ему родным, и одинокая слеза скатилась по щеке. – Надо позвонить Кате...

Геннадий, не зная, как утешить, опустился рядом с креслом на пол и обнял колени учителя. Это было единственное, что мог придумать молодой человек, так как нужных слов подобрать не мог.

– Спасибо тебе, мальчик мой, – промолвил Борис Львович. – Спасибо, что ты у меня есть...

– И вам спасибо за то, что вы у меня есть. Я вас никогда не оставлю, – в слезах шептал Гена, и его сердце сжималось от сострадания.

– Надо заняться похоронами, – тихо сказал отец.

– А ребенок? Ребенок жив? – вдруг вспомнил юноша.

– Да, родилась девочка, но недоношенная. Она пока в инкубаторе. Врачи говорят, что ребенок будет жить.

– А что с ней будет? Она же ни в чем не виновата, эта девочка, – забеспокоился Гена. – Мы же даже не знаем, кто ее отец.

– Я знать не хочу того, кто посмел воспользоваться моей дочерью для удовлетворения своих низменных желаний, – выкрикнул Борис Львович и вскочил с кресла. – Подлец! Урод! Тварь!

Профессор начал метаться по комнате и хватать вещи, которые попадались ему под руку. Через несколько минут он успокоился, подошел к Гене, взял его за руку и усадил в кресло, на котором какое-то время назад сидел сам.

– У меня к тебе серьезный разговор, сынок, – начал профессор и закашлялся.

Гена сидел молча и ждал, что скажет ему его наставник. Он боялся перебить его, потому что видел, что тот готовится произнести что-то важное.

Через некоторое время мужчина продолжил:

– Я тоже виноват в смерти моей девочки и никогда себе этого не прощу. За этот грех я буду отвечать перед Богом на небесах. Но ребенок, которого дочь носила под сердцем, не должен страдать из-за меня. Ни я, ни моя жена не можем стать ему настоящими родителями, но дитя должно остаться в нашей семье. У меня нет никого, кроме тебя, поэтому я хочу, чтобы ты стал отцом ребенка.

– А как же... – изумился Гена. Он меньше всего ожидал такого поворота событий.

– Будь добр, не перебивай меня, – прервал восклицание юноши мужчина. – Ты забираешь девочку и уезжаешь в Москву. Естественно, ты не справишься самостоятельно с новорожденной, поэтому мы найдем грамотную медсестру, умеющую обращаться с младенцами. Ты обязан окончить институт и получить диплом. Насчет работы не беспокойся – моих связей хватит, чтобы устроить тебя так, чтобы хватало времени на малышку. У моей внучки должно быть все – внимание, забота, ласка, если не материнская, то хотя бы отцовская.

– Но как же я смогу ей дать это? У меня никогда не было детей, я не знаю, что это такое – быть отцом, – взмолился Гена.

– Ничего, научись, – спокойно ответил Борис Львович. – Ты толковый парень. Но о карьере врача тебе, видимо, придется забыть, по крайней мере, на время. Пока она растет, она должна видеть отца – значит, никаких дежурств в больницах, срочных операций и прочего. Я не знаю, когда я вернусь в Москву, поэтому теперь ты останешься один.

Гена потянулся за сигаретой – эта информация никак не могла уложиться у него в голове.

– И кстати, никакого курения – на тебе теперь лежит огромная ответственность, значит, ты должен быть здоров.

Гена вытащил изо рта прикуренную сигарету и недоуменно посмотрел на профессора.

– Эту ты можешь докурить, но она последняя, так что наслаждайся, – спокойно

произнес Борис Львович. – О деньгах не беспокойся, вы ни в чем не будете нуждаться. И главное – ребенок не должен знать правду о том, что случилось. Когда возникнут вопросы о матери, версия должна быть такая: вы очень любили друг друга, были мужем и женой, но она умерла при родах. Что касается женщин в твоей жизни, у тебя они могут быть где угодно, но только не дома. Мою дочь никто не заменит, а рядом с внучкой видеть постороннего человека я не желаю. Остальные детали мы решим позднее. На этом все, оставь меня. Мне нужно сообщить жене о случившемся.

Гена тяжело поднялся с кресла и прошел во двор – ему надо было обдумать то, что он услышал. Безусловно, отказать профессору он не мог – слишком много этот человек сделал для него, но и взять на себя ответственность за чужого ребенка было страшно. Жизнь катилась под откос – младенец, невозможность построить свою семью, отказ от любимой профессии. Как это все принять? Как в самом начале жизни отказаться от всего, о чем мечтается пылким юношеским сердцем и пытливым умом? Геннадий закурил еще одну сигарету. «Да, знаю, свою последнюю сигарету я должен был выкурить там, в гостиной, – думал он. – Но я не могу так, в одну секунду, поменять все! Так не делается! Так нельзя – взять и изменить все!» Молодой человек начал злиться: он был напуган и растерян. Сигаретный дым успокаивал и приводил в некое отупение, и тогда душевная боль ощущалась не остро, а сквозь белесую пелену. Гена помнил, как в таком же отупении он пребывал после смерти родителей: помнил, как механические движения вводили в некий транс и при этом создавали подобие хоть какой-то деятельности, помнил, как легкие жгло от никотина и каждый вздох давался с трудом... И помнил, как пришел Борис Львович и твердой рукой вывел его из небытия. «Если бы не он, я бы погиб прямо там, на кухне, уронив голову в пепельницу, полную бычков, – продолжал мысли молодой человек. – Я обязан ему своей жизнью, он для меня как отец... Он понял мою боль, приютил меня, значит, так было нужно, значит, сама судьба так связала нас, чтобы сейчас я пришел ему на помощь. Я обязан это сделать – он моя семья... И Вера – моя семья... Значит, и малютка – тоже моя семья. А если в семье горе, значит, нужно держаться вместе и помогать друг другу».

С этими мыслями Гена выбросил окуроч, осознавая, что это и есть его последняя сигарета, и вошел в дом, где профессор сообщал страшные новости по телефону своей жене...

Глава 3

Через месяц Геннадий с маленькой Зоей на руках вернулся в Москву. С ним прилетела и медсестра Галина Павловна, простая, одинокая 54-летняя женщина, которая большую часть забот о крошке взяла на себя, потому что молодому человеку необходимо было окончить вуз и получить диплом. Началась новая жизнь.

Сказать, что было трудно, – значит не сказать ничего. Первые три месяца Гена с ребенком и няней жили в одной комнате университетского общежития, пока в квартире родителей шел ремонт. Борис Львович, отправляя молодого человека с внучкой в столицу, уже думал о том, что семье нужно хорошее жилье, поэтому присматривал квартиру, разговаривал с риелторами, что-то высчитывал и раздумывал и, наконец, нашел верное решение. Он выкупил квартиру соседей Гены, предложив им такую сумму, что те не смогли устоять, и затеял ремонт, придумав объединить площади и сделать уютный большой дом, чтобы никто из членов семьи не мешал друг другу.

В те три месяца Гена корпел над учебниками, писал диплом, помогал Галине Павловне с малышкой, мотался по магазинам, а глаза закрывались от усталости. Ребенок не вызывал в нем никаких эмоций, кроме раздражения. Усталость, груз ответственности, невозможность реализовать свои амбиции стали постоянными спутниками жизни молодого человека, а винил во всем он эту кроху, которая смотрела на него своими огромными черными глазами из детской кроватки.

И вот самый сложный этап жизни пройден – экзамены успешно сданы, диплом получен, ремонт в огромной квартире на Таганке закончен. Пришла пора начинать новую жизнь.

Геннадий открыл дверь в дом, где теперь ему предстояло жить с дочерью и няней. Высокие потолки, паркетные полы, дорогая мебель – все поражало воображение. «Сколько же Борис Львович вложил денег в этот дом, – размышлял молодой отец, держа на руках крохотную девочку в розовеньком комбинезончике. – Я никогда в жизни не расплачусь с ним за это».

– Добро пожаловать домой, – вдруг раздался зычный голос профессора откуда-то из глубины квартиры. – Добро пожаловать, сынок и внучка.

Борис Львович вместе с Екатериной Леонидовной вышли в просторную прихожую, чтобы встретить родных. Горе сплотило их, и теперь муж и жена держались вместе, даже не думая о том, чтобы снова зажить на два города, как это было раньше. Бабушка протянула руки и взяла девочку. Она души не чаяла в этом посапывающем комочке, с черными волосиками, черными глазками и нежными губками бантиком. Борис Львович повел Гену по дому: здесь была и спальня хозяина, и детская Зои, и комната для няни, и кабинет, и шикарная гостиная, и просторная кухня, выполненная в стиле модерн. Здесь было все, чтобы семья ни в чем не нуждалась и не испытывала бытовых затруднений.

Галина Павловна осталась стоять в прихожей, пораженная увиденной красотой. Ей было даже неловко заходить внутрь, словно она по ошибке попала на бал и сейчас не знала, то ли тихонько уйти, чтобы не смущать хозяев, то ли все-таки осмотреть этот удивительный дом. Наконец любопытство победило, и женщина прошла в гостиную. Перед ее взором оказалась просторная комната, с мягкими коврами, лепниной на потолке, тяжелой добротной мебелью. Но больше всего женщину поразило огромное количество картин, висящих на стенах. «Как в музее», – выдохнула Галина Павловна и остановилась перед изображением двух влюбленных, которые, обнявшись и укрывшись от дождя одним зонтом, улетали в небо, оставив позади себя мир, полный ненастья. «Вот она, дорога любви к Господу, – вдруг подумалось няне. – Именно так должна выглядеть настоящая любовь. В доме, где есть такая картина, всегда будет мир и покой, всегда будет жить ласка, забота и тепло. И я тоже должна внести свой вклад в то, чтобы маленькую девочку, оставшуюся сиротой, всегда окружала доброта». И именно в этот момент Галина Павловна поняла, что этот дворец – теперь ее дом.

Прошло полгода. Геннадий, не без помощи Бориса Львовича, нашел работу в медицинском журнале. Как ни странно, но новое дело увлекло его: молодой человек тонко чувствовал потребности читателей, обладал хорошим слогом, смело участвовал в научных конференциях, так как обладал очень хорошим багажом знаний, легко заводил нужные знакомства и даже иногда присутствовал на интереснейших операциях, подробности которых потом в доступной форме освещал на страницах издания. Гена быстро шел вверх по карьерной лестнице, оставляя позади многих заслуженных работников, но при этом он был настолько открыт, обаятелен и добр, что зависти его успех ни у кого не вызывал. Напротив, молодым журналистам восхищались: умный, сообразительный, всегда готовый прийти на помощь, да еще и в одиночку воспитывающий дочь. «Нет, вы представляете, – говорили о нем сотрудники, – жена умерла при родах, когда он еще был студентом, так он не отдал ребенка в детский дом, не сдал бабушкам и дедушкам, а оставил себе. Он же тогда институт еще не окончил. Столько самоотверженности в этом поступке!» «Да, – вторили другие, – и при этом такие знания у него, такой слог. Он такой умничка!» «А какой симпатичный», – вздыхали девочки-редакторы. В общем, Гена купался в обожании людей, с которыми ему приходилось сталкиваться ежедневно.

А дома молодой перспективный сотрудник медицинского журнала становился заботливым отцом. Когда время учебы в институте прошло, когда, наконец, он смог спать больше трех часов в сутки, когда бытовые проблемы канули в Лету, Геннадий вдруг обнаружил, что в его душе зародилась отеческая любовь к девочке.

Молодой человек улыбнулся своему открытию, взял сидящую в манеже Зою, которая показывала свои первые зубки, и, поцеловав в нежные щечки, сказал: «Ну, здравствуй, дочка!» Галина Павловна ласково посмотрела на отца с ребенком и перевела взгляд на картину, где влюбленные улетают на небеса: «Ну, наконец-то любовь пришла в наш дом».

Глава 4

Гена очнулся от своих мыслей, взял телефон, на экране которого горели все пропущенные вызовы от жены, и нашел в себе силы вернуться в сегодняшний день.

– Дорогая, я уже приехал, – хриплым голосом сказал мужчина.

– Милый, я так волнуюсь... – всхлипнула Инна.

– Успокойся, все будет хорошо. – Он почувствовал волнение супруги, и ему стало стыдно за то, что своим молчанием он заставил ее испытать тягостные моменты тревоги. – Тебе нельзя волноваться, милая. Я скоро приду, я уже рядом с домом.

– Я жду тебя, родной.

Геннадий вошел в квартиру, и ему навстречу тут же бросились все члены семьи: жена, сын и няня. Они ждали новостей – до сих пор врачи разводили руками и не знали, от чего лечить 15-летнюю девушку, из которой медленно уходила жизнь. А сегодня позвонил врач и назвал диагноз, который Гена не рассматривал вообще, – анорексия. По его отцовскому мнению, не было никаких предпосылок к тому, чтобы дочь добровольно отказалась от еды, а значит, и от жизни вообще. Анорексия – это серьезная психологическая проблема, которая не возникает за один день. Но в случае с Зойкой все было именно так. Тот день, когда девочку забрали в больницу, был днем ее рождения. На 15-летие красотки-именинницы пришел почти весь класс. Шум, смех, музыка, куча подарков в углу гостиной, шикарный стол – все говорило о том, что в семье праздник. Зою поздравил и сводный брат, и Галина Павловна, и сам Гена, правда, пока по телефону, потому что возвращался из свадебного путешествия. Разговаривая с дочкой в аэропорту, мужчина не заметил, что девочка чем-то подавлена, напротив, она весело щебетала о том, как она соскучилась, как хочет залезть на коленки и слушать впечатления о поездке. Игривым тоном эта юная женщина спрашивала о подарках, которые она ждет от своего папы, а Гена в тон ей отвечал, что везет ей что-то очень-очень интересное... Воодушевленный такой беседой с дочкой, мужчина рвался домой, разом забыв о молодой жене, которая сейчас стояла рядом и пила минеральную воду из бутылочки. Вот уже родной подъезд показался из-за угла, и мужчина торопливо рылся в бумажнике, чтобы не задерживаться даже лишнюю секунду вдали от Зойки. Тормоза, расплата, хлопок дверью и...

Бледную как полотно Зою на носилках вынесли из дома врачи, а Галина Павловна бежала следом, утирая слезы. «Все было хорошо, пока я не принесла торт, – причитала пожилая женщина. – Она увидела его, вся сжалась, побледнела и потеряла сознание!» Молча выслушав няню, отец сел в машину «Скорой помощи» и поехал вместе с дочерью, благодаря Бога за то, что он вовремя оказался рядом.

А вот теперь, по прошествии почти двух недель, врачи поставили диагноз, который шокировал Покровского. «Анорексия! – размышлял мужчина, смотря на встревоженные лица родных. – И как я им скажу, что мы вчетвером не уследили за девочкой и что-то сделали не так, из-за чего в ее психике возникли такие отклонения? Но сказать надо, они же волнуются ничуть не меньше, чем я... Хотя меньше, конечно, меньше, я же отец, я ее самый родной и близкий человек...»

– Они сказали, что это анорексия, – без приветствия начал Геннадий.

– Анорексия? Как? Почему? – всполошилась Галина Павловна.

– А что это? – тревожно спросил Арсений.

– Милый, что же делать? – выдохнула Инна.

Голоса зазвучали практически одновременно, поэтому Гена поморщился и жестом показал родным замолчать.

– Врачи долго пытались выяснить, чем же заболела Зоя. Они предполагали и менингит, и вирусы, однако анализы не подтверждали диагнозов. И лишь благодаря медсестре, которая ставила ей капельницу, все прояснилось. Оказывается, когда та вводила иглу в вену Зойке, девочка вдруг разволновалась. На вопрос: «Что случилось?» – она задала встречный вопрос: «А сколько калорий в том, что вы мне вливаете?» И тут женщина поняла, что проблема гораздо глубже, чем предполагали врачи. К Зоечке пригласили детского психиатра, который подтвердил догадку медсестры, – у ребенка обезвоживание и истощение вследствие отказа от пищи.

– Но как же? – не переставала удивляться няня. – Как я могла просмотреть это?

– Вот именно это меня тоже волнует, – сурово ответил Геннадий, однако тут же смягчился. Он вспомнил случай из глубокого детства малышки. Однажды он поздно приехал домой с важной встречи. Тогда решался вопрос об открытии ток-шоу, посвященного здоровью, ведущим которого должен был стать именно он, Гена Покровский. Радостный, что дело так споро продвигается и переговоры прошли успешно, мужчина распахнул входную дверь и тут же почувствовал необъяснимую тревогу. И дело было не в мертвой тишине, которая окутывала пустые комнаты, и не в темноте, окружившей его. Какой-то страх словно растекся по всему периметру обычно теплого и радостного дома. Молодой отец ворвался в комнату дочери и увидел пустую детскую кроватку. От ужаса, испытанного им в тот момент, волосы зашевелились. Мужчина метнулся в комнату няни и, проходя по гостиной, увидел белый листок бумаги. «У Зои ложный круп. Нас увозят в детскую больницу имени Филатова». На ходу надевая куртку, Гена выскочил из квартиры и, нарушая все правила дорожного движения, помчался к дочери. Он ругал себя за то, что его не оказалось рядом, когда девочке нужна была помощь. Ворвавшись в приемный покой, он узнал, в какой палате находится пациентка Покровская, и, перескакивая через ступеньки, помчался к ребенку.

В темной палате лежала его дочь – она спала, грудная клетка со свистом поднималась и опускалась, потные черные волосики прилипли ко лбу, нежные губки потрескались. Она была так хрупка и беспомощна, что сердце мужчины вырывалось наружу. Бледная няня сидела рядом с кроваткой и тревожно вглядывалась в личико малышки.

– Что с ней? – чересчур громко спросил Геннадий. Гнев на себя, на няню, на жизнь захлестывал его, и он уже не мог совладать с эмоциями.

– У Зои ложный круп. Но все будет в порядке, так бывает у детей во время... – тихонько начала Галина Павловна.

– У детей может быть все, что угодно! – вскричал мужчина. – У других детей – пожалуйста! А моя дочь должна быть здорова!

Глаза женщины наполнились слезами, однако она нашла в себе силы поднять голову, спокойно посмотреть в лицо взбешенного отца и с достоинством ответить:

– Не кричите на меня! Я честно и преданно работаю у вас уже несколько лет. Вы врач и должны прекрасно понимать, что дети без болезней не вырастают. А своей истерикой вы ребенку не поможете.

Тон верной помощницы привел мужчину в себя, и он вдруг посмотрел на ситуацию со стороны. Волна стыда поднялась откуда-то из глубин сознания, и Гена сказал:

– Извините меня, Галина Павловна! Я совсем потерял голову от страха.

– Я понимаю, понимаю... – ответила няня, и из ее глаз полились слезы.

Геннадий очнулся от воспоминаний, которые весь день сегодня преследовали его, и снова посмотрел на членов семьи. Все трое продолжали стоять в прихожей, где происходил разговор, и молча смотреть на него.

– Мне бы хотелось выяснить, – более спокойным тоном продолжил Гена, – как, когда и почему заболела Зоя. Дайте мне раздеться, и мы все вместе пройдем на кухню и постараемся вспомнить все подробности, связанные с жизнью и здоровьем моей дочери.

Через полчаса семья собралась за круглым кухонным столом, Галина Павловна налила всем чаю, поставила на стол вазочку с печеньем и тарелку с бутербродами. Пожилая женщина понимала, что полноценно поужинать сегодня никто не сможет, как, впрочем, и все предшествующие дни, начиная с тех пор, как девочку положили в больницу, но тем не менее поесть что-то нужно. Геннадий положил перед собой всю справочную и учебную литературу, которую нашел в доме, касающуюся заболевания дочери, и первым заговорил:

– Галина Павловна, давайте вспомним, давно ли Зоя перестала есть?

– Мне кажется, что отказов от еды как таковых не было, – начала вспоминать няня. – Даже не знаю, что сказать.

– Хорошо, давайте пойдём другим путем, – предложил мужчина, открыл одну из книг и начал читать. – «Импульс первый: насмешки окружающих, обидные прозвища, такие как «пышка», «пухлик», «толстуха» и др.».

– Не верю, что это могло иметь место, – сказала Инна, поглаживая свой выступающий животик. – Зоя – очень стройная девочка, вряд ли кому-то в голову пришло ее так обзывать.

– Я согласна с вами, Инна, – поддержала женщину няня. – У Зоечки очень хорошая фигура, она стройненькая и красивая, и мальчики за ней табунами ходят.

– Ладно, продолжим. – Гена поморщился, представив, что за его крошкой ходят табуны ребят. Что-то похожее на ревность шевельнулось в нем и остро кольнуло сердце. – «Импульс второй: стремление к сохранению высокой самооценки, выработавшейся в детстве».

– Зоечка у нас всегда была самой лучшей, – с любовью промолвила няня, и глаза снова наполнились слезами. – В школе – отличница, лидер класса; в музыкальной школе – звезда. А конкурсов музыкальных сколько она выиграла! Она же с четырех лет знает, что такое сцена!

– Да, – с улыбкой вспомнил Гена, как устраивал разные конкурсы детского творчества на телевидении, где к четырем годам дочери он был уже довольно известен. Нет, совсем не какой-то уникальный талант телеведущего сделал его вхожим во многие кабинеты руководителей каналов, крупнейших продюсеров и лучших режиссеров страны, хотя, безусловно, Гена был совсем не плох на экране, абсолютно не боялся камеры, хорошо строил диалоги, был остроумен, обаятелен и молод. Однако таких талантов хоть отбавляй, а вот человека, обладающего широким диапазоном медицинских знаний, умеющего ставить точные диагнозы и назначать лечение прямо в кабинете, за чашечкой кофе, а также имеющего широчайших круг знакомых почти во всех клиниках, больницах и

научно-исследовательских институтах любого уровня, так просто не найдешь. День за днем к Гене Покровскому обращались за советами, с просьбами устроить к лучшим врачам, достать необходимое лекарство, осмотреть ребенка и многими другими, а в качестве благодарности охотно шли навстречу почти во всех просьбах доктора-телеведущего. Таким образом, малышка Зоя участвовала в конкурсах, сделанных специально для нее, снималась в рекламах, бывала на разных фестивалях.

– Значит, этот вариант тоже не подходит, – сказала Инна.

– Подходит, – вдруг подал голос Арсений, который до этого хмуро молчал. – В детстве она была единственной, а сейчас – нет.

– Боже! – простонал Геннадий и обхватил голову руками. Он очень отчетливо помнил тот день, когда начала стремительно меняться жизнь их маленькой семьи, состоящей из него самого, его дочери и няни.

Глава 5

Почти год назад в студии, где Геннадий обсуждал с редакторами рабочие вопросы, вдруг раздался звонок. Пресс-секретарь Леночка подняла трубку, о чем-то очень долго говорила с абонентом, а потом вздохнула и позвала ведущего.

– Геннадий, извините, пожалуйста. Вам звонит какая-то женщина, говорит, что она ваша давняя знакомая, но называть имя и сообщать о причинах звонка отказывается. Что делать?

– Я поговорю с ней, не переживай, – легко согласился мужчина. Он думал, что это может быть кто-то, кому требуется совет врача, но кто стесняется назвать либо истинную причину, либо собственное имя. Такое часто бывало, когда звонили известные люди. И хотя почти у всех был номер его мобильного телефона, застать Покровского в студии было гораздо проще, чем дожидаться, когда тот увидит десятки пропущенных вызовов.

– Я вас слушаю, – красивым поставленным голосом произнес Геннадий, подмигнув Леночке.

– Привет, Гена.

– С кем я имею честь общаться? – спросил мужчина у невежливого собеседника.

– Меня зовут Татьяна. Мы с тобой учились в одной группе до пятого курса. Помнишь?

Геннадий не помнил... После смерти родителей и до появления дочери был отрезок, в котором был только Борис Львович, медицина и собственная боль. И хотя молодой человек продолжал общаться с огромным числом людей, эти лица никак не запечатлелись в его памяти.

– Извини, но я не помню, – сухо сказал Покровский.

– Неважно, – быстро сориентировалась женщина на том конце провода. – Мне очень нужно встретиться с тобой. В подтверждение своих слов я могу принести наши институтские фотографии, некоторые конспекты лекций и свою зачетную книжку.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем нам встречаться?

– Поверь мне, это очень важно. Я обещаю, что все объясню при встрече.

– Хорошо, – что-то заставило мужчину согласиться. – Я могу через час возле «Останкино».

– Я подъеду, спасибо, – тихо сказала Татьяна и положила трубку.

– Привет, Гена, – сказала бледная женщина с сухой кожей, бедно одетая. Если бы мужчина не ждал встречи, то он бы подумал, что у него сейчас попросят милостыню.

– Привет, – совсем растерянно ответил Покровский.

– Наверное, ты совсем меня не узнаешь, но это не страшно, – мягким голосом продолжила Таня. – Я хотела бы предложить пройти в кафе и там поговорить спокойно. Мой рассказ займет какое-то время.

– Что ж, пойдем, – согласился мужчина. – Действительно, надо перекусить, как раз обеденное время.

Расположившись за столиком и сделав заказ, бывшие однокурсники внимательно разглядывали друг друга. Наконец, Татьяна нарушила молчание:

– Давай я сразу перейду к делу?

– Да, давай, – быстро согласился Гена. Он уже устал ломать голову над причиной появления этой женщины в его жизни.

– Летом после четвертого курса нас отправили на практику, – начала женщина.

– Да, помню что-то смутно... В какую-то даль заслали, – старался воскресить в памяти прошлое Покровский.

– Да, нас отправили в областную больницу, – согласилась Таня. – Мы там бесконечно бинтовали разбитые головы и рассеченные конечности... А жили на какой-то базе отдыха...

– Точно, – вдруг вспомнил Гена. – А по вечерам пили спирт с местными докторами и фельдшерами! Боже, ужасное было лето! Хорошо, что Борис Львович меня оттуда быстро забрал! Я и так был не в себе, а с таким количеством алкоголя вообще бы пропал!

– Да, – мягко согласилась Таня. – В то лето тебе действительно было не очень хорошо. И в один из таких вечеров, когда ты страдал от своей душевной раны, ты пришел ко мне, пьяный и несчастный. Ты, как голодный лев, бросился на меня и всю ночь терзал мое тело. Под утро ты вырубился, а проснувшись, ничего не сказал. К теме той ночи ты больше никогда не возвращался. Не возвращалась и я. Однако через пару недель мне все же пришлось это сделать – я забеременела.

– Как? – изумился мужчина. – Как забеременела?

– Не мне тебе рассказывать, – чуть улыбнулась женщина. – Ты врач, ты прекрасно знаешь, как это происходит. У меня нет к тебе никаких претензий и не было тогда, потому что я тебя любила и была счастлива носить твоего ребенка под сердцем. Я не хотела доставлять тебе сложностей, которых тебе и так хватало, не хотела ни к чему принуждать и навязывать ненужные тебе обязательства, именно поэтому перед пятым курсом я перевелась в Винницу, там закончила обучение, получила диплом и родила сына.

– Сына? – переспросил Геннадий.

– Да, сына. Я родила мальчика и назвала его Арсений. Так что у тебя есть 15-летний наследник, – грустно улыбнулась женщина. – Но попросила о встрече тебя я не для того, чтобы рассказать о последствиях той ночи. У меня рак... Умирать я вообще-то не собираюсь, но тем не менее хотелось бы, чтобы мой сын не остался сиротой при живом отце.

– Какая стадия? Каковы прогнозы? – переполошился Гена. – Давай я посмотрю результаты анализов и покажу ведущим специалистам в области онкологии. Доверься мне, тебя осмотрят лучшие врачи России, я оплачу все, что нужно...

– Хороший мой, – ласково проговорила Татьяна. – Именно за это я тебя всю жизнь и любила, за твое доброе сердце, за твою преданность медицине, за твою отзывчивость и желание всем помогать. Но ты не забывай, я тоже врач, причем практикующий, в отличие от тебя. Я многое могу сделать сама, мне не нужна помощь, а вот Арсению она может понадобиться. Я договорилась о лечении в Германии – лучшие онкологи Европы будут меня оперировать. Они дают шанс, что я смогу победить болезнь, однако если нет...

– Я все сделаю, – тут же согласился мужчина. Он помнил, что такое остаться сиротой, помнил страшную пустоту в душе, которую ничем не заполнить. Тогда Борис Львович смог спасти его, теперь его очередь спасать мальчика, который может остаться один.

– У меня операция через месяц, – по-деловому продолжила женщина. – За это время нужно, чтобы ты официально признал Арсения своим сыном. Тогда в случае моей смерти его не смогут забрать органы опеки. Пока меня не будет, ему не обязательно жить с тобой – я понимаю, у тебя наверняка есть своя семья, однако было бы хорошо, если бы ты хоть иногда приезжал к нему, присматривал за ним. Он у меня очень самостоятельный мальчик, конечно, но все же ему только 15 лет.

– Таня, – накрыл своей теплой рукой холодную истощенную женскую руку Геннадий, – не переживай, я не оставлю сына одного. А теперь давай поедим – тебе нужны силы – и обсудим все детали.

В студию Покровский больше не вернулся – он отвез Таню домой, чтобы она не тратила денег и сил на дорогу. Гена хотел в этот же день познакомиться с сыном, но мать отказала ему в этой просьбе.

– Гена, пойми меня, – устало посмотрела Татьяна, – у нас с Арсением сейчас не самые хорошие времена, но мы держимся только потому, что мы вместе. Твое появление нарушит наше единство и внесет суматоху. Давай мы с тобой сделаем все дела, а я пока подготовлю Арсения к тому, что ты можешь появиться в его жизни. Если операция пройдет успешно и я останусь жива, ты можешь забыть об этом разговоре.

– Забыть? – возмутился Геннадий. – Ты в своем уме? Это мой сын! Моя кровь! Я обещаю, что не появлюсь у вас, пока ты не разрешишь, но финансово я всегда буду поддерживать его и тебя.

– Зачем? – безучастно спросила Таня. – Я сама могу позаботиться о своем ребенке. К тебе я обратилась только для того, чтобы в случае моей смерти Арсения не забрали службы опеки.

– Затем, что я хочу дать вам все, что необходимо, – произнес мужчина металлическим голосом. – И я имею на это полное право.

– Хорошо, я не буду с тобой спорить, Гена, – согласилась наконец женщина.

Геннадий ехал домой и думал, как сказать Зое о том, что у нее есть брат, но потом решил не тревожить дочку: в конце концов, есть еще месяц до операции Татьяны, а

значит, девочка может еще спокойно побыть единственным любимым ребенком. Мужчина вернулся к обычной жизни, лишь иногда встречаясь с бывшей однокурсницей, чтобы решить вопросы с документами и передать некую сумму денег, которая сейчас была нужна ослабевшей от страшной болезни женщине и ее сыну-подростку.

Глава 6

Арсений сидел за столом и вспоминал, как впервые увидел свою сестренку, которая сейчас лежала в больнице. Молодой человек чувствовал и свою вину за происходящее.

– Папа, это я во всем виноват, – упавшим голосом произнес юноша. – Если бы я не появился в вашей жизни, Зочка была бы здорова.

– Не надо брать вину на себя, – строго сказал отец. – Ты ни в чем не виноват с самого начала. Это я не подготовил свою дочь к тому, что в нашем доме появится еще один член семьи, это я не смог показать, что в моем отношении к ней ничего не изменилось. Если мы правы и ее болезнь действительно из-за того, что она почувствовала себя обделенной вниманием, то это только моя вина.

Геннадий вспомнил тот день, когда привез Арсения в их дом. С утра он отвез Татьяну в аэропорт, несмотря на протесты женщины.

– Я поеду на такси, – настаивала Таня в телефонном разговоре. – Я позвонила только для того, чтобы поставить тебя в известность.

– Таня, не перечь мне! – злился мужчина. Он с утра был в дурном настроении: Борис Львович плохо себя чувствовал, что очень тревожило Гену, а у Зои вчера из кармана выпала пачка сигарет, и это привело его в шок. Конечно, уже с утра между отцом и дочерью произошел серьезный разговор, который закончился скандалом и взаимными обидами, а потом позвонила Таня...

– Хорошо, заезжай, я тебя жду, – наконец согласилась женщина. По голосу чувствовалось, что ей страшно и очень тяжело, именно поэтому она не стала спорить с мужчиной. И Гена, хлопнув дверью и не попрощавшись с Зоей, вышел на улицу.

«И что мне делать? – размышлял Покровский. – Зойке я так и не сказал о сыне, так мы еще и поругались... Зря я так накричал на девочку, конечно, но курить в 14 лет?! У нее же в детстве ложный круп был, а она свои легкие засоряет такой страшной гадостью! И голос ее прекрасный! Зачем она портит то, чем так щедро одарил ее Бог?! Если бы мы не поскандалили с утра и она не разобиделась, я бы спокойно поговорил с ней, рассказал об Арсении... А теперь что делать?»

Наконец показался знакомый дом, к которому за последний месяц Геннадий подъезжал неоднократно. Возле подъезда ждала Таня: она стояла, прислонившись к стене, и вытирала слезы, которые текли по ее лицу ручьем, потухшим взглядом она осматривала окрестности, будто прощаясь с ними. Гена выскочил из машины, подбежал к однокурснице, прижал ее к себе крепко-крепко и зашептал на ушко: «Держись, все будет хорошо... Только держись. Мы с сыном будем тебя ждать». Потом мужчина взял небольшую сумку, с которой Таня ехала в больницу, бережно посадил женщину на пассажирское сиденье, закрыл за ней дверь, а сам сел за руль.

– Где Арсений? Он не поедет с нами? – тихо спросил Гена.

– Нет, я ему не разрешила меня провожать, – дрожащим голосом ответила Татьяна. – У меня больше нет сил держаться и делать вид, что все хорошо.

– Танечка, – принялся успокаивать Покровский, – это же Германия, там лучшие врачи

Европы.

– Мне страшно, Гена, – разрыдалась женщина, – мне так страшно, и я так устала!

– Ну-ка возьми себя в руки, – скомандовал водитель, выезжая на Каширское шоссе. – Ты же врач, ты прекрасно знаешь, как важен настрой для выздоровления. Ты просто устала, но это пройдет.

Геннадий всю дорогу что-то говорил Тане, желая отвлечь ее от страшных мыслей. Ему очень хотелось вселить в мать его ребенка уверенность в завтрашнем дне, веру в свои силы и в то, что она обязательно вернется в Москву после успешно проведенного лечения. Вдалеке показалось здание аэропорта, и женщина вся сжалась. Геннадий увидел реакцию спутницы, но промолчал – Татьяна через несколько минут останется одна, а значит, должна быть готова самостоятельно справляться с эмоциями.

Возле стойки паспортного контроля Гена задержал Таню – он прижал к себе хрупкую измученную женщину, нежно поцеловал в истрескавшиеся губы и сказал:

– Танечка, держись, только держись. Я сегодня же заберу Арсения домой, так что о сыне не беспокойся. Когда прилетишь, отправь сообщение или позвони – денег на телефон я тебе положу прямо сейчас, чтобы ты всегда могла связаться с нами. Когда будут известны последние анализы, тоже позвони – я хочу знать все нюансы твоего лечения. Когда назначат дату операции, сообщи.

– Гена, не суетись, – чуть улыбнувшись, остановила женщина обеспокоенного Покровского. Она уже взяла себя в руки и могла снова отдалиться от человека, которого всю жизнь безответно любила. – Мы с тобой не муж и жена, мы посторонние люди.

– Ты что такое говоришь? – возмутился Геннадий. – Ты мать моего ребенка! Ты моя однокурсница! Ты мой друг и женщина, которая нуждается в моей помощи. Если не позвонишь, я сам буду тебе названивать. И Арсения подключу.

– Хорошо, я буду тебе звонить и держать тебя в курсе, – быстро согласилась Таня. Она опять готова была расплакаться от той заботы, которой окружил ее Гена и которой у нее никогда не было. – Спасибо тебе за все... Спасибо...

Татьяна развернулась и быстро пошла в зону ожидания вылета, оставив мужчину за чертой, куда нет доступа. Геннадий грустно посмотрел в спину Тане и отправился за сыном.

– Добрый день, Геннадий, – сказал высокий юноша, которого можно было бы назвать красивым, если бы не подростковая угревая сыпь, покрывавшая его благородное лицо.

– Привет, Арсений, – Гена обаятельно улыбнулся мальчишке.

– Проходите, – вежливо пригласил сын. – Можете не снимать обувь. Я не мыл полы после маминого отъезда – говорят, что это плохая примета.

– Правильно, – похвалил Покровский. – Тебе мама рассказала обо мне?

– Да, вы мой отец, – спокойно ответил молодой человек.

Гена растерялся от такой открытости мальчика и поэтому молчал.

– Хотите чаю? – вдруг спросил маленький хозяин дома и вымученно улыбнулся.

– Да, спасибо, – согласился от неожиданности гость и прошел на кухню.

Геннадий осматривал квартиру, где долгое время жил его отпрыск. Все, что видел мужчина, явственно говорило о затруднительном материальном положении семьи, и стыд за то, что его не было рядом все 15 лет жизни Арсения, обжигал душу.

– Вы не думайте, что нам очень плохо жилось, – сказал пронцательный сын, ставя чайник на плиту. – Моя мама подарила мне счастливую жизнь, дала мне все, в чем я нуждался... Ну и я маме помогал, как мог. Ей же трудно одной было все-таки.

– Прости меня, я просто не знал о том, что ты есть на этом свете, – вырвалось у Геннадия.

– Все нормально, – по-взрослому ответил мальчик. – Я ни в чем не нуждался. И сейчас не нуждаюсь, но спасибо, что заехали навестить меня.

– Арсений, – с удивлением сказал Гена, – боюсь, что ты не понял цель моего визита. Я приехал забрать тебя к себе домой. Мне бы не хотелось, чтобы ты жил один.

– Не беспокойтесь, я справлюсь, – уверенно сказал юноша. – Я привык быть один. Мама же на «Скорой» работала.

– Сынок, – настойчиво произнес Покровский, – так было до тех пор, пока я не знал о твоём существовании. Теперь ты член моей семьи, а значит, пока мама не вернется, будешь жить со мной. Возьми то, что тебе необходимо, остальное купим по дороге.

– Мне ничего не надо, у меня все есть, так что не стоит тратить деньги на это.

– Хорошо, не буду с тобой спорить, – согласился мужчина. – Я посижу здесь, попью чаю, а ты пока собирайся.

Арсений ушел в комнату, чтобы собрать свои немногочисленные вещи, а Геннадий остался на кухне и стал обдумывать сложившуюся ситуацию. «Что делать? Заявиться сейчас домой вместе с Арсением и представить его своим сыном? Или позвонить Зое и предупредить ее о новом родственнике по телефону? Нет, такие вопросы так не решаются. И почему я не догадался поговорить с дочерью заранее?» Пока мужчина терзался от невозможности принять верное решение, мальчик собрался, по-хозяйски прошел по квартире, осмотрел ее и поставил полиэтиленовый пакет с вещами в коридоре.

– Отец, я готов, – голос Арсения дрогнул, но он уверенно посмотрел мужчине в глаза.

– Хорошо, поехали, – Геннадий решил не акцентировать внимание на важном слове, которое произнес юноша. – По дороге я тебе расскажу про твою новую семью.

Глава 7

Зоя открыла дверь и застыла с каменным лицом: на пороге стоял отец, который с утра орал на нее как ненормальный, и прыщавый подросток.

– Зюечка, привет, моя родная, – как можно мягче сказал Геннадий. Он решил не возвращаться к утреннему скандалу, девочке и так будет нелегко.

– Здравствуй, – хмуро ответила дочь и сделала шаг назад.

– Милая, познакомься, это Арсений, он будет жить с нами.

– Это с чего это вдруг? – дерзко спросила девушка.

– Зайка, дай нам раздеться, и я тебе все объясню, – попросил отец.

Зоя хмыкнула, развернулась и пошла в свою комнату, всем своим видом показывая, что разговор ей не интересен.

– Дочка, не уходи, – крикнул вслед мужчина. – Давай поговорим!

– Ага! Мы сегодня с утра уже поговорили! Мне вполне хватило!

– Отец, не надо, – вдруг подал голос сын. – Давай я поживу у себя, ничего страшного, я привык сам о себе заботиться. Тем более мне оттуда в школу ближе ходить.

– Нет, Арсений, – остановил Геннадий. – Ты мой сын и будешь жить в моем доме, пока твоя мама не поправится.

– Сын?! – вдруг раздалось из гостиной. Зоя вышла все-таки из своей комнаты. – Моя мама родила меня в 16 лет, а его тогда во сколько?

Арсений покраснел и не знал, куда деться. Ему совсем не хотелось стать причиной ссор в этом доме. Галина Павловна почувствовала, что отцу и дочери нужна помощь, вышла из кухни и подошла к девочке.

– Зайка, дай своему отцу сказать хоть слово. – Няня обняла Зою. – Мойте руки и пойдемте ужинать, как раз все готово.

Гена с благодарностью посмотрел на хранительницу их семейного очага и, подтолкнув Арсения в сторону ванной комнаты, улыбнулся дочери. Девочка смотрела на него с каменным лицом.

Все сели за круглый стол и уставились в тарелки. Геннадий нарушил затянувшуюся тишину:

– Зайка, послушай. Я хотел заранее тебя подготовить к этой новости, но так получилось, что просто не успел. Когда я был студентом, мы с мамой Арсения провели одну ночь вместе. Я не буду рассказывать тебе об обстоятельствах, приведших к тому, что случилось, тебе не надо это знать... После той ночи меня быстро забрал твой дедушка в Иркутск, а Татьяна еще оставалась на практике. В начале учебного года ее уже не было в нашей группе. Именно поэтому я так и не узнал, что в результате моей... халатности на свет появился мальчик. Сейчас мама Арсения очень больна. Сегодня я отвез ее в аэропорт, откуда она улетела в Германию, чтобы сделать сложнейшую операцию, а сын остался совсем один в этом городе. Я чувствую ответственность за то, что этот ребенок был обделен моей заботой столько лет, поэтому и привел его к нам, пока его мама проходит лечение. Я надеюсь, что мы все станем одной семьей и ты сможешь своему брату пережить это испытание.

– Он мне не брат, – фыркнула девочка. – И если ты помнишь, мамы у меня тоже нет, так что он не более несчастен, чем я.

– Зочка, – вмешалась Галина Павловна в разговор, – у тебя всегда был папа, который тебя очень любит, бабушка и дедушка, приезжающие к тебе в гости, и я у тебя всегда была, есть и буду. А у Арсения нет больше никого, кроме мамы, нуждающейся в серьезном лечении за границей.

Зоя потупила глаза, долго молчала, а потом выдавила из себя:

– Хорошо, пусть живет. Только не в моей комнате.

Арсения поселили в кабинете Геннадия. Отец очень извинялся за то, что у них в доме

нет комнаты для сына, однако мальчик был поражен богатством дома, удобствами, которые его окружают, и огромной библиотекой изданий медицинской тематики, оказавшейся в свободном доступе. Юноша мечтал стать врачом, как мама, поэтому с жадностью поглощал всю профессиональную литературу. Сейчас для него открылся целый мир, недоступный ранее. Покровский смотрел на сына, который тут же вцепился в справочники и научные монографии, и видел себя молодого, которого привел когда-то за руку Борис Львович в свою комнату после страшной трагедии. Гена понимал, что сейчас он делает все правильно – это его плата за то, что когда-то он остался жив и стал тем, кем он стал. «Круг замкнулся», – подумал мужчина и улыбнулся. Какой-то покой поселился в его душе.

Глава 8

Гена, Арсений, Галина Павловна и Инна сидели за столом, пытаясь найти причину болезни девочки.

– Не казните себя, Геннадий Матвеевич, – мягко сказала няня и погладила мужчину по руке. – Мне кажется, что вы очень достойно вели себя в те дни с девочкой. Вы прекрасный отец и ничем не обделили дочку.

– Ладно, читаем дальше, – продолжил Покровский. – «Импульс третий: обретение собственного идеала красоты и осознание несоответствия ему».

– Собственный идеал красоты? – переспросила Галина Павловна. – Я с девочкой каждый день общалась, ни разу от нее не слышала рассуждений о чьей-либо красоте.

– Мне она говорила, что я очень красивая, – вдруг вспомнила Инна, – но не думаю, что это имеет отношение к болезни.

– Может, и имеет, – промолвил Гена и начал вспоминать дальнейшие события, которые происходили в тот сложный для всех год.

Дочь и сын почти не общались в первую неделю. Арсений старался быть мягким и уступчивым, беспрекословно слушался отца и няню, прекрасно учился и никогда ни на что не жаловался. Зойка же в те дни была капризна, часто дулась и грубила всем подряд, но день за днем она оттаивала, и вот уже стычки между подростками стали сменяться разговорами за чашкой чая и редкими совместными шалостями. Галина Павловна и Геннадий вздохнули с облегчением, решив, что все сложности остались позади. Однако жизнь преподнесла им еще один удар.

– Отец, – подошел Арсений, – у мамы через неделю операция. Мне страшно за нее. Она там совсем одна. Мамочка очнется от наркоза в чужой стране, с чужими людьми, и совсем никого рядом с ней не будет. Мне очень стыдно, но я хотел бы нарушить слово, данное ей, и полететь туда. Ты не мог бы меня отправить в Германию?

– Ты прав, сынок, – отозвался мужчина. – Завтра же я займусь билетами и проживанием. Ты замечательный человек, Арсений. Твоя мать очень хорошо тебя воспитала, я горжусь тобой.

В этот момент зазвонил телефон, и Покровский отвернулся от мальчика. Сын вышел из гостиной, чтобы не мешать разговору. А через некоторое время мужчина пришел на кухню, где собрались все члены семьи, и сказал:

– У дедушки большие проблемы с сердцем. Завтра он прилетает в Москву – здесь его будут оперировать.

Зоя подняла огромные глаза на отца и сжала губы. Было видно, что девочке вдруг

стало страшно, что ее жизнь вот-вот разрушится, разлетится на мелкие частички.

– Я хочу видеть дедулю, – прошептала она.

– Конечно, милая, – откликнулся отец и погладил дочь по голове. – Мы с тобой поедem встречать дедушку и проводим его в больницу. Заодно я поговорю с врачами. Он прилетает днем, но в школу ты можешь не ходить.

Зоя кивнула и прижалась к няне.

В аэропорт Геннадий с Зоей прибыли раньше времени. Поняв, что до прилета остается еще больше часа, отец и дочь направились в кафе. Есть не хотелось совсем – слишком тревожно было на душе, но стоять в зале ожидания и всматриваться в лица выходящих людей, безнадежно пытаюсь отыскать единственное родное, – еще хуже. Гена взял под локоть дочь и повел в сторону столиков. Проходя мимо стеклянных окон здания аэропорта, мужчина вдруг увидел отражение красивейшей пары и с удивлением отметил, что видит именно себя и Зою. Впервые Покровский посмотрел на девушку глазами мужчины, а не отца. К 14 годам его крошка вдруг превратилась в юную женщину: детская фигурка приобрела соблазнительные изгибы; жесты, манеры и взгляд стали манящими. Изменения произошли и в одежде – теперь в гардеробе были обтягивающие джинсы, коротенькие курточки и кофточки, высокие каблочки. В таком образе уже в 14 лет девочка была дико сексуальна. Весь час, что папа с дочкой просидели в кафе, Геннадий ловил себя на том, что смотрит на дочь глазами мужчины, и очень смущался от такого открытия. Наконец объявили о том, что самолет совершил посадку.

Бориса Львовича везли на каталке работники аэропорта, Екатерина Леонидовна шла сзади, везя за собой чемодан. Когда мужчина увидел профессора, то сразу понял, что дела совсем плохи. Лицо больного было синюшным и отекившим, взгляд потускнел, а все вещи болтались на изнеможенном теле как на вешалке. Зоя бросилась к дедушке:

– Дедуля! Дедуля, я так соскучилась!

В очередной раз Покровский залюбовался стройной фигуркой дочери, однако тут же одернул себя и переключил внимание на пожилую чету, заменившую ему рано погибших родителей. Борис Львович и Екатерина Леонидовна тепло здоровались с внучкой, хотя было видно, что улыбки даются им с трудом. Геннадий поспешил родным навстречу.

Профессора определили в палату, и Гена пошел разговаривать с хирургами, а Екатерина Леонидовна и Зочка окружили своим вниманием и заботой старика. Когда мужчина вышел из ординаторской, он увидел, что пожилая женщина сидит в коридоре.

– Екатерина Леонидовна, что случилось? – встревожился мужчина.

– Все нормально, милый, – подняла уставшие глаза «вторая мать». – Боря захотел наедине поговорить с внучкой. Не знаю, о чем.

Как только были произнесены эти слова, из палаты выскочила Зоя и уставилась на Геннадия.

– Это правда? – Губы малышки дрожали, а кулачки были сжаты. – Скажи мне, это правда?

– Милая, я не знаю, о чем ты говоришь.

Екатерина Леонидовна поспешила к мужу, оставив отца с дочерью наедине.

– О том, что ты не мой отец, – расплакалась Зайка.

– Крошка моя, – притянул к себе ребенка Покровский. – Ты моя с самого рождения. Ты

моя и только моя дочка... Да, в тебе не течет моя кровь, но это ничего не значит!

– Не значит? – вскричала Зоя. – Что ты об этом знаешь? Он отнял у меня мамочку! И тебя тоже отнял! Ты мне не отец! А он мне не дедушка!

– Зочка, зайка моя, я был твоим отцом с самого твоего рождения и всегда им буду. И дедушка с бабушкой у тебя самые настоящие: они твои родные по крови, но это и не главное. Главное, что они очень любят тебя и в тебе их смысл жизни.

– Смысл жизни? – переспросила дочь. – Какой жизни? Он убил мою маму, а меня отдал чужому человеку. И в этом смысл его жизни?!

– Ты сейчас расстроена, поэтому не можешь рассуждать разумно, – пытался успокоить девочку отец. – Поверь мне, у твоего дедушки не было и дня, чтобы он не жалел о том, что когда-то поднял руку на Верочку, хотя ее гибель была трагической случайностью. Он очень страдает от того, что не уберег дочь. И то, что ты сейчас отвернешься от него, его может просто убить.

– Мне все равно. Он убил мою маму и сломал мне всю жизнь, – зло сказала Зоя и направилась к выходу. Геннадий бросился за ней.

Глава 9

Галина Павловна, Геннадий и даже Арсений пытались поговорить с Зоей, объяснить, что ничего не поменялось в ее жизни.

– Любовь – это нечто большее, чем единая кровь, – говорила няня девочке. – Посмотри на нашу любимую картину, где влюбленные вдвоем взлетают к небесам. Они же не родные, они абсолютно чужие друг другу люди, но их сердца бьются в унисон, потому что в их душах живет любовь. У вас с папой точно так же. Вот еще неделю назад что бы ты сказала про папу?

– Что папочка у меня самый лучший в мире, – буркнула Зоя.

– А он разве изменился по отношению к тебе?

– Нет, но он же мне не папа, – подняла затравленный взгляд молодая девушка.

– А кто же тогда?

– Не знаю.

– Девонька, он твой папа с самого твоего рождения. И он очень страдает от того, что ты отвергаешь его любовь. И дедушке очень плохо. Он считает себя виноватым в смерти дочери, а ты, его единственная и любимая внучка, отвернулась от него. Разве так можно? Он же дал тебе все, что мог дать: семью, заботу, любовь... Так нельзя, маленькая моя...

Зоя вытерла слезы и кивнула головой. Было видно, что няня вложила в ее хорошенькую головку какую-то мысль, которую теперь предстояло выносить и вырастить.

Геннадий мотался между работой и больницей, а в это время его голова была занята дочерью. Ее боль не давала ему покоя, но что делать, он не представлял.

Борису Львовичу становилось все хуже и хуже, и операция каждый день откладывалась. На ежедневном консилиуме опытные хирурги и кардиологи принимали решение стабилизировать больного и лишь после этого оперировать. Однако сегодня врачи

поняли, что дальнейшее промедление становится опасным для пациента, поэтому сообщили Покровскому, что на послезавтра они ставят в план операцию и сегодня уже начали подготовку профессора.

– Зоя, Арсений, я приехал, – прокричал отец, войдя в дом. Двери комнат открылись, и дети вышли в прихожую. – Зочка, дедушке назначили операцию на послезавтра. Я поеду в больницу, если хочешь, можно поехать вместе.

– Я бы хотела съездить к нему завтра, если можно, – сказала девушка. – Я думаю, что мне надо извиниться перед ним.

– Зайка моя, – Гена прижал к себе дочь, – какая ты у меня замечательная. Я горжусь тобой, крошка.

Зоя прижалась к отцу и посмотрела на него потеплевшим взглядом. Покровский поцеловал девушку в макушку и не заметил, что в глазах дочери появилось что-то совершенно новое.

– Арсений, – уже обращался к сыну мужчина. – Я привез билеты на самолет на послезавтра. Сам понимаешь, я не смогу полететь с тобой – я нужен тут. Извини, сынок...

– Отец, я все понимаю, – благодарно улыбнулся мальчик. – Спасибо тебе за заботу о нас с мамой.

– Не за что, сынок. Ты звонил ей сегодня?

– Да, мы уже разговаривали. Но я ей не сказал, что прилечу.

– Правильно, не надо ее тревожить. Как она сегодня? – спросил Геннадий.

Зоя, поняв, что отец переключил свое внимание на молодого человека, развернулась и пошла к дверям своей комнаты, но по дороге вдруг передумала. Она вернулась в прихожую и прижалась к отцу, заинтересованно поглядывая на брата. Геннадий обнял одной рукой дочь и продолжил разговор.

– У нее совсем слабый голос, – грустно произнес мальчик. – Я спросил, когда ей будут делать операцию, но она не ответила на мой вопрос. Я волнуюсь за нее очень.

– Не переживай, – успокоил Покровский. – Я завтра днем позвоню лечащему врачу Татьяны, который присылал мне последние результаты ее анализов, и спрошу про дату операции. Потом тебе сообщу.

– Спасибо, отец. – Арсений слегка успокоился и пошел обратно в комнату, где на столе лежала открытая книга по фармакологии. А Зойка продолжала висеть на отце и рассказывать свои девичьи новости. Геннадий вздохнул с облегчением: «Вроде девочка отошла от потрясения».

В пять утра раздался телефонный звонок. Галина Павловна услышала его первой сквозь чуткий сон и взяла трубку. Буквально через минуту она ее положила и простонала: «Боже! Горе какое!»

Из спальни выбежал Геннадий и по глазам няни все понял.

– Я в больницу, детей не будите и не говорите о случившемся, пока я не вернусь, – четко скомандовал мужчина. – Я улажу все дела, заберу Екатерину Леонидовну и вернусь.

Пожилая женщина кивнула головой и прошла на кухню.

Дети встали в этот день поздно. Первым вышел Арсений, который уже начал собирать вещи для завтрашнего путешествия в Германию. Мальчик был сосредоточен и задумчив, однако его чуткое сердце подсказало, что произошло что-то страшное.

– Галина Павловна, что случилось?

– Ничего, сынок, садись завтракать, – только и смогла сказать няня, но молодой человек не поверил словам женщины и продолжил расспрашивать, надеясь помочь чем-то, что в его силах.

В этот момент на кухню вошла заспанная Зоя. Девушка терла виски и морщилась.

– Я ночью слышала звонок, – хрипло сказала красавица. – Кто это был?

– Никто, – хмуро ответила няня, наливая своей любимице чай.

– Что, ошиблись номером? – продолжала расспрашивать девушка.

В этот момент на кухню зашел Геннадий. Он молча подошел к форточке, открыл ее, сел за стол и достал сигареты.

– Папа, – воскликнула Зочка, – ты никогда не курил, да еще и мне такой скандал из-за этого устроил!

– Зоя, сегодня утром дедушка умер, – тихо произнес Покровский, проигнорировав слова дочери. – Бабушка сейчас в больнице, ей колют транквилизаторы. Похороны состоятся в Иркутске через два дня. Там все устроят, я уже звонил и договорился. Тело будет отправлено завтра. Мы полетим тоже завтра. Надеюсь, что бабушка уже сможет перенести перелет.

Зоя в один момент изменилась в лице – что-то нежное и детское ушло из ее взгляда. За две последние недели она превратилась из маленькой принцессы во взрослую женщину. Девушка вдруг поняла, что в тот момент, когда к ним в дом зашел Арсений, она перестала быть единственной, самой лучшей и самой любимой, через неделю она «потеряла отца», узнав, что никакого кровного родства между ними с Геней нет, а вот сейчас она перестала быть внучкой, потому что любимый дедушка ушел из жизни.

– Тебе не надо лететь в Иркутск, – вдруг произнесла Зоя. – Дедушке теперь ничем не поможешь, а вот Арсению и его маме ты помочь еще в состоянии. Поэтому отправляйся в Германию, а мы с бабушкой и няней – на похороны.

– Ты что такое говоришь, дочь? – возмутился Геннадий. – Как ты могла предположить, что я не попрощаюсь с Борисом Львовичем? Как ты могла подумать, что я отпущу тебя одну?

– Прощаться с ним ты можешь сегодня и завтра. В морг тебя пустят, – холодно произнесла девушка. – А лечу я не одна, а с родными. Арсению ты будешь нужнее. Мне кажется, что дедушка меня бы поддержал.

Последним предложением Зоя добила своего – Гена понял, что на самом деле будет правильно сейчас полететь с сыном. Борис Львович, когда-то сказавший, что медицина – это призвание или даже диагноз, сделал бы то же самое – поехал туда, где его знания будут нужнее. Галина Павловна порадовалась тому, что ее малышка так правильно рассудила. «Значит, не эгоистку мы вырастили, раз о брате подумала в такой страшный момент», – решила няня и поцеловала девочку. Однако мотивы такого предложения у Зои были совсем другие. «Это я виновата в смерти дедушки, – в отчаянии думал 14-летний ребенок. – Это я его убила своим поведением, значит, я должна искупить вину перед ним. Я сама должна проводить его в последний путь, я

сама должна помочь бабушке прийти в себя, раз это именно я забрала у нее дедулю. Я все сделаю сама, а Он пусть летит с сыном, пусть искупает вину перед ним за то, что тот рос без него». С тех пор, как Зоя узнала правду, она не могла называть Геннадия папой. В разговорах с ним она старалась никак к нему не обращаться, а в своих мыслях именовала его исключительно «он». С этих пор начиналась совсем другая жизнь... и рождалась совсем другая Зоя.

Глава 10

– Геннадий Матвеевич, а при чем тут Инна? – спросила Галина Павловна у Покровского, который углубился в воспоминания прошедшего года.

– Я сам себе не признавался в этом, хотя меня очень ситуация тревожила, а уж вам-то и подавно не хотел говорить, – сказал мужчина. – Но здоровье дочери сейчас важнее всего остального, так что придется посмотреть правде в глаза. После того как Зоя узнала о том, что я ей не родной, ее отношение ко мне очень изменилось...

Следующим утром Геннадий с Арсением вылетели в Германию, а Зоя, Екатерина Леонидовна и Галина Павловна – в Иркутск. Мужчине такое решение далось нелегко, но он понимал, что сейчас трудно всем.

Уже днем отец с сыном входили в холл огромного больничного комплекса, где проходила лечение Татьяна. Персонал клиники хорошо владел английским языком, поэтому Покровскому не составило труда узнать о состоянии здоровья российской пациентки.

– Арсений, – тревожно посмотрел на сына Гена, – операция началась час назад. Доктор Норберг, с которым я держал связь, сейчас в операционной, поэтому подробностей мне сказать никто не может. Нам предложили подождать в приемной, а как только он освободится, ему сообщат о нашем приезде.

– Почему она не сказала? – чуть не плача, произнес мальчик. – Я же спрашивал ее.

– Наверное, не хотела тебя тревожить, – предположил отец. – Ты же знаешь, как сильно она тебя любит. Она сделала это для тебя. Пойдем выпьем кофе и будем ждать результатов.

Через три часа доктор Норберг вышел в приемную. Он поискал глазами родственников его пациентки и, обнаружив «мужа» и сына в дальнем углу комнаты, направился к ним.

– Добрый день, я доктор Норберг.

– Добрый день. Я доктор Покровский, мы общались с вами по телефону, – ответил Геннадий на английском языке, окрестив себя доктором. Вдаваться в сложные взаимоотношения, связывающие его с Татьяной, ему не хотелось. – Как прошла операция? Как Татьяна?

– Мне очень жаль... Женщина умерла на операционном столе. Мы сделали все, что могли. – Хирург развел руками, показывая свое сожаление о случившемся.

Покровский сел в кресло и закрыл лицо руками, Арсений стоял рядом и пока не понимал, что происходит. Мальчик сердцем чувствовал, что случилась беда, но разум пока отказывался принимать эту информацию. Пожилой немец вызвал медперсонал для родственников умершей на случай, если им понадобится какая-то помощь, положил руку на плечо мужчины, а потом сказал:

– Вам придется пройти потом к нашему юристу, чтобы уладить все формальности. Мне очень жаль.

Геннадий кивнул головой и постарался взять себя в руки. Рядом стоял Арсений и смотрел на отца и доктора широко открытыми глазами.

– Сынок, – голос Гены сорвался, – твоя мама только что умерла..

Мальчик побледнел, а потом сел на корточки, сжался и заплакал. Взрослый 15-летний подросток стал совсем маленьким в своем горе, боль стирала границы возраста, характера, пола и родства.. В этот момент не было молодого человека Арсения, была только боль, сконцентрировавшаяся в одной точке, мешавшая дышать, думать, жить. Гена смотрел на сына и видел себя 16 лет назад, когда он жил, не зная слова «завтра». Тогда впереди ничего не было, только пугающая чернота. Он тогда еле выжил, и теперь его сын проходит через точно такую же боль. «Круг замкнулся, – в который раз подумал Покровский, оглядываясь на свою жизнь и замечая странные закономерности. – Круг замкнулся. Все искуплено. За все заплачено».

Мужчина схватил сына в охапку, прижал к себе и жарко зашептал: «Ты мой сын, ты моя кровь. Ты не один и никогда одним не останешься. Твоя мама ушла в другой мир спокойная за твою судьбу. Будь сильным, не подведи ее. А я тебе в этом помогу».

Слова отца благотворно действовали на Арсения, мальчик постепенно приходил в себя и успокаивался. Наконец он затих, углубившись в свои мысли и чувства. Потрепав сына по макушке, Геннадий встал:

– Пойдем, у нас с тобой очень много дел, сынок. И самое главное сейчас – умыться и пойти к юристам. Ты мне нужен, без тебя я не справлюсь.

Арсений кивнул головой и собрал свою волю в кулак: он должен быть сильным, мамы больше нет, но теперь есть отец, которому он нужен, и сестра, которой сейчас очень и очень тяжело.

Похороны проходили в Москве. Геннадий всем занимался сам, привлекая то и дело сына, чтобы не дать подростку уйти в мрачные мысли. Пока дела сыпались со всех сторон, тоска отступала, а именно этого отец и добивался. Зоя с няней задерживались в Иркутске, желая поддержать бабушку, которая из директора ликеро-водочного завода, властной и сильной женщины, превратилась в печальную и растерянную старушку. Девочка знала о беде, которая случилась в семье своего так называемого брата, и готова была вылететь в любую минуту, чтобы поддержать и Гену, и Арсения, но отец настоял на том, что ее присутствие здесь сейчас не нужно.

– Милая, – уговаривал дочь Покровский, – ты попадешь с одних похорон на другие. Я боюсь за тебя. В 14 лет девочки проводят время на дискотеках, а не на кладбищах и в моргах.

– Но вам же там сейчас тяжело, – настаивала Зоя. – Я вам нужна.

– Зайка моя, ты мне всегда нужна, и в горе, и в радости. Я безумно по тебе скучаю, но мне будет гораздо спокойнее, если я буду знать, что с тобой все в порядке, тебе ничего не грозит и ты приходишь в себя после всех потрясений.

– Ладно, папа, – произнесла девушка, не обратив внимания, что снова назвала мужчину отцом, – если тебе так спокойнее, то я останусь. Арсению передай мои соболезнования.

Геннадий выдохнул с облегчением и положил трубку.

На поминках Покровский и увидел впервые Инну.

– Это мамина лучшая подруга, – представил Арсений молодую женщину, полностью одетую

в черное. – Ее зовут Инна, сейчас она работает в больнице, а раньше они с мамой вместе работали в «Скорой помощи».

– Здравствуйте, – нежным голосом произнесла молодая женщина и подала маленькую ручку.

– Здравствуйте, Инна, – ответил Геннадий, рассматривая лучшую подругу умершей однокурсницы. Перед ним стояла редкая красавица: густые черные волосы тугими локонами падали на плечи и спину, фарфоровое лицо было абсолютно правильной формы, тонкий нос с горбинкой придавал очарования, а полные чувственные губы влажно блестели и наводили на мысли о сексе. Но больше всего Гену удивили ее глаза. Огромные черные озера смотрели печально и внимательно, и было в них что-то такое родное, что не могло оставить мужчину равнодушным. Покровский забыл про трагический повод, по которому они встретились, и обаятельно улыбнулся новой знакомой. Дальше мужчина и женщина уже не могли оторваться друг от друга: они с упоением рассказывали о своем детстве, об учебе в медицинском институте, об особенностях работы, об исследованиях, диагнозах, мечтах, снах. Геннадию вдруг показалось, что он вернулся в свою юность, в то время, когда для него существовала только медицина, когда он встречался с девушками и приглашал их на свидания, когда не было отцовских обязанностей, работы на телевидении и такой размеренной и распланированной жизни. «Круг замкнулся, – опять подумал Гена. – Я заплатил за свое спасение, теперь можно начинать новую жизнь, где будет место любви, встречам, свиданиям и медицине».

И эта жизнь началась. Пока Зоя с няней была в Иркутске, Гена ежедневно встречался с Инной, наслаждаясь удивительно легким общением. Однако скоро слов стало мало, и вот требовательные мужские губы касаются пухлых женских губ, и в этот момент Геннадий тонет в омуте черных глаз. Страсть захлестнула мужчину с такой силой, что он перестал отдавать отчет в своих действиях – казалось, что он хочет проглотить своим ртом Инну, руками – разорвать ее на части, телом – вдавить в кресло автомобиля. Забыв про то, что они находятся в машине, стоящей возле подъезда женщины-врача, Покровский сорвал тонкий кашемировый свитер с обезумевшей от такого напора Инны и жадно приник к полной душистой груди. Инна застонала, что послужило для мужчины сигналом к следующему действию. Властная рука проникла в черные брючки женщины и начала ласки влажного нежного лона. Сильнейший оргазм сотряс хрупкое тело пассажирки, а через несколько мгновений она доставила неземное наслаждение своему спутнику. Мужчина и женщина приходили в себя – они смотрели друг на друга и не верили в происходящее. Наконец Инна натянула на себя поднятый с пола свитер и хрипло произнесла: «Пойдем ко мне». Мужчина плотоядно улыбнулся и вышел из машины. У него начиналась вторая молодость.

Глава 11

Через полтора месяца прилетели Зоя и Галина Павловна. Девочка очень соскучилась по отцу, поэтому, когда открылась входная дверь, она кинулась на шею Гене и вдруг заметила женщину, стоящую позади.

– Это кто? – Девочка тут же изменилась в лице.

– Малыш, познакомься, это моя подруга Инна. – Гена привлек к себе дочь и поцеловал ее в лобик.

– Она что, будет жить у нас?

– Пока она пришла к нам в гости, – улыбнулся мужчина и представил, что через несколько часов он опять овладеет этой страстной жаркой женщиной.

Для него вдруг отошла на второй план вся его предыдущая жизнь: дочь, сын,

телевидение – все стало неважно. Теперь все свободное время Покровский проводил либо в больнице, где работала Инна, пытаясь хоть как-то наверстать упущенные возможности практической медицины, либо в любых укромных местах, желая восполнить такое длительное отсутствие сексуальной жизни. И даже когда отец бывал дома, он витал в своих мыслях и не видел, что Зоя стала сама не своя.

– Геннадий Матвеевич, – пыталась обратить внимание отца на ребенка няня, – с девочкой что-то происходит. Она перестала с нами общаться, с Арсением постоянно ругается, ее оценки стали намного хуже, а про пение я вообще молчу. А вещи... Ее вещи постоянно пахнут табаком – девочка курит. Надо что-то делать.

– Я поговорю с ней, – отвечал Покровский и снова уходил в свою новую яркую жизнь, которой он был лишен долгих 16 лет.

Прошло восемь месяцев. Арсений оканчивал школу и шел на золотую медаль. Мальчик упорно готовился к поступлению в медицинский вуз, причем хотел это сделать без помощи отца, который, безусловно, имел связи и мог лишить сына нервотрепки, связанной со вступительными экзаменами. Но и Геннадий, и Арсений понимали, что врач – это человек, отвечающий за жизни других людей, поэтому рассчитывать с самого момента поступления и до конца всей своей карьеры придется только на самого себя. Но если сын не приносил никаких хлопот семье, то с Зоей дела обстояли намного хуже. С момента возвращения из Иркутска девочка очень изменилась. С ней стало сложно разговаривать: она то ластилась к отцу и не отпускала его от себя ни на шаг, особенно в те редкие дни, когда Инна не приезжала в гости, то грубила, правда, если уж грубила, то попадало всем. Больше всего девушка обижала Арсения, хотя тот души не чаял в своей сестре. И снова няня шла к Покровскому, чтобы поговорить:

– Геннадий Матвеевич, может, ее психологу показать?

– Это просто подростковый период, – отвечал отец, отправляя в этот момент сообщение своей женщине.

– Может, и подростковый, но ситуация-то нездоровая, – продолжала настаивать пожилая женщина. – Девочка ревнует вас. Женились бы вы на Инне, что ли? Может, тогда Зочка станет смотреть на вас по-другому.

– По-другому? – переспросил Геннадий. – Что вы имеете в виду?

– Мне кажется, что она видит в вас мужчину, а не отца, – вздохнула Галина Павловна.
– Зря Борис Львович все девочке рассказал, зря...

– Ну что вы выдумываете? – усмехнулся отец. – Она же еще ребенок, всего четырнадцать с половиной лет.

– Раньше в это время уже женщинами становились... И она теперь такая же – взрослая и дитя одновременно. И ей сейчас очень тяжело: ведь она вас любит, но знает, что вы ей не отец, поэтому в голове все перемешалось.

– И вы считаете, что женитьба поможет? – поинтересовался Покровский, хотя и сам подумывал о том, чтобы создать с Инной семью.

– Может быть, – ответила няня, хотя было видно, что сомнения ее гложут.

– Я подумаю, – пообещал мужчина и направился к дочери в комнату.

Зоя сидела на кровати и рассматривала журналы.

– Давай поговорим, дочка, – предложил Покровский.

– О чем? – язвительно спросила та. – О твоей всепоглощающей любви?

– Малышка моя, – ласково погладил девушку отец, – ты всегда была и будешь моей самой любимой девочкой. Я знаю, что последние события потрясли тебя, да и меня тоже, и жизнь твоя изменилась, но моя любовь к тебе вечна.

– Я люблю тебя, – прошептала Зоя, глядя Геннадию в глаза.

– И я тебя люблю, дочка, – ответил Покровский.

– Ты так ничего и не понял, – промолвила девушка и, отвернувшись к стене, разрыдалась. Сердце Гены разрывалось от жалости к этой маленькой худенькой брюнеточке, которая волею судьбы стала его дочерью. Он схватил хрупкое тельце, прижал к себе и начал укачивать рыдающую дочь, как ребенка. Через какое-то время Зоя затихла и заснула. Мужчина накрыл девочку одеялом и вышел из комнаты.

Думать о женитьбе Геннадию долго не пришлось – через неделю Инна сообщила, что беременна. Радости мужчины не было предела – наконец-то у него будет свой ребенок, в полной мере свой, зачатый им и его любимой женщиной в порыве осознанной страсти. Решив скрыть до поры до времени интересное положение невесты, пара подала заявление в ЗАГС и стала готовиться к торжеству. Галина Павловна активно принимала участие в организации торжества, а дети устранились от этой темы. Арсению было просто не до этого – он целыми днями просиживал над учебниками, готовился к экзаменам и читал всю доступную ему литературу профессиональной тематики, а Зоя злилась, почти не выходила из своей комнаты и отказывалась разговаривать и с отцом, и с братом, и с будущей мачехой. Лишь няню она допускала к себе.

Свадьба и праздничный банкет прошли великолепно, и только Зочка не видела этого. Перед таким важным событием в жизни ее отца у девушки поднялась высокая температура, которую не могли сбить ни сам Геннадий, ни Арсений, ни приглашенные Покровским врачи. Галина Павловна осталась с больной, хотя ей очень хотелось поприсутствовать там, куда было вложено так много ее сил и стараний. Именно в тот день няня обнаружила, что ее Зайка отказывается от еды, даже от куриного бульона, но решила не настаивать. Она вытирала потный белый лобик девочки влажными полотенцами, поила ее горячим чаем и целовала тонкие пальчики, а девочка лишь на минутку открывала потускневшие глаза и тут же закрывала их.

В доме наступила мертвая тишина.

Глава 12

– Неужели именно с нашей свадьбы Зоя перестала есть? – испуганно спросила Инна.

– Похоже, что да, – тоскливо ответил Геннадий. – Галина Павловна, вы не помните, не изменились ли Зоины привычки за то время, что мы были в свадебном путешествии?

– Привычки? – няня задумалась. – Ну, Зоя перестала выходить на кухню и старалась есть в комнате. Я, правда, думала, что это из-за того, что вас нет дома, а со мной и Арсюшей ей неинтересно.

– Боюсь, тут другая причина, – сказал Покровский и провел пальцем по тексту лежащего перед ним справочника. Вот послушайте: «Девочки-подростки часто используют одинаковые отговорки, позволяющие им избежать приема пищи. Чаще всего употребляются следующие предлоги: «поела у подружки», «была в кафе», «поем в своей комнате».

– Боже, именно это она постоянно и говорила – воскликнула Галина Павловна. – И как я могла не понять, что дело зашло так далеко?

– Но она иногда ела с нами, – вспомнил Арсений. – Точно говорю, потому что все наши совместные ужины я помню. Она набрасывалась на еду как ненормальная и ела в несколько раз больше меня.

– Я боюсь, что это тоже проявление болезни, – беспокоенно посмотрел на сына Геннадий. – После такого обильного поглощения пищи больные, страдающие анорексией, потом бегут в уборную, где вызывают у себя рвоту.

– Рвоту? – молодой человек был изумлен. – Я думал, что у нее диарея.

– Нет, к сожалению, это не диарея, это анорексия.

– Но ведь нас не было два месяца, как она могла продержаться так долго совсем без еды? – удивилась беременная жена.

– Нет, Зоя часто пила чай, ела обезжиренный творог, легкие йогурты... И вареные овощи, – уверенно сказала няня. – Наверное, именно они поддерживали ее силы.

– Но что же случилось потом? – терзался Покровский. – Если она ела кисломолочные продукты и пила чай, то ее организм не мог быть до такой степени обезвожен и истощен. Значит, есть еще какая-то причина.

– Боюсь, эта причина во мне, – покраснев, признался Арсений. – Мне очень стыдно признаваться в этом, но молчать, когда здоровье сестры в опасности, я не могу. Пока вас не было, мы с Зоей начали хорошо общаться. Мы часто проводили время вместе, иногда – в ее комнате, иногда – в моей. В тот день мы поругались: она кричала, что у нее очень толстые ноги, а я ее убеждал, что она фантастически красива. В итоге Зоя обозвала меня простолудином и лохом, и я вышел из комнаты, хлопнув дверью. Через какое-то время мне стало стыдно, ведь ее это на самом деле мучает, и я решил помириться с Зойкой. Чтобы показать сестре, какая у нее потрясающая фигура, я накачал в Интернете разных картинок полуобнаженных моделей. Я думал, что если девочка посмотрит на себя в зеркало, а потом на фотографии общепризнанных красавиц, то она увидит, что ее фигура ничем не отличается от их. Я позвал сестру, а она мне в ответ лишь нагрубила, и я вернулся в комнату. Пока я искал эти фотографии, я наткнулся на сайты с порно. Обиженный на Зою, я сел снова за компьютер и открыл первый попавшийся эпизод. Увиденное меня очень возбудило, и я стал удовлетворять себя. Мне было очень приятно, я стонал и был близок к завершению процесса. В этот момент в комнату зашла Зайка. Я развернулся в кресле и кончил прямо у нее на глазах. Зойка выскочила из комнаты, я побежал за ней, но не догнал. Но я слышал, что ее долго рвало в туалете... Я вообще не знаю, как она пережила это... Я же ее брат... А она такое увидела...

– Арсений, – тихо сказал Геннадий, – ты ей не брат, и она прекрасно об этом знает.

– Не брат? – Глаза юноши стали похожи на огромные блюда. – Как?

– Я потом тебе расскажу все, – устало произнес отец. – Но, видимо, ты прав... Именно ее рвота и дальнейшее голодание привели к заболеванию. Только не казни себя, сынок. Твоей вины тут нет. Зоя не увидела ничего такого, о чем она не знала раньше.

– Папа, прости меня, – простонал мальчик.

– Успокойся, тебе не за что просить прощения, – ответил отец и закрыл всю литературу, лежащую у него на столе. – У Зои сложные обстоятельства жизни, и она запуталась. Все, что связано с любовью, у нее стало вызывать только отрицательные эмоции. Мы все так или иначе виноваты в случившемся, и вместе с тем никто в этом не виноват. Теперь будем думать, что делать дальше. Вы идите спать, а я поищу кого-нибудь, кто работает с такими проблемами и может мне помочь. Слава Богу, врачебный

мир достаточно узок и мне хорошо знаком.

Покровский зашел в кабинет. Арсений готовился ко сну.

– Сынок, я тебе не помешаю? – спросил Геннадий.

– Нет, пап, конечно нет, – ответил юноша и лег на диван.

Мужчина сел за свой рабочий стол, достал все записные книжки, визитки, клочки бумаг, пытаясь найти того, кто поможет его дочери. Он долго перебирал имена, фамилии и должности людей, с которыми работал или общался в течение последних 15 лет, пока вдруг не всплыла тема диплома его однокурсника: «Нервная анорексия – важнейшая проблема подростковой психиатрии».

– Давид! – воскликнул Гена и ударил себя рукой по лбу. – Как я мог забыть об этом великом балагуре?!

Хотя забыть было немудрено, ведь пока писался диплом, юный студент качал на руках крошку-дочь и мало общался со сверстниками. «Где же он сейчас? – размышлял мужчина.

– Я ни разу не столкнулся с ним нигде и ни при каких обстоятельствах. Что с ним? Жив ли он?»

– Арсений, – позвал сына Покровский. – Твоя мама общалась с однокурсниками?

– С кем-то общалась, – отозвался мальчик. – У нее была старая записная книжка, еще студенческая, там была информация обо всем вашем курсе. Она методично ее изменяла, если узнавала новый адрес или телефон, при этом могла сама не звонить и не встречаться. Именно так она нашла тебя...

– Ты знаешь, где эта книжка? – судорожно спросил отец.

– В той квартире, наверное, – отозвался сын. – Раз в сумке, которую нам отдали, не было ничего похожего.

– Как она выглядит?

– Зеленая, с наклейками, довольно большого формата.

– Я поеду за ней. Возможно, там найду телефон человека, который нам поможет, – эти слова мужчина произносил уже на ходу.

– Я с тобой, – быстро отозвался Арсений и вскочил с дивана. – Без меня ты можешь не найти.

– Хорошо, одевайся. Я пойду к Инне, скажу ей, чтобы она ложилась без меня.

Через 40 минут Геннадий Покровский звонил в Америку, куда переехал, оказывается, сразу после получения диплома Давид Эдельштейн. Еще 20 минут разговора, сначала на английском, потом на родном русском языке, и дальнейшая судьба девочки была решена.

– Зоя будет лечиться в Америке, – сказал сыну Гена. – Давид возьмет ее к себе в больницу и продержит дочь там как минимум до сентября. Мы с тобой сможем приехать к ней, если захочешь, сразу после того, как ты сдашь все вступительные экзамены. Поехали спать. Завтра я переговорю с врачами дочки и начну заниматься оформлением виз.

Зюю какое-то время подержали еще в больнице, под капельницами, а потом все-таки выписали. Дома было два медика, и такие простые вещи, как инъекция витаминов и внутривенные вливания делать могли и там. Геннадий приехал за дочерью один. Он хотел провести хоть несколько минут наедине с Зоей. Ослабевшая дочь с помощью медсестры надевала теплые вещи, а отец стоял рядом и наблюдал за своей Зайкой. Сейчас она совсем не была похожа на ту цветущую девушку, которой он любовался в аэропорту, где почти год назад встречали дедушку. Зоя выглядела ужасно: цвет лица был серый, волосы вылезали клочьями, скулы заострились, ногти ломались и слоились, мягкая девичья грудь пропала... Гена подавил стон, который вызвал у него вид дочери, а Зоя, услышав отца, оглянулась. Огромные черные глаза затянули Геннадия в омут, и ему вдруг захотелось утонуть в этих озерах, вобрать в себя все то, что несет эта родная для него бездна. Где-то в глубине души зашевелилось что-то знакомое, и мужчина вдруг вспомнил ту всепоглощающую страсть, которую он испытал в тот далекий вечер с Инной. Именно эта черная бездна увлекла его в пучину чувственности, в результате которой сейчас под сердцем его жены растет малыш. Испугавшись собственной реакции на взрослый взгляд дочери, Покровский потрянул головой и заставил себя вернуться в ту реальность, в которой его больная девочка с трудом стояла возле кровати.

Мужчина подошел к дочери, поднял ее на руки и вместе со своей бесценной ношей пошел к машине. Им предстояла дорога домой, во время которой отец рассказал дочери об особенностях ее заболевания и о том, что ей предстоит проходить лечение в далекой Америке. Девушка молча выслушала информацию и ничем не выдала своих эмоций. А может, этих эмоций у нее и не было...

Зюю встретили все члены семьи и окружили со всех сторон, а девушка смотрела только на выпирающий живот мачехи – она до сих пор не знала о том, что женщина беременна.

– Отец, отнеси меня в мою комнату, – слабым голосом произнесла больная, не желая видеть подтверждение того, что ее обожаемый папа отдает свою любовь и страсть другой женщине.

– Хорошо, малышка, – согласился Гена. – Сейчас ты передохнешь, а потом мы будем обедать.

– Я не голодна, – ровным голосом ответила дочь и отвернулась наконец от Инны.

– Но тебе нужно немного поесть, – мягко настаивал Покровский.

– Давай я покормлю тебя, – предложил добрый Арсений. – Мы с тобой чуть-чуть поедим, всего пять ложек, а потом я тебе почитаю какую-нибудь книжку.

Зоя смутилась, но согласно кивнула головой.

Через час в комнате девочки сидели Гена и Арсений. Оба по очереди кормили свою Зайку и развлекали ее интересными рассказами. Девушка смогла проглотить только три ложки. Потом она расплакалась: «Я больше не могу».

Грустный отец отставил тарелку в сторону и поцеловал холодные тонкие пальчики дочери, а брат стал гладить острые коленки бывшей красавицы и успокаивать ее:

– Ничего страшного, не плачь. Ты просто устала. Сейчас ты немного отдохнешь, а потом мы снова покушаем.

Геннадий с любовью посмотрел на своих детей, таких разных, но тем не менее очень родных, и порадовался, что между братом и сестрой все-таки возникла та душевная связь, которая должна быть между родственниками. Поцеловав дочь и потрепав сына по голове, отец вышел из девичьей спальни и пошел к жене.

Арсений остался в комнате. Он любовался девушкой, лежащей рядом с ним, его не смущала ее болезненная худоба, поредевшие волосы, поломанные ногти и потрескавшиеся губы. Молодой человек видел лишь черные бездонные глаза, полные какой-то тайны и женской притягательности. Сейчас, когда он знал правду о Зойкином происхождении, он замечал за собой, что все чаще и чаще думает о сестре как о девушке, его чувства к ней совсем не похожи на родственные.

– Тебе папа сказал про Америку? – поинтересовался молодой человек.

– Ну да, – безразлично ответила сестра.

– И что ты думаешь? – продолжал расспрашивать Арсений.

– Мне все равно, – тем же тоном произнесла девушка.

– А мне нет, я буду очень скучать по тебе.

Зоя подняла глаза и улыбнулась брату: все-таки он очень похож на отца, только моложе.

Целый месяц Арсений ухаживал за девочкой. Почти круглосуточно мальчик сидел возле кровати сестры, читал ей книги, иногда даже учебники, кормил ее с ложечки, выносил на прогулки. Он помогал ей мыть голову, стараясь отвлечь внимание девушки от количества волос, покрывавших белую эмаль ванной. Когда Зоя спала или смотрела телевизор в гостиной, юноша брал учебники и готовился к выпускным экзаменам, хотя до них еще было время. Геннадий тоже проводил почти все свое свободное время с дочерью, сменяя Арсения на этом добровольном посту, но этого времени было совсем немного: работа, встречи и беременная Инна забирали почти все 24 часа в сутки. Зое доставались совсем крохи – час-полтора в день.

«Зачем я обманываю себя, – иногда думал Покровский. – Я бы мог проводить с Зайкой гораздо больше времени, но я так боюсь этого ее странного взгляда, направленного на меня, что просто теряюсь. Эта кроха вызывает во мне такие глубокие и сильные эмоции, что я просто не знаю, как себя с ней вести. Ничего, совсем скоро девочка уедет в Америку, и все чувства позабудутся, пройдут. И тогда мы снова станем счастливой семьей, такой, какой мы были до прошлого года».

Сторонясь дочери, отец не заметил и изменений в сыне: Арсений был явно влюблен в свою сводную сестру, влюблен пылко и страстно. Молодой человек был готов сделать для Зайки все, что она попросит, а девушка смело этим пользовалась. Каким-то внутренним женским чутьем Зочка понимала чувства молодого человека и наслаждалась этой небольшой победой. Нет, Арсений ей не нравился совсем, но то, что он был сыном Гены и имел такое явное сходство с отцом, примиряло девушку с этими ухаживаниями.

В тот день, когда Геннадий привез домой паспорта с американскими визами и билеты на самолет, Инну положили в больницу.

– Геночка, – успокаивала жена мужа по телефону, – все будет хорошо. Сейчас нас поколют, а через две недели выпустят.

Инна говорила с мужем, а у самой сердце разрывалось от страха за своего малыша, который уже начал толкаться. Но тревожить мужа ей тоже не хотелось – он и так уже второй месяц ходил сам не свой из-за дочери.

– Я сейчас к вам приеду, – тоном, не терпящим возражений, сказал Покровский и начал собираться. Он зашел в комнату к дочери, чтобы сказать о том, что уезжает в больницу. Открыв дверь, он увидел Зою и Арсения, сидящих на кровати и разгадывающих кроссворд.

– Малышка, я бы очень хотел побыть с тобой, но мне придется уехать. Инну положили на сохранение, и я должен быть в этот момент рядом с женой. Завтра утром я приеду. Не грусти и покушай, хорошо?

Зоя подняла глаза на отца и ничего не сказала.

– Отец, не беспокойся, я покормлю Зайку, – сказал молодой человек. – Езжай к Инне и ни о чем не думай. Все будет в порядке.

– Спасибо, сынок. Малышка, спокойной ночи. Я тебя люблю.

Девушка опять молча посмотрела на Геннадия и отвела взгляд. Сказать ей было нечего.

– А вот и ужин, – произнесла Галина Павловна, внося поднос, на котором стояла тарелка с мясом и салатными листьями и стакан свежавыжатого сока.

– Я не голодна, – привычно ответила Зоя и снова занялась кроссвордом.

– Зайка, надо поесть, – вмешался Арсений. – Давай заключим сделку: ты съешь пять маленьких кусочков мяса, а я тебе расскажу одну очень интересную историю.

Зоя не хотела ни есть, ни слушать истории, но она знала, что молодой человек не отстанет от нее, пока не добьется своего, поэтому она решила сократить время обуюдной пытки.

– Хорошо, только давай историю ты мне рассказывать не будешь.

– По рукам, – весело ответил юноша и взял с подноса тарелку.

Зоя честно проглотила пять кусочков, которые ей подносил ко рту брат, и отодвинула рукой тарелку. Процесс поглощения пищи ее утомял, поэтому она грациозно откинулась на подушки и потянулась. Легкая футболка обтянула ее груди, которые крошечными холмиками вздымались в такт дыханию. Арсений как замороженный смотрел на истощенное тело, а потом слегка дотронулся до тонкого плеча девушки. Желание пронзило его, и он потянулся к ее влажным губам. Зоя не сопротивлялась, однако и не отвечала на ласки. Податливость Зайки свела с ума пылкого влюбленного, и он начал неистово целовать лицо и шею своей милой. Через несколько минут его рука ласкала девичьи груди и бедра, а потом опустилась вниз и проникла в святая святых женского тела. Не встретив отказа и в этом жесте, Арсений осмелел: он осторожно уложил Зойку на спину, снял с нее трусики и приник губами к впалому животу. Юноша покрывал поцелуями любимое тело, а потом быстро разделся и навис над юной любовницей. Арсений смотрел в огромные черные глаза своей Зайки и искал ответа на вопрос: «Можно ли продолжать?»

Зоя не чувствовала ни желания, ни отвращения. Ей казалось, что внутри она мертва и пуста, однако отталкивать юношу ей не хотелось: «Больше всего на свете я желала бы, чтобы на его месте был Гена. Но это невозможно. Так что пусть лучше сын моего любимого лишит меня девственности, чем когда-нибудь это сделает абсолютно посторонний мне человек». Зоя прикрыла глаза и представила, что сейчас она слышит тяжелое дыхание Геннадия, а не его сына, и сделала едва заметное движение навстречу.

Арсений уловил этот жест любимой и мягко вошел в нее. Буквально через несколько минут с громким стоном и содроганием молодой человек опустился рядом с девушкой. Только что он отдал себя всего этой молчаливой принцессе с огромными глазами, в омут которых он так любил погружаться.

Зоя подождала, пока сводный брат придет в себя, а потом сказала:

– Вот ты извращенец! Вокруг полно красивых девушек, а ты сходишь с ума по почти лысой уродке, которая и ходить-то самостоятельно может с трудом!

– Зочка, – шептал молодой человек, – ты красавица. Ты самая красивая девушка на свете, и я очень люблю тебя. Я все готов для тебя сделать, только будь со мной.

– Одевайся, извращенец, а то Галина Павловна зайдет.

– Зоя, – надевая джинсы, продолжал Арсений, – я на самом деле люблю тебя. Я хочу быть с тобой рядом каждую секунду.

– Я скоро улечу в Америку.

– Я буду ждать тебя, Зайка моя.

– Давай не будем ничего загадывать, – устало произнесла теперь уже женщина. – Отнеси этот отвратительный поднос и приходи разгадывать кроссворд дальше.

Через неделю самолет унес Геннадия и Зою в далекую Америку. Арсений смотрел на отъезжающее такси и не мог отделаться от ощущения пустоты и одиночества. Этот день четко разделил жизнь всех членов семьи на два периода: с Зоей и без нее.

Глава 14

Самолет приземлился в аэропорту Соединенных Штатов Америки. Геннадий с тревогой смотрел на Зою – такой длительный перелет дался девушке с трудом. Ослабевшая дочь почти всю дорогу спала, положив голову отцу на колени, отказывалась от еды и воды. Покровский лишь гладил черные как смоль волосы своей Зайки и пытался справиться с охватившим его отчаянием. Иногда девочка поднимала на отца взгляд, и мужчина тут же скатывался в пучину мучительно-сладостных эмоций. «О чем я думаю, – стонал про себя телеведущий. – Это же моя дочь, это та девочка, которой я менял подгузники и кормил с ложечки кашкой. Что со мной происходит? Может, у меня просто давно не было близости с женой, если каждый раз, когда Зайка смотрит на меня своим призывным взглядом, я не могу совладать с собственными чувствами?»

Геннадий постарался переключить внимание на здоровье близких – стал думать об Инне, которая сейчас вынашивала его сына, а потом и о Зое. «Как страшно, – терзался он, – страшно то, что происходит с моей дочерью. Страшно, что она сознательно довела себя до такого состояния. Страшно, что в ее маленькой светлой головке зародилась мысль о неприятии себя как женщины. Как страшно, что ей так тяжело справляться со своими чувствами и эмоциями, что она готова похоронить себя заживо!» Покровский надеялся, что Давид поставит его дочь на ноги, однако чем дольше он об этом думал, тем больше понимал, что совсем не хочет, чтобы девочка оставалась жить вдали от него. «Может, – надеялся мужчина, – ее лечение займет совсем немного времени, и она скоро вернется ко мне... То есть к нам... Как же я буду без своей Зайки? Может, мне тоже остаться в Америке? Но там же работа, программа, Инна, сын... Что же мне делать?»

А Зоя в это время лежала и думала о своем: «Как хорошо лежать рядом с ним. Я могу представлять, что я его молодая любовница, которую он везет показать мир... Как хорошо, когда мы с ним вдвоем, вдали от всех непонятно откуда взявшихся родственников... Вдали от его пузатой Инны... Вдали от этого странного мальчишки, который вдруг придумал, что он в меня влюблен... Конечно, он мил и добр, этот Арсений, но он не Гена... Мой Гена – самый лучший в мире... И сейчас я лежу у него на коленях, и он принадлежит мне целиком и полностью... Мы сейчас как те влюбленные, которые вдвоем под одним зонтом поднялись в небеса, где их ждало счастье...» Девушка

иногда поднимала глаза на предмет своих фантазий, чтобы убедиться, что это именно он, ее Геннадий Покровский, тот мужчина, которого она долгое время называла отцом. Их взгляды встречались, и казалось, что время останавливается...

Но время остановить невозможно, поэтому долгий полет завершился посадкой. Дальше паспортный контроль, такси, встреча с доктором Эдельштейном, осмотры и анализы.

Давид вышел к своему институтскому приятелю, держа в руке заполненную историю болезни.

– Ты вовремя ее привез, Ген, – серьезно сказал мужчина и протянул исписанные листы. Геннадий быстро пробежался глазами по записям: «Истощение второй степени; подкожная жировая клетчатка отсутствует; кожные покровы истонченные, бледные; молочные железы редуцированы; аменорея; гастрит; брадикардия; анемия...»

– Что с ней будет? – ошеломленно спросил Покровский.

– Надеюсь, что ничего, – ответил Эдельштейн. – В смысле, все будет хорошо. Здесь великолепный уровень медицинского обслуживания. Я сделаю все, что от меня зависит, для того чтобы твоя дочь поправилась.

– Когда ее выпишут?

– Не торопись, – спокойно сказал доктор. – Выпишут ее тогда, когда ее физическое состояние не будет внушать опасений. День, в который это произойдет, назвать тебе я не могу. Однако на психологическое восстановление требуется гораздо больше времени, поэтому раньше сентября я ее не отпущу. При первой же возможности я заберу ее домой – так мне будет легче заниматься ею.

– А тебя она не потеснит?

– Меня – нет, – засмеялся Давид. – Она потеснит мою дочь Наташку. Но та уже привыкла к тому, что в ее комнате живет кто-нибудь из моих пациенток, поэтому возражать не будет. Девочки – ровесницы, так что, думаю, они найдут общий язык.

– Спасибо тебе, друг, – от души поблагодарил Геннадий.

– Рано благодаришь, давай сначала дочь твою на ноги поставим. Сейчас можешь пройти к ней, а вечером поедem к нам – буду знакомить тебя со своей семьей.

Геннадий вернулся в Москву через неделю. Его сердце разрывалось от боли. Он смотрел на свою дочь, которая оставалась одна в чужой стране в таком ужасном состоянии, но сделать ничего не мог. Он понимал, что в Москве, учитывая все сложные обстоятельства ее жизни и особенности заболевания, ей будет еще хуже.

– Зайка моя, – прощался с дочерью Гена, – я буду звонить тебе каждый день, а летом мы с Арсением приедem сюда и останемся с тобой до сентября. А в сентябре мы вернемся все вместе домой.

– Хорошо, Гена, – безучастно произнесла лежащая под капельницей девушка. – Счастливого тебе пути. Няне передавай большой привет... Ну и Арсению тоже...

Глава 15

Покровский целиком и полностью погрузился в работу. С утра до вечера он пропадал на телевидении, а по ночам звонил дочери или Давиду. Учитывая разницу во времени, из-за океана ему докладывали утренние новости.

– Наконец-то физическое состояние не внушает опасений, – радостно сообщил Давид по телефону. – Сегодня утром получили последние результаты анализов – все в норме. Вес уже поднялся на полтора килограмма. Слава Богу, мы вывели ее из состояния кахексии, угрозы для жизни больше нет. Теперь мы перейдем к психотерапии, но этим я займусь уже сам. Сегодня заберу Зою домой, так что когда будешь звонить дочери в следующий раз, она будет уже вне больничных стен.

– Спасибо тебе, Давид, – со вздохом некоторого облегчения сказал Геннадий.

– Вот теперь я могу ответить «пожалуйста», – со смехом произнес Эдельштейн. – Будем ждать твоего следующего звонка. И если не сложно, постарайся не слишком распространяться о своей московской жизни, чтобы не беречь рану девушки.

– Хорошо, – согласился мужчина. – Будем говорить с ней только на приятные посторонние темы.

Прошло время. Инна родила здорового сына, которого называли Игнатом. Арсений с блеском поступил в медицинский институт и теперь все время проводил за учебой. Галина Павловна все так же вела хозяйство, однако чувствовала себя лишней в новой семье, ведь Зюечки сейчас дома не было.

Геннадий и после летнего визита в Америку каждый день общался с дочерью по телефону, но так и не забрал ее в Россию, как изначально планировал. Это произошло из-за разговора с Давидом.

– Лечение проходит нормально, Зоя постепенно приходит в себя и начинает жить обычной жизнью. Они с Наташкой подружились и часто выходят вместе то в кино, то в клубы. Но несмотря на все мои усилия, твоя дочь еще нестабильна. Мне бы очень хотелось отпустить ее домой, как мы и договаривались, однако я не могу утверждать, что болезнь не вернется. Я бы порекомендовал тебе оставить Зою здесь, под моим присмотром. Мы отправим ее в колледж, она получит хорошее образование, а потом сможет уже сама выбирать, где ей жить.

– Я не могу решить этого самостоятельно. Она же моя дочь, как я могу сказать ей, что домой она не вернется?

– Поговори с ней, – настаивал доктор. – Мне кажется, что ей на самом деле будет лучше здесь, вдали от твоей новой семьи.

– Хорошо, передай ей трубку, пожалуйста.

Зоя очень легко согласилась на жизнь в Америке – ей совсем не хотелось возвращаться туда, где ее мир был полностью разрушен. Гораздо легче жилось здесь, вдали от Гены, целующего другую женщину, от Арсения, который когда-то потеснил ее на пьедестале всеобщей любви. Теперь, когда родился Игнат, Геннадий будет вынужден делить свое время и силы на троих, причем самый младший априори получит гораздо больше любви, чем двое старших, да и если по справедливости рассуждать, то мальчики хотя бы кровными узами связаны с Покровским, а она, черноокая худышка, лишь подкидыш, навязанный студенту суровым профессором. «Нет, – рассуждала девушка, – крохи его любви мне не нужны. Лучше жить здесь и не слышать, не видеть его. Я забуду обо всем, если начну совсем новую жизнь; здесь, в Америке, в доме Дэвида, вместе с Нэтели, мне будет сделать это гораздо проще». Зоя сама не заметила, как погрузилась в жизнь другой страны, она даже доктора Эдельштейна и его дочь Наташу называла английскими версиями их имен, хотя в доме вся семья, включая жену Давида, говорила по-русски.

– Зайка моя, – уговаривал дочь Покровский, – ну подумай. Мы все так скучаем по тебе. Что это за семья, в которой нет моей дочки?!

– Нормальная семья, – сухо отвечала Зоя, – в которой есть жена и два сына. – Гена, я уже все решила, я останусь здесь.

Решение дочери больно резануло по сердцу Покровского. «Как же плохо ей было здесь, – мучился мужчина, – что она так легко согласилась на жизнь в другой стране, лишь бы не возвращаться домой?! Что же я натворил? Ну а что мне было делать, с другой стороны? Девочка решила, что влюблена в меня как в мужчину, хотя на самом деле это не так – просто известие о том, что она мне не родная, как-то сбilo ее ориентиры. Не может ребенок испытывать такие чувства по отношению к отцу!» Геннадий подумал об этом и тут же вспомнил, как волна горячего желания накатывала на него, когда он любовался Зоей в аэропорту, когда забирал ее из больницы... «Нет, хорошо, что Зоя осталась там, – вдруг решил мужчина, – по-моему, нам надо побыть вдали друг от друга, чтобы еще больше не запутаться в том, что оказалось таким сложным».

– Галина Павловна, – глава семьи вышел на кухню, где суетилась няня, – Зоя остается жить в Америке.

Пожилая женщина растерянно обернулась и посмотрела уставшими голубыми глазами на мужчину. Кастрюлька с чищеной картошкой выпала из старческих рук и с грохотом покатила по полу. На шум выбежал Арсений, а Инна из спальни закричала, что они опять разбудили ребенка, и если он сейчас не уснет, она выйдет и устроит такой скандал, что им мало не покажется...

– Ну вот, – расплакалась няня, – вот и стала я никому не нужна... Вот и стала я обузой для вас.

Геннадий рванул к жене, чтобы высказать ей все, что он думает о ее поведении, – никому он не мог позволить повышать голос ни на одного из членов его семьи, а Галина Павловна была именно членом семьи, более того, она для него и Зои сделала гораздо больше, чем весь мир, вместе взятый.

– Галина Павловна, – юноша подошел к няне и обнял ее, – не переживайте. Во-первых, Инна просто очень устала, потому что Игнат на самом деле почти не спит. Зря она так уперлась в то, что должна делать для ребенка все сама. Если бы мы все вместе заботились о младенце и подменяли друг друга, все получилось бы гораздо легче и проще.

– Ты прав, Арсюша, – согласно кивала головой пожилая женщина, – какой же ты умный и добрый. Бог наградил твоим появлением Гену за то, что тот вырастил Зочку.

– Няня, не только Гена вырастил мою сестру, но и вы, – возразил молодой человек. – Вы, конечно, не заменили мне маму – ее никто никогда не заменит, но заполнили ту пустоту, которая образовалась после ее смерти.

– Арсюша, – расчувствовалась старушка, – какие слова ты говоришь!

– Все, что я произнес, – правда. И я вот еще что хотел сказать... – Молодой человек на секунду замялся, а потом все-таки произнес: – У папы теперь другая семья, и мне не хочется мешать им. Я возвращаюсь в квартиру, где мы жили с мамой, и хотел бы, чтобы вы поехали со мной.

Галина Павловна растерялась от такого предложения и молчала, но Арсений почувствовал неуверенность своей няни и тут же с улыбкой добавил:

– Я слишком привык к вашей потрясающей стряпне и к вашей заботе, и мне бы совсем не хотелось, чтобы это досталось отцу и Инне.

Женщина разулыбалась и согласно кивнула головой.

Геннадий, услышав от сына такую новость, возразить ничего не смог – удержать взрослого самостоятельного человека было невозможно, а просить Галину Павловну остаться после выходки его жены было бы слишком жестоко. Покровский лишь произнес:

– Я буду помогать вам, сынок...

– Я знаю, папа, – благодарно улыбнулся мальчик. – Ты самый лучший отец.

Мужчина и молодой человек крепко обнялись и еще долго потом сидели в кабинете, рассуждая на медицинские темы, а няня собирала свои вещи.

Глава 16

«Во что превратилась моя жизнь? – спрашивал себя Геннадий, сидя по ночам в своем кабинете. – У меня есть жена и маленький сын, у меня есть высокооплачиваемая работа и определенная известность, но у меня нет той радости и легкости бытия, которая была раньше. Надо позвонить дочери, у них как раз там день».

Желание разговаривать с Зоей было в мужчине всегда – он засыпал и просыпался с мыслью о своей Зайке. Ему казалось, что с тех пор, как девушку отвезли в Америку, вся жизнь рухнула. И это было похоже на правду – любимая дочь была на другом конце земного шара, сын и няня уехали от него и живут на другом конце города, в квартире нет больше пения, шума, смеха, даже ругани нет. Дочь и сын могли увлеченно орать друг на друга, а потом хлопать дверьми и запираться в своих комнатах, и в этом была жизнь, были эмоции, были искренние чувства. Сейчас же в этих стенах стояла тишина: жена была выдержанна и спокойна, сын – послушен и даже несколько апатичен, дома всегда чисто, можно сказать, стерильно, и это убивало всякие душевные порывы мужчины. Лишь далекий звонкий голос Зайки, доносящийся из-за океана, ненадолго вносил яркие краски, и тогда легкость и беспричинная радость наполняли душу Гены.

Общаясь почти ежедневно с Зоей, Покровский знал каждый ее день, каждый шаг, каждое слово, даже вес дочери и ее состояние здоровья были ему известны. Анорексия не прошла для девушки бесследно: менструальный цикл так и не восстановился, но пока ее это мало волновало. Зочку больше страшила вероятность поправиться хоть на 100 граммов. Утро девушки начиналось с того, что она вставала на весы, и если видела, что цифры на сегодняшний день выше, чем накануне, после занятий шла в фитнес-клуб и занималась там до изнеможения. Но эти последствия были глубокие, внутренние, и знали о них единицы, а вот внешне Зоя расцвела, и уже нельзя было даже предположить, что еще несколько лет назад эта черноволосая и черноглазая красавица представляла собой скелет, обтянутый кожей.

– Мне предложили сниматься в рекламе, – щebetала Зоя, глядя в монитор своего ноутбука. – Завтра пойду на пробы. Если все будет нормально, то я получу такую сумму приличную, что смогу сразу оплатить год своего обучения.

– Зайка, – любовался девушкой Гена, – ты уверена, что там все честно?

– Ну, Гена, – смеялась Зоя, которая уже давно называла отца по имени и ни в какую не собиралась возвращаться к прежнему «папа», – ты меня удивляешь! Там будет контракт, Нэтели, как обычно, его посмотрит – она же у нас будущий юрист.

– Что значит «как обычно»? – переспросил отец.

Зоя заколебалась, однако потом все-таки сказала:

– Я снималась в двух клипах одной японской группы... Там было немного эротики, совсем

малость, не беспокойся, Геночка, но говорить тебе я не хотела.

Покровский рассматривал девушку и понимал, почему ее пригласили музыканты, – она была похожа на героинь японских «анимэ»: длинные блестящие черные волосы, огромные черные глаза на бледненьком маленьком лице и хрупкое тоненькое тело почти без половых признаков. Девушка была фантастически сексуальна: в ней было что-то такое особенное, чего не было в пышногрудых блондинках или знойных брюнетках, в ней была внутренняя женская сила, которая привлекала внимание мужчин всех возрастов: от подростков до пожилых людей.

Раз в полгода Геннадий не выдерживал разлуки с дочерью и прилетал в Америку. Иногда он брал с собой Арсения, но чаще всего летел один, потому что хотел насладиться вниманием повзрослевшей и похорошевшей Зайки в одиночестве. В эти дни Зоя оживала и была настолько обворожительна, что все мужчины сворачивали себе шеи, глядя, как она под ручку с отцом цокает каблучками. Покровский же, опасаясь, что поддастся чарам юной красавицы, старался как можно чаще выходить с дочерью на люди. Оставаться с ней наедине было слишком опасно, но при этом присутствие посторонних вызывало в нем необоснованную ревность. Эти короткие визиты давали мужчине столько эмоций, сколько не могли дать ни жена, ни сын, ни известность, ни эфиры, ни алкоголь, вместе взятые. Запала, привезенного из далекой страны, хватало почти на месяц. И тогда снова Геннадий проводил жаркие ночи с женой, глядя в ее черные глаза, трогая ее черные волосы и не отдавая себе отчета в том, что он подсознательно наслаждается близостью с такой же черноволосой и черноглазой Зайкой. Снова Гена играл с Игнатом, баловал его подарками и вниманием; снова на работе телеведущий фонтанировал новыми идеями, новыми форматами ток-шоу. Пообщавшись с дочерью о съемках, клипах, фильмах, режиссерах и телеведущих США, Покровский привозил океан новых идей для российского эфира, и они проходили с оглушительным успехом. Однако проходило время, и мужчина снова начинал скучать по своей Зайке и звонить ей ежедневно, желая напитаться свежестью эмоций.

– Я буду учиться актерскому мастерству, – говорила Зоя Геннадию. – Я уже все решила. Сейчас то, что мне платят за съемки и показы, я трачу на курсы и частные уроки, которые мне очень помогают. Летом, после окончания колледжа, я пойду поступать в университет.

– Стой, Зайка, о чем ты говоришь? – от избытка информации мужчина переставал понимать дочь.

– Я с тобой разве по-английски говорю? – удивилась Зоя.

– Какие показы? Какой университет? – переспрашивал отец.

– Показы мод, – спокойно сообщала девушка, радуясь, что вызывает у своего «не отца» такие эмоции. – Увидев рекламу со мной, меня пригласили поучаствовать в показах сразу несколько домов моды. Я тебе не успела рассказать, потому что были другие какие-то новости, показавшиеся мне более важными.

– Ты у меня совсем знаменитая стала, – вздохнул Гена.

– Нет, еще не знаменитая, – смеялась девушка. – Но я ею стану, и когда я пойду по красной ковровой дорожке за своим «Оскаром», ты обязан будешь вести меня под руку.

– Обещаю тебе, малышка, я буду рядом с тобой в этот замечательный день. А теперь про университет расскажи. Ты что, будешь продолжать учиться там, в Америке?

– Ну да, а зачем мне возвращаться в Россию? Думаешь, я там добыю больше? Не уверена.

– А как же мы?

– А что «мы», Гена? – сухо начинала говорить Зоя. – У тебя жена и два сына там, а что тебе за чем?

– Ты моя Зайка, моя самая любимая девочка, – ласково говорил мужчина.

– Я уже далеко не девочка, и жаль, что ты так и не заметил этого, – произнесла Зоя и вышла из разговора.

Покровский смотрел на пустой монитор. «Что мне делать? Я люблю свою девочку, но она моя дочь. Она утверждает, что любит меня как мужчину, но я уверен, что она ошибается. Как бы я хотел, чтобы все было по-прежнему, когда у меня была только моя Зайка, а у нее – только я. И не было бы этих idiotских мыслей о влюбленности. И не было бы болезни. И не было бы Америки. Правда, не было бы Арсения, Инны, Игната... Ну и пусть... Хотя Арсений – очень хороший человек, он моя опора в будущем. Нет, все-таки хорошо, что у меня есть сын».

Глава 17

В очередной раз не выдержав расставания с дочерью, Геннадий собрался лететь в Америку, но Инна, впервые позволив себе высказать свою точку зрения на их семейную жизнь, вдруг возразила:

– Любимый, ты так много работаешь, что мы с Игнатом почти тебя не видим. Мы ждем твоего отпуска как манны небесной, однако как только у тебя появляется «окно» в съёмках, ты улетаешь в Америку. Я понимаю твою любовь к дочери, однако мы с сыном тоже в тебе нуждаемся. Я бы хотела провести эти две недели с тобой.

Гена понимал справедливость слов жены, однако отказаться от задуманной встречи с Зайкой не мог, тогда ему пришла в голову идея:

– Хорошо, милая, я понимаю, что не прав по отношению к тебе, поэтому мы поедим все вместе: ты, я, Игнат, Арсений и Галина Павловна, если захочет или если здоровье ей позволит.

– Но как же... – начала было жена, однако тут же поняла, что лучше согласиться на это путешествие. Муж может и передумать, тогда она опять останется в Москве одна.

Покровский решил взять свою семью на Мальдивские острова. Зоя искренне обрадовалась возможности провести время на пляже рядом с Геной, однако ее немного покорило вынужденное общение с Инной и Игнатом. К присутствию Арсения девушка отнеслась более чем спокойно – она видела в молодом человеке только брата, несмотря на то что он был ее первым и единственным мужчиной. Молодые люди часто общались друг с другом и посредством электронной почты, и через «Скайп», и просто по телефону. Зоя понимала, что Арсений до сих пор испытывает к ней нежные чувства, и признавала, что никогда не ответит ему тем же, однако общение все равно поддерживала, стараясь, чтобы молодой человек все-таки стал относиться к ней как к сестре.

Вся семья приехала на остров, включая Галину Павловну. Увидев свою няню, Зойка повисла на ней и не желала отпускать ни на миг. Она вдруг почувствовала себя снова маленькой девочкой, живущей в чудесном мире, где о ней заботятся два самых замечательных человека, няня и отец. Присутствие пожилой женщины вдруг отодвинуло в сторону все проблемы взрослой жизни и позволило полностью окунуться в красоту окружающего мира. Синее небо, шелестящее море, жаркий песок – все это наполняло радостью каждую клеточку уставших от бесконечной гонки за счастьем организмов. Купание, веселые игры, смех – все это стало постоянным спутником большой семьи. Даже с Инной и Игнатом Зоя общалась относительно спокойно, забывая, что именно их

появление в жизни Покровского привело ее когда-то к болезни. Но это было в другой жизни, а сейчас, под солнцем и возле моря, девушка наслаждалась трогательной заботой Арсения, лаской няни и долгими разговорами с Геннадием.

Отец и дочь каждый вечер выходили к морю, садились в гамак и вспоминали-вспоминали-вспоминали. Девушка закуривала сигарету, выпускала колечко дыма в темное небо и клала голову на плечо мужчине.

– Ты сейчас такая красивая, – сказал Геннадий, глядя на девушку, бледная кожа которой покрылась ровным медовым загаром.

Зоя улыбнулась и посмотрела на Гену своими огромными черными глазами.

– Ты сейчас хорошо себя чувствуешь? – спросил он, глядя на тоненькие ручки дочери.

– Да, вполне, – мягко ответила девушка.

– Я так испугался, когда тебе стало плохо там, в «Макдоналдсе».

Какое-то время назад они заехали в закусочную, чтобы взять два гамбургера. Тогда именно девушка сказала о том, что она проголодалась, и обрадованный мужчина побежал к стойке. Когда он расплачивался с продавщицей, к нему подошла Зоя. Она мягко коснулась руки Геннадия и подняла взгляд на женщину, отсчитывающую сдачу. Дряблая кожа на пухлой руке кассирши колыхнулась, и у Зои потемнело в глазах. Инстинктивно девушка прижалась к плечу отца, а женщина повернулась, чтобы собрать заказ покупателей. Тут Зайка увидела габариты работницы «Макдоналдса», и тошнота подступила к горлу – 120 килограммов женского тела ужаснули худенькую Зочку. Она выскочила на улицу в надежде, что дурнота пройдет, но внешность кассирши стояла перед глазами. Когда Геннадий подбежал к дочери, ту рвало прямо в урну у входа. Мужчина рванул обратно в закусочную, без очереди пролез к кассе и купил бутылочку минеральной воды.

Через несколько минут, умыв бледную дочь и дав ей попить, Геннадий завел автомобиль и снова выехал на шоссе. Два гамбургера остались лежать на стойке нетронутыми.

– Спасибо тебе за то, что ты тогда так оперативно увез меня от этого кошмара. – Девушка благодарно улыбнулась мужчине. – Я люблю тебя.

Геннадий почувствовал, что сейчас он потеряет последние капли самообладания и поцелует эту хрупкую красавицу. Он не мог допустить такого – страх, что он нанесет душевную травму и без того искалеченной дочери, подкатил к горлу. Мужчина резко встал с гамака:

– Давай позовем Арсения и попьем вина на террасе.

– Хорошо, папочка, – язвительно пропела Зоя и закурила еще одну сигарету.

Глава 18

Зоя поступила в университет и погрузилась в изучение основ актерского мастерства. Ее популярность росла, несмотря на то что девушка была еще очень молода. Она часто снималась в эпизодических и проходных ролях у известных режиссеров, была очень довольна своей жизнью, о чем каждый раз рассказывала Геннадию в почти ежедневных разговорах. Кроме Зойкиной успешности в области киноискусства у отца и дочери появилась еще одна тема для бесед – Арсений. Молодой человек благодаря широким связям отца и Давида, с которым, естественно, сейчас плотно общалась вся семья, стажировался в одной из крупнейших больниц Америки. На предложение, поступившее от

Эдельштейна, студент ответил сразу положительно, рассчитывая видеть Зайку чаще и добиться ее любви. Зоя помогла брату снять квартиру недалеко от места его новой работы, однако плотного общения избегала. Арсений был частым гостем в доме Эдельштейнов, хорошо общался с Наташей и другими подругами Зочки, но наедине с предметом своих грез практически не оставался.

Сначала Зоя намеренно избегала свиданий с молодым человеком, а потом ей просто стало не до этого – известный режиссер Ник Лаймсон предложил красавице с экзотической внешностью и довольно выдающимися способностями главную роль в фильме «Смертоносная новость».

– Гена, – делилась впечатлениями о сценарии Зайка, – это драма, в которой погибают три поколения мужчин в одной семье. Мне предстоит играть сначала девочку-подростка, на глазах у которой умирает отец после того, как ему сообщили ЭТУ новость. Пережив потерю любимого мужчины, главная героиня находит в себе силы строить жизнь дальше. Потом я играю женщину, у которой от инфаркта умирает муж после того, как ему сообщили ЭТУ новость, а в конце фильма – пожилую женщину, которая теряет сына. Его сердце не выдерживает, когда он узнает ЭТУ новость.

– Малышка, – разволновался Покровский, – это такая тяжелая психологическая работа. Как ты справишься с этим? Я тревожусь за тебя.

– Гена, – улыбнулась Зоя, – я уже актриса, это моя работа. И у меня все получится.

– Я верю в тебя, Зайка моя, просто переживаю.

– Успокойся, я справилась с разными новостями в реальной жизни, а уж трагедия вымышленной героини меня тем более не убьет.

– Хорошо, – согласился Гена, хотя слова дочери больно ранили его. Он почувствовал свою вину за то, что не смог дать девочке счастливой жизни, но развивать эту тему побоялся, так как разговор снова мог коснуться любви. – А как ты будешь играть старуху? Ты еще так молода!

– Меня загримируют, – засмеялась девушка. – Мы уже снимали пробы, где я была в роли пожилой женщины. Это было так забавно – я когда себя в зеркало увидела, то чуть сознание не потеряла – на меня смотрела реальная старуха.

– Я горжусь тобой, девочка моя, – заканчивал разговор Покровский. – Береги себя, пожалуйста.

– Хорошо, ты тоже.

Съемки проходили успешно, и хотя Зоя страшно уставала и физически, и морально, ей на самом деле был интересен весь процесс. Но больше всего ей нравилось общение с Ником. Режиссер был одного возраста с Геннадием, хорошо сложен, накачан, подтянут и обладал мощнейшей энергетикой, которая не оставляла ни одно женское сердце равнодушным. Молодая актриса, возможно, стала бы единственной, кто не поддастся чарам привлекательного мужчины, если бы не его потрясающее сходство с Покровским.

Неосознанно девушка начала флиртовать с мистером Лаймсоном, при этом не переходя ту тонкую грань, за которой начинаются отношения, а Ник, очарованный молодой талантливой актрисой, все больше и больше влюблялся в эту постоянно ускользающую от него красотку. До сих пор все известные ему женщины сами падали в его объятия, он даже не утруждал себя простыми комплиментами, не говоря уж о свиданиях и подарках, а эта русская манила его, дразнила, влекла, но в последний момент ускользала, словно маленькая змейка. Любовная игра нашла свое отражение и на пленке – фильм получился очень чувственным, созданным на грани каких-то сильнейших чувств.

Премьера прошла с оглушительным успехом. Зоя улыбалась под фотовспышками и купалась во всеобщем внимании. Впервые за много лет она почувствовала себя победительницей. Она вспомнила детские и юношеские конкурсы, где ей присуждали призовые места, а она смотрела только на отца, не отводящего взгляда от своей маленькой принцессы. Сейчас Зоя выросла, она уже не принцесса, а королева, и от нее не отрывает взгляд мужчина, так похожий на ее отца, но не он. Зоя от избытка чувств вдруг запела на русском языке, и ее хриловатый от сигарет голос, чувственный и профессионально поставленный, разнесся по залу, где собрались приглашенные на вечеринку. Вокруг вдруг наступила полнейшая тишина, и лишь мелодия не известной американцам песни со словами чужого для них языка разлеталась в пространстве. Зоя отпускала свою любовь к Геннадию и давала возможность тому, кто так похож на него, сделать ей шаг навстречу. Ник понял этот призыв, исполненный так необычно, и подошел к актрисе, которая исполняла главную роль в его творении.

Голос девушки затих, и режиссер произнес: «Поехали ко мне». Зоя улыбнулась, чуть заметно кивнула головой и первая вышла на улицу, дав возможность мужчине полюбоваться ее открытой спиной. Мистер Лаймсон на секунду задержался – он подумал, что будет невежливо и неправильно сейчас покинуть гостей, однако черные глаза красавицы неумолимо влекли его за собой. Ни с кем не прощаясь, мужчина бросился за худенькой девушкой, скрывшейся в темноте улицы.

Глава 19

Пройдя в квартиру Ника, Зоя остановилась и осмотрелась: обстановка была дорогой и изысканной. Однако не это поразило юную актрису, ее потрясли чувства, которые она испытала, переступив порог. Не справившись с эмоциями, Зоя произнесла по-русски: «Наконец-то я дома...» Лаймсон оглянулся, во второй раз услышав из уст девушки чужую ему речь, и переспросил:

– Что ты сказала, любовь моя?

Зоя улыбнулась и покачала головой. Она не хотела объяснять ему произнесенные слова – они предназначались только для нее одной, однако нежное обращение режиссера все же отметила. В этом мужском взгляде, в заинтересованности человека в ней, в ее словах и мыслях безошибочно читалась любовь.

Мужчина и девушка сидели возле камина. Отблески пламени танцевали на очаровательном лице юной гостьи, черные глаза блестели от желанья. Ник безумно хотел эту красавицу и видел, что ее тоже влечет к нему, однако не хотел торопить события. Мужчина протянул Зое бокал красного вина, терпкого, как его страсть, и хрипло произнес:

– За тебя, любимая!

Зоя сделала глоток, и на ее губе осталась красная капелька. Ник как замороженный смотрел на чувственный влекущий рот, и этот взгляд вызывал у девушки такую волну желанья, что соски напряглись и стали заметны под тонким шелком вечернего платья. Она не торопилась, но своим магическим взглядом манила мужчину, и Ник сдался.

Он со стоном приник к нежным полным губам и повалил девушку на шкуру медведя, лежащую перед камином. Через несколько секунд платье было снято, и перед великим режиссером во всей своей красе лежало обнаженное произведение искусства, тонкое, хрупкое, нежное. Ник поднял Зою на руки и отнес в свою спальню, не отрываясь от ее губ. Там, на черных шелковых простынях, сильное мужское тело накрыло хрупкую девичью фигурку, и Зоя и Ник слились в волшебном танце любви. В девушке просыпалась женщина, так долго спавшая в истощенном болезнью организме.

Любовники оторвались друг от друга только под утро. Ник уснул, прижав к себе свое

обретенное сокровище, а Зоя лежала с открытыми глазами и осмысливала все то, что с ней сейчас произошло. Она слушала мерное дыхание лежащего с ней мужчины и понимала, что сейчас она почти так же счастлива, как в своем прекрасном детстве, которое ей подарил ее отец. Девушка осторожно вылезла из-под тяжелой мужской руки, обнаженная прошла в гостиную, где оставила свою сумочку, достала тонкую сигаретку и вернулась в спальню. Маленькое пламя зажигалки на секунду осветило преобразившееся лицо и потухло. Девушка залезла на подоконник и стала смотреть на огни большого города, простиравшегося у ее ног. Сейчас она наконец-то почувствовала, что живет, что жива и что прошлое отпустило ее. «Теперь я королева, – сказала себе Зоя и сделала очередную затяжку. – И весь мир у моих ног».

Ник почувствовал, что лежит в кровати один. Страх, что Зоя сбежала, сжал его сердце, и он открыл глаза. Прямо перед ним на подоконнике сидела обнаженная богиня и любовалась ночным Нью-Йорком. Мужчина смотрел на эту девочку, вспоминал ее податливое тело, ее неугасаемую страсть, и желание снова наполняло его. И вдруг ему в голову пришла идея нового фильма, в котором он обязательно снимет в главной роли свою жену. На этой мысли Лаймсон вдруг изумленно замер. «Вот это оговорка, – подумал про себя мужчина. – Я был уже дважды женат и для себя понял, что не создан для семьи. Моя жизнь – это кино, съемки, актрисы, продюсеры, сценаристы. Я люблю жить так, как я сейчас живу: весь день на съемочной площадке, а ночью, если очень хочется, незамысловатый секс с любой из тех, кто стоит в очереди за право оказаться со мной в одной постели. Я не хочу никаких обязательств, не хочу упреков, скандалов и измен. Я дважды уже пошел на поводу желаний женщины, с которой я жил, и два раза это не принесло радости никому. Нет, я не хочу рушить ни свою жизнь, ни жизнь этой уникальной девушки, которая оказала мне честь, позволив дотронуться до своего тела. Боже, как я хочу эту женщину!»

Он медленно встал, подошел к обнаженной Зое и нежно вошел в ее влажное лоно. Они любили друг друга, а под ними просыпался город.

Глава 20

Легко и очень естественно Зоя переехала жить к Нику. Ни один из них не говорил о своих чувствах, о статусе отношений, о будущем. Они просто наслаждались жаркими ночами, во время которых опытный мужчина учил молодую женщину искусству любви, и удивительно наполненными и интересными днями. Влюбленные рассказывали друг другу о своей прошлой жизни, обсуждали фильмы и спектакли, Зоя спрашивала совета в актерском мастерстве, которое продолжала изучать, а Ник с удовольствием направлял ее талант в нужное русло.

Утром Зоя и Ник завтракали на кухне.

– Зойи, ты уже прочитала сценарий? – спросил мужчина. На самом деле работа интересовала его меньше всего. Он любовался черноволосой красавицей, которая сидела на стуле с ногами и пила апельсиновый сок.

– Ник, ты так смешно называешь меня, – улыбнулась во весь рот девушка. – Зойи! Это ж надо так придумать.

– А как по-другому тебя называть?

– Зоя, Зойка, – ответила та.

– Зоайя, Зайка, – пытался воспроизвести русский вариант имени своей любимой режиссер.

– Ох, – притворно вздохнуло юное создание и расхохоталось. – Ладно, пусть будет

Зайка, раз уж именно этот вариант получается у тебя лучше всего.

– Зайка, – попробовал еще раз произнести Ник. – Зайка...

Мужчина наслаждался своей жизнью. Он был без ума от этой Зайки, которая сейчас хохотала, как ребенок, а потом вдруг подошла к нему вплотную, села верхом и страстно впилась в его губы. «Я теряю голову от нее», – успел подумать Лаймсон, пока страсть не захлестнула его.

Насытившись друг другом, мужчина и женщина вернулись к завтраку. Зоя жадно пила сок, а Ник вдруг сказал:

– Выходи за меня замуж.

Девушка поперхнулась напитком и уставилась на собеседника.

– Любовь моя, я жду ответа, – испугавшись этого молчания, сказал мужчина.

– Ты что, серьезно? – Зоя изумленно смотрела на любовника.

– А что, похоже, что я шучу?

– Нет, – ответила красавица и, увидев, как лицо Ника бледнеет, поспешила исправиться, – в смысле, не похоже, что ты шутишь. Милый, я согласна.

Мужчина расслабился и выдохнул... Его режиссерскую натуру сломать было невозможно, поэтому вместо того, чтобы поцеловать свою невесту, он тут же начал рассуждать:

– Свадьбу можно сделать двойную: одну – здесь, а вторую – в России. Но нам надо успеть провести все мероприятия, пока не начнется подготовительный период съемок. Я планирую сделать так...

Зоя сидела и слушала того, кому только что сказала «да».

Через три месяца известный режиссер Ник Лаймсон сочетался законным браком с начинающей актрисой Зоей Покровской. Об этой грандиозной свадьбе писали все средства массовой информации, а фотографии заполнили виртуальные пространства.

По задумке Лаймсона, бракосочетание происходило в старой церкви. И пастырь, и гости, и жених с невестой были одеты как герои одного из его любимых фильмов. Наряды времен XVIII века отыскивали в костюмерных той студии, которая снимала когда-то эту киноленту, и привели в порядок. Для жениха и невесты создавали новые костюмы, полностью повторяющие оригиналы, в которых главные герои стояли перед алтарем. Момент, когда влюбленные произносили свои клятвы, был волнующим и прекрасным.

На вторую часть торжества, которая включала в себя банкет для приглашенных, пришло около двухсот человек. Гости стояли перед огромным экраном – для них шел тот самый фильм, который лег в основу режиссерской мысли. В тот момент, когда главные герои поворачивались лицом к кинокамере, перед глазами зрителей возникал кадр венчания Зои и Ника, и с оглушительной музыкой, под фейерверки и аплодисменты новобрачные появлялись на сцене в современных костюмах. Так Лаймсон соединил сказку и реальность, давая окружающим понять, что мечта, если в нее сильно верить, может стать твоим настоящим.

Через день после американского торжества чета Лаймсон улетела в Москву, где родственники молодой жены готовили еще одно торжество. Ник прекрасно понимал, что огромная часть жизни его любимой прошла именно там, в далекой и не понятной ему стране, поэтому настоял, чтобы и на другом континенте они с Зайкой стали мужем и

женой перед Богом и людьми.

Когда Гена узнал о том, что его девочка выходит замуж, он впал в жесточайшую депрессию, и лишь суета Галины Павловны по поводу предстоящего события заставляла его заниматься организационными вопросами. Он прекрасно понимал, что ничего дать своей девочке не может, так как маска отца, надетая когда-то на него профессором помимо его воли, никогда не позволит Гене стать для любимой крошки тем, кем она хочет его видеть. «Мне надо отпустить малышку на свободу, – думал Покровский, сидя в своем кабинете. – Лишь так я смогу сделать ее счастливой. Она испытала так много боли, что сейчас заслуживает самого лучшего».

Арсений, который уже вернулся в Россию, пребывал в мрачнейшем состоянии, и лишь поддержка его девушки по имени Рената помогала ему держаться на плаву. Новое увлечение молодого человека было безумно похоже на его сводную сестренку, о чем тут же сообщила Галина Павловна, когда Рената впервые появилась на пороге дома Арсения. Девушка была мила и покладиста, черные глаза, доставшиеся ей от отца-татарина, до боли напоминали Зойкин огненный взгляд, а рассудительность помогала молодому человеку пребывать в реальности, а не уходить в болезненные для него воспоминания о его единственной любви.

Сейчас, когда Гена сообщил эту «радостную новость», юноша задумался о том, чтобы предложить Ренате тоже сочетаться законным браком, но все-таки не мог найти в себе силы отказаться от своей мечты.

Пока Арсений метался в мыслях и желаниях, Геннадий пытался выбраться из депрессии своими способами. Первое, что он сделал, – это затеял новый проект, который планировал назвать «Жизнь без лекарств». В основу ток-шоу должна была лечь нетрадиционная медицина, которая, по мнению опытного Покровского, в скором времени должна была обойти по популярности медицину традиционную.

Геннадий увлекся встречами с лекарями-травниками, с представителями тибетской медицины, которая активно развивалась в далекой Бурятии. Он общался и с экстрасенсами, и с магами и колдунами, вытаскивая на свет божий все то, что было скрыто от его соотечественников долгое время.

Однажды мужчина познакомился с молодой цыганкой по имени Галина. Яркая, страстная, неукротимая женщина посмотрела на Гену черными глазами, и тот самый знакомый омут затянул потерянного человека в пучину. Желание накрыло Покровского с головой – в этих жарких ночах с Галиной он искал свою Зайку, которая ускользала от него с каждой минутой. В момент оргазма ему казалось, что он настигает ее, ту, о которой мечтал с памятного дня в аэропорту. Однако через несколько минут реальность возвращала Гену из его фантазий, и он снова и снова испытывал боль от того, что теряет единственную в жизни всепоглощающую любовь.

Галину сначала устраивала жизнь избранника на два дома: ей не нужно было, чтобы этот уверенный в себе красавчик принадлежал ей целиком и полностью, однако в сердце начала зарождаться любовь. Любовь такая сильная, такая мощная, какая бывает только у горячих, эмоциональных цыган. Справиться с лавиной чувств женщине было не под силу, поэтому она начала давить на любовника, желая подчинить его себе. Геннадий почувствовал дикую энергетiku, исходившую от цыганки, и испугался. Его жизнь и так была слишком сложна, и рушить свой шаткий мир он просто не мог, поэтому начал отдаляться от женщины.

Инна, зная об изменах мужа, но молчавшая ради сохранения семьи, сейчас радовалась – Геннадий все чаще и чаще возвращается по вечерам домой и проводит ночи именно с ней, даря такие необходимые ей ласки, а вот Галина сходила с ума от сложившейся ситуации. Когда она почувствовала, что разрыв с предметом ее страсти близок, решила забеременеть. Используя все чары и умения, цыганка заставила Покровского потерять контроль над ситуацией, и вот уже через три недели все

признаки зародившейся под ее сердцем жизни были налицо. Оставалось лишь сказать любимому о своем положении, однако планы нарушились в связи с приездом Зои с мужем.

Готовилось большое торжество.

Глава 21

Сценарий московской свадьбы тоже продумывал Ник, который просто фонтанировал различными идеями. Вообще, с появлением этой русской девушки его жизнь стала гораздо ярче, насыщеннее и богаче. Обнимая невесту, Лаймсон шептал ей, что она – его жизнь, его мечта, его фантазия, а девушка смеялась над словами любимого мужчины и целовала его в губы. Они отдыхали друг с другом, им было хорошо, свободно, легко; несмотря на предстоящий брак, они не чувствовали никаких рамок и ограничений. Впервые Ник понял, что он свободен в своей любви, что можно быть связанным с кем-то узами брака, но при этом не тяготиться оковами, а летать на крыльях своего чувства. А Зоя... Зоя просто отдыхала душой – вся боль, ревность, неуверенность в себе ушли в прошлое, как только Ник Лаймсон появился на ее жизненном пути, за это она была ему безмерно благодарна. Ее будущий муж вернул ей радость, подарил ей детство, юношество и взрослую жизнь.

– Геннадий, – говорил Ник по телефону с будущим тестем, – я тебе вышлю сценарий торжества. Я все придумал, но мне сложно отсюда заниматься организацией, поэтому хотел бы попросить тебя о помощи.

– Я слушаю, Ник, – еле сдерживая раздражение, отвечал Гена.

– Красным маркером я отметил пункты, которые не могу сделать сам. Деньги я переведу тебе на счет...

– Не надо денег, – перебил режиссера телеведущий, – я, слава Богу, еще могу оплатить свадьбу моей дочери.

– Геннадий, послушай, – спокойно и мягко настаивал американец, – мне это совсем ничего не стоит, а у тебя жена и ребенок, им нужнее эти деньги. Пойми, у меня, кроме Зайки, никого нет, мне не на кого больше тратить то, что я получаю от своих фильмов.

– Хорошо, Ник, – уже спокойнее ответил Покровский. Где-то внутри шевельнулось уважение к этому мужчине, который взял ответственность за судьбу его дочери на себя.

– Все тонкости мы еще обсудим, но главное, что меня тревожит и что я не смогу сделать отсюда, – это создание живых статуй на вечере.

– Живых статуй? – переспросил Геннадий, и Галина, сидевшая рядом на кровати, подняла голову.

Ник пустился в подробные объяснения того, что он хотел бы видеть на русском торжестве, и отец невесты, пытаясь вникнуть в планы жениха, начал одеваться – находиться в доме любовницы и обсуждать подробности свадьбы дочери было невозможно. Помахав рукой цыганке, Покровский вышел за дверь, но в последний момент поймал наполненный ненавистью взгляд женщины. Черные глаза горели такой злобой, что внутри у Гены все похолодело. Он поскорее закрыл дверь и вышел на улицу.

Цыганка вскочила с кровати и метнулась к окну – возле машины стоял тот, кого она так страстно любила. «Он променял меня на свадьбу этой девчонки! – бесилась женщина. – Что же такого в этой мерзавке, отчего только что пылавший страстью

мужчина спокойно оделся и ушел? Как бы мне посмотреть на эту маленькую дрянь?»

Идея родилась сама собой – быть одной из живых статуй на свадьбе дочери ее возлюбленного. Общаясь с теми, кто был причастен к программе Покровского «Жизнь без лекарств», Галина выяснила, когда состоится торжество, какие статуи и где будут стоять, кто их гримирует и во сколько надо приехать к месту события. Овладев необходимой информацией, женщина приготовилась ждать своего часа.

Наконец состоялось важнейшее событие в жизни Покровских и Лаймсонов – московская свадьба Ника и Зои. На женихе был яркий костюм, в котором Ник походил не то на Аладдина, не то на заклинателя змей. Гости раскрыли рот и уставились на этого необычного персонажа. Он овладел их вниманием и держал его до тех пор, пока к нему не вышла невеста. Зоя была потрясающа – ее платье напоминало змеиную чешую, подчеркивало ее стройную фигуру и блестело на солнце. Изумруды и бриллианты сверкали и делали уникальную внешность невесты еще более экзотической. Ник и Зоя разыграли перед гостями небольшую сценку, которая символизировала, по их собственному убеждению, их отношения.

Молодая женщина в зеленом чешуйчатом платье извивалась и нападала на всех, кто оказывался к ней слишком близко, но вот появился заклинатель, и змея на секунду застыла. Он поднял флейту, с помощью которой надеялся быстро приручить красавицу, однако змея была слишком умна и независима. Она дразнила своим танцем, подбиралась близко-близко, но когда мужчина протягивал руку, ускользала. И тогда заклинатель понял, что нельзя поймать живое существо, надо просто дать ему свободу и позволить быть самим собой. Он поднял флейту и начал играть мелодию любви – змея тут же появилась. В ней уже не было настороженности, лишь заинтересованность, любопытство и понимание того, что там ее не обидят. Зойка-змея подползла к мужчине почти вплотную, но человек не поднял руку, а лишь ласково взглянул. И тогда змея легкой лентой обвила тело заклинателя и прильнула к сердцу. Раздались аплодисменты. Ник посмотрел на свою любимую и приник к ее губам.

Покровский, видя, как Ник целует его дочь, скривился. Он вырвался из объятий Инны и ушел подальше от гостей – ему нужно было время прийти в себя. «Боже, – думал мужчина, меряя шагами газон, – как этот Ник похож на меня! Я словно смотрю в зеркало и вижу себя. Зайка наверняка тоже увидела меня в нем, значит, ее любовь ко мне не выдумка, не детская блажь, значит, чувства этой крошки были настоящими, а я не смог... А что я не смог? Я не смог уйти от общественного мнения... Боялся пересудов... Я слабак, а Зайка моя – сильная женщина».

Геннадий долго ходил между живыми статуями, которые стояли по парку то тут, то там, и не замечал, как черный взгляд цыганки прожигал его затылок.

Галина смотрела на любимого, грустно ходящего по тропинкам и думающего о чем-то своем. И женщина понимала, что думы мужчины не о ней, ведь она не занимает и сотой доли в его сердце. И даже его жена, которая преданно заглядывала в глаза Покровскому, для него – никто, и это было ясно всем, кто видел, как пренебрежительно отбросил женины руки мужчина, стараясь убежать от гостей.

Вдруг тошнота подкатила к горлу цыганки. Сначала Галина пыталась справиться с недомоганием, но когда поняла, что сдерживаться больше не может, она прыгнула с пьедестала и бросилась в ближайшие кусты – искать уборную времени не было.

Наконец беременной полегчало, и она, слегка пошатываясь, отправилась на поиски места, где можно привести себя в порядок. Галина открыла дверь с нарисованной женской фигуркой и вошла. Белый кафель сливался с ее кожей, и женщина с усмешкой смотрела на себя в зеркало. «Мимикрия», – произнесла она и расхохоталась.

«Делать мне здесь больше нечего, – размышляла женщина, – я удовлетворила свое любопытство, поэтому я умываю руки». Усмехаясь своим мыслям, Галина подставила

ладони под струю воды – белая краска стекала на белый мрамор раковины, и сквозь грим проступала смуглая бархатная кожа.

Вдруг женщина услышала, как кому-то плохо в одной из кабинок туалета. Неясное любопытство заставило Галину закрыть кран и замереть в ожидании появления той, что сейчас страдала от тошноты. Дверь открылась, и тоненькая точеная фигурка осторожно вышла к умывальникам.

Подняв глаза, девушка увидела белую статую на фоне белого кафеля и завизжала, но Галина среагировала быстро:

– Не бойтесь меня, мне просто стало плохо, вот я и зашла в туалет.

– Вы меня напугали, – с легким акцентом произнесла девушка и посмотрела на собеседницу.

Две пары черных глаз встретились, и брови цыганки поднялись от удивления.

– Вы Зоя, да? – спросила женщина.

– Да, откуда вы меня знаете?

– Вы же невеста, значит, вас знают все гости.

– Но вы не гость, – утвердительно произнесла Зайка.

– Да, я не гость. Но неважно. Важно то, что вы беременны, – тихо произнесла Галина.

– Думаю, вы ошибаетесь, – с грустной усмешкой сказала изумрудная змейка. – После тяжелой болезни я не могу иметь детей, по крайней мере, сейчас.

– Зоя, мой вам совет, сходите к гинекологу, – надменно сказала белая статуя и начала смывать грим с лица.

Глава 22

Геннадий отвез дочь в институт акушерства и гинекологии, хотя девушка настаивала на районной поликлинике.

– Зайка, – строго сказал Покровский, – ты – моя дочь, значит, ты поедешь на осмотр к первоклассным врачам.

– Зайка, – тут же вступал Ник, который был очень обеспокоен недомоганием жены, – слушайся отца, или я тебя заберу домой прямо сейчас.

– Любимые мои мужчины, – смеялась молодая красавица, – что вы так всполошились? Я просто переела на свадьбе. Гена, ты же знаешь, как я отношусь к еде и перееданию.

– Да, может, ты и права, – соглашался отец, – но в этом случае я тебя доверю только Давиду, а здесь его нет. Но здесь есть хорошие гинекологи, которые тебя посмотрят.

– Отец, – усмеялась дочь, – ты прекрасно знаешь все подробности моей болезни, и отсутствие у меня обычных женских дней говорит само за себя – я до сих пор не могу иметь детей.

Ник слушал русскую речь и не понимал, о чем говорят Зоя и Геннадий. Но он знал, что и жена, и ее отец обязательно ему расскажут весь разговор, просто здесь им удобнее

говорить по-русски.

Наконец Зоя сдалась, и все трое поехали к главному врачу института.

Женщина осмотрела пациентку, взяла анализ крови и повела на УЗИ, улыбаясь бледным мужчинам, которые ждали эту черноволосую красавицу в коридоре. За ними закрылась дверь, однако через несколько минут Марина Александровна выглянула и сказала:

– Геннадий и муж пациентки, вы можете пройти к нам.

Зоя лежала на кушетке, а по ее животу водили аппаратом. На экране монитора происходило какое-то движение.

– Смотрите, – начала по-русски врач-гинеколог, а Геннадий стал синхронно переводить для американского зятя, – вот это эмбрион, вот это движение – это бьется его сердечко. Плод уже прикрепился, место прикрепления хорошее, матка в норме.

Зоя смотрела широко раскрытыми глазами на женщину, говорившую эти странные вещи, потом переводила взгляд на двух любимых и дорогих ей мужчин. И Гена, и Ник выглядели растерянно и не знали, что сказать или что сделать. И вдруг оба мужчины обнялись, чего девушка меньше всего ожидала, а потом вдвоем бросились к лежащей на кушетке любимой и стали целовать ее.

Наконец, Зайка обрела дар речи:

– Это точно? У меня аменорея, у меня нет овуляций и нет месячных уже который год.

– УЗИ не обманывает, – улыбнулась врач. – Здесь все видно. Наверное, ты стала выздоравливать, и это была твоя первая овуляция, которая обязательно закончилась бы менструацией, если бы ты не забеременела.

– Это не опасно для ребенка? – спросила девушка.

– Что именно? Что это твоя первая овуляция?

– Да.

– Нет, здесь не работает русская пословица «Первый блин – комом», – рассмеялась врач. – Давайте пройдем все вместе ко мне в кабинет и поговорим.

Несмотря на то что Марина Александровна готова была вести беременность дочери ее хорошего знакомого, Ник настоял на возвращении в Америку. Он не доверял местной медицине. Зойка и Геннадий расстроились: мужчине не хотелось, чтобы дочь опять уезжала и жила вдалеке от него, а Зойка... Зойка переживала, что Ник не даст ей играть в фильмах, продолжать учебу и уж тем более путешествовать и летать. Беременность стала для нее слишком неожиданной, поэтому мысли и эмоции путались, а приоритеты расставить было невозможно. Да еще и почти постоянное недомогание забирало все силы. Один Ник летал от счастья – его любимая женщина носила под сердцем его ребенка. Мужчина постоянно целовал жену, скупал ей все, что попадалось ему на глаза, а Зойка лишь хохотала над сумасшедшим мужем.

Через неделю после визита к врачу Зоя и Ник улетели в Америку, а провожавший их Геннадий, не в силах справиться с тоской самостоятельно, отправился к Галине. Он надеялся, что ее черные глаза, как обычно, затянут его в омут чувственности, помогут забыться хоть ненадолго.

Дверь открыла цыганка в красном халате с черными иероглифами. Это сочетание всегда ассоциировалось у Гены с трауром, и сегодня его воспаленный мозг вдруг стал подавать сигналы: «Смерть! Кровь! Боль!» Мужчина шагнул навстречу любовнице и

припал к ее губам, отгоняя ненужные мысли, однако запах смерти не уходил.

Галина начала ласкать его, касаясь языком всех эрогенных зон любимого, но ответной реакции так и не последовало. Отодвинувшись от цыганки, Покровский встал с постели и снова увидел красный пеньюар, который лужицей крови растекся возле его ног. Тошнота подкатила к горлу, и он бросился бежать, на ходу надевая свои вещи.

Женщина подошла к окну и увидела, как Гена возле машины надевает дорогие ботинки прямо на голые ноги – видимо, носки он потерял в этой гонке. Слеза покатила по ее щеке, и женщина прошептала:

– Я хотела тебе сказать, что у меня будет ребенок.

В этот момент сильнейшая боль пронзила ее живот, и Галина сползла на пол. По ногам струилась кровь. Стараясь не потерять сознания, женщина доползла до телефона, вызвала «Скорую помощь» и позвонила давнему знакомому, чтобы тот приехал на всякий случай.

Через полчаса Галину везли в больницу, чтобы сделать ей чистку и переливание крови. С ней ехал молодой цыган, который прибыл за 10 минут до появления в квартире врачей.

Глава 23

С момента бегства из квартиры любовницы прошло пять месяцев. Приближался юбилей Покровского, который он хотел провести как-то необычно. Свадьба Зойки настолько потрясла его, что он подсознательно стремился дотянуться до Ника, стать похожим на него. Но фантазии не хватало, поэтому Гена часто спрашивал у Зойкиного мужа совета или рассказывал о своих затруднениях. Зять с удовольствием помогал русскому родственнику, выдавая одну идею за другой, а Покровскому оставалось лишь выбирать наиболее удачные и претворять их в жизнь.

Пока мужчина планировал свой праздник и часто общался с Зоей и Ником, в его жизни снова появились радость, задор, легкость. В семье наступила гармония – Инна снова стала желанной, милой и необходимой, квартира – светлой и уютной, работа – интересной. Лишь Игнат не вызывал у мужчины положительных эмоций – сын ассоциировался с овощем, однако Гена не мог даже определить, с каким именно, потому что, на его взгляд, в ребенке отсутствовали какие-либо задатки, не было привычек, привязанностей, желаний, стремлений, мечтаний. Любое общение с младшим сыном вызывало естественное желание тут же позвонить старшему – Арсению. Гена уважал его. Старший Покровский видел в отпрыске себя, молодого, восторженного, увлеченного медициной, желающего помочь всем, кому требуется помощь.

– Привет, сын, – звонил отец, желая услышать родной голос.

– Привет, папа, – радостно отвечал молодой врач, работающий в данный момент над диссертацией.

– Я тебе уже рассказывал, что планирую сделать на свой день рождения?

– Подробности я еще не знаю, – смеялся Арсений.

– Я пока тоже, но я звонил Зое и разговаривал с Ником. Он мне помогает со сценарием праздника.

– Как там Зоя? – с замиранием спросил сын.

- Сынок, мы тебе не говорили, потому что еще рано было, но теперь уже можно...
- Что случилось? – встревожился Арсений.
- Зоя ждет ребенка, – с огромной улыбкой на лице сказал Гена.

Новость потрясла молодого человека. Даже на свадьбе сводной сестры он не терял надежды, что когда-нибудь Зайка станет его женой, однако судьба распорядилась иначе – его любимая носит под сердцем ребенка от другого мужчины, а значит, пора начинать жить своей жизнью и отпустить Зою.

- А я хочу сделать Ренате предложение, – неожиданно даже для самого себя сказал Арсений.

- Вот здорово! – воскликнул довольный Покровский. – А ваше торжество мы тоже попросим Ника спланировать.

- Не надо, папа, – запротестовал сын, – мы сами справимся, мы ничем не хуже. Я даже думаю просто расписаться.

- Ты что, Арсений? Разве тебе не хочется устроить настоящий праздник для себя и своей избранницы?

- Если честно, папа, то нет, не хочется. Конечно, если Рената будет настаивать, мы что-нибудь придумаем, но я бы согласился на скромную роспись.

- Тебе виднее, сын, – не стал настаивать Гена. – Как хочешь, так и будет.

И Арсений пошел к своей девушке, с которой они уже жили вместе, чтобы довольно будничным тоном спросить ее, не хочет ли она стать его женой. Рената ласково посмотрела на того, с кем она делила постель, и сказала «да». Она искренне любила Арсения и все время ждала, что и в нем проснутся чувства к ней, которые унесут их двоих под одним зонтом к небесам, как в той картине, которая висит в доме Геннадия Покровского, отца ее любимого. Но шло время, а в избраннике чувства не просыпались. Иногда девушке казалось, что диссертация, которую пишет Арсений на тему юношеской анорексии, вызывает в нем гораздо больше эмоций, чем ночь, проведенная с ней. Почти все разговоры сводились к рассказам о пациентках, причинах болезни, методах выведения больных из этого состояния, но слова любви так и не произносились. И вот неожиданно прозвучало «выходи за меня замуж» тогда, когда она совсем не ждала. Жених осторожно обмолвился, что не хотел бы устраивать пышного торжества, ему было бы проще, если бы они просто расписались, и девушка согласилась на такой вариант – ей хотелось делать так, как удобно ее любимому.

Через месяц Арсений и Рената расписались в присутствии Геннадия, Инны и Галины Павловны, которая хоть и плохо себя чувствовала в последнее время, но все-таки пришла порадоваться за любимого мальчика.

Глава 24

Пока в России женились и готовились к празднованию дня рождения, Зоя с Ником учились жить в новых условиях – в условиях ожидания ребенка. Лаймсон хотел оградить свою хрупкую жену от всего, что могло ее хоть как-то напрячь, а Зойка же, наоборот, рвалась на волю, к которой она так привыкла за время жизни в Америке.

- Ник, я хочу сниматься в этой рекламе! – настаивала, чуть не плача, женщина.

- Зайка, я не хочу, чтобы ты подвергала угрозе свое здоровье и здоровье нашего

ребенка.

– Ник, – злилась та, – я беременна, а не больна! Я хочу заниматься тем, что я люблю.

– Пойдем в постель, – расплывался в улыбке мужчина.

– Хватит! Я не буду заниматься с тобой любовью до тех пор, пока ты мне не разрешишь сниматься! – орала Зоя и уходила в спальню.

Ник сидел в столовой и злился: он же так искренне заботится о Зое, так почему же любимая сердится на него за это?

Дверь спальни снова открылась, и мужчина замер: он не знал, в каком настроении сейчас выйдет его жена и что именно пришло в ее хорошенькую головку.

– Дорогой, прости меня. – Его маленькая фурия снова стала ласковой. – Если хочешь, я откажусь от съемок, лишь бы ты не нервничал.

Девушка подошла вплотную к мужу и уткнулась носом в его шею. Нику вдруг стало стыдно за то, что он довел до слез свою малышку, поэтому примирительно прошептал:

– Зайка, я тебя очень люблю, и если для тебя так важны эти съемки, то я не против. Но у меня одно условие – ежедневное посещение врача в течение всего съемочного периода.

Зойка поморщилась: она устала от постоянных больниц, в которых лежала из-за недобора веса, от уколов и витаминов, но понимала, что муж искренне волнуется за ее здоровье и за здоровье ребенка, поэтому надо идти на компромисс.

– Хорошо, – кривилась молодая женщина, а через минуту уже сидела на коленях и признавалась в любви.

«Как она непредсказуема! – думал счастливый мужчина, обнимая свое сокровище. – Мне и целой жизни не хватит, чтобы понять ее, но я хочу потратить свою жизнь именно на это».

– Зайка, я каждый день наблюдаю за тобой, изучаю тебя, твои эмоции и чувства, но понять не могу. Ты у меня как океан: то спокойна и величественна, то игрива и весела, то страстна и необузданна, то сердита и опасна. Иногда у меня голова идет кругом от частых смен твоих настроений, но знай, моей любви хватит на тебя разную. Я – твой дом, в котором двери для тебя всегда открыты.

– Прости меня, Ник! – расчувствовалась Зоя и прижалась всем телом к мужу.

– Милая, тебе просто сейчас нелегко из-за того, что в организме происходит гормональная перестройка. Я все понимаю, и я с тобой.

После того первого разговора по поводу съемок в рекламном ролике Зойка сумела отстоять еще несколько фотосессий, пару эпизодов в фильмах и продолжение обучения. Видя, как жена стремится работать, как ей необходимо чувствовать себя актрисой, Лаймсону стало стыдно, что в «Смертельном сексе» он все-таки начал снимать другую актрису. Безусловно, Зойку заменить никто не мог, однако съемочный процесс полнометражного фильма – это очень трудоемкое занятие, а слабенькое здоровье жены может не справиться с нагрузками. Сначала Ник думал о том, чтобы снимать всего по 5–6 часов в день, чтобы Зайка все-таки играла роль, написанную для нее, но бюджет фильма не позволял такой роскоши. Часами сидел режиссер над календарным планом съемок и прикидывал, каким образом можно совместить беременность жены и процесс создания фильма, но решения так и не нашел. И тогда Ник вспомнил о сценарии,

который он читал когда-то давно, но от которого отказался. Сейчас режиссер увидел в главной роли свою жену и понял, что надо быстро закончить работу над текущим фильмом и начать подготовительный этап «Эры возвращений», если, конечно, его еще не начали экранизировать.

Позвонив на студию, Лаймсон дал распоряжение найти сценарий фильма и созвониться с автором, а через два часа режиссер уже ехал на встречу с молодым писателем, оставив молодую жену изнывать от любопытства.

– Зайка, у меня для тебя сюрприз, – закричал муж, входя в квартиру.

– О! Интересненько, – игриво промурлыкала Зоя, выйдя из ванной в одном полотенце.

Дыхание Ника перехватило от первозданной красоты жены, и он протянул руку и сорвал полотенце. Обнаженная Зоя прикрыла руками чуть выпирающий животик и облизнула губы. Разговор отложился на час.

Насытившись друг другом, муж с женой сидели в столовой и пили чай.

– Я сегодня выкупил один сценарий, – начал Лаймсон.

– Какой? – Зоя заинтересованно подалась вперед.

– Сейчас он называется «Эра возвращений», но это пока рабочий вариант. В основе сюжета лежит история семьи эмигрантов, в которой только третье поколение возвращается на родину, в Польшу.

– То есть это будет история всех трех поколений?

– Именно, и я хочу предложить тебе роли всех женщин этой семьи. Мне кажется, что только ты можешь сыграть разных женщин в разные времена и в разных странах, при этом объединенных кровными узами и одной трагедией на всех.

– Ник! – кинулась на шею Зойка. – Это великолепное предложение! Когда начнем?

– Начнем ровно тогда, когда ты родишь нашего малыша и восстановишься.

– Еще так долго! – заныла будущая мать.

– Время быстро пролетит, – успокоил мужчина свою любимую.

Глава 25

– Папа, у меня будет дочка, – весело прокричала Зоя во время очередного звонка Геннадия.

– Боже, милая! – растрогался будущий дедушка. – Я так счастлив, я даже не знаю, что сказать.

– Можешь ничего не говорить, – улыбнулась красавица-дочь. – Я и так знаю, что ты рад за меня.

– Я так соскучился по тебе, крошка, мне так бы хотелось, чтобы вы с Ником приехали ко мне на день рождения.

– Я спрошу у Ника, сможет ли он... – Зойка задумалась, а потом продолжила: – И отпустит ли меня: он носится со мной, как курица с яйцом.

– Зайка, он просто беспокоится о тебе, и я его понимаю.

– Ладно, давай пока не будем загадывать, – серьезно сказала Зоя, – как только я что-то узнаю, я тебе позвоню. Но надеюсь, что мы все же прилетим.

Зоя летела частным самолетом в окружении медперсонала из Нью-Йорка в Москву. Ник прилететь не мог, потому что был разгар съемочного процесса, остановить который у него не было ни средств, ни желания. С тревогой в груди он отпустил жену в далекую Россию, но иначе поступить он не мог – там были ее отец и брат, там ее ждали, там о ней позаботятся не хуже, чем он здесь.

– Милая, звони мне каждые три часа, – волновался Лаймсон, сажая любимую в самолет.

– А спать-то мне можно? – хохотала Зоя.

– Ну, кроме ночи, – быстро соглашался Ник. – Мы с тобой не увидимся так долго, целых три недели.

– Я же говорила, что могу полететь позже, – ворчала беременная, поглаживая свой довольно заметный живот.

– Зайка, ты же знаешь, что сегодня тебе врачи разрешили лететь, а завтра могли бы уже запретить, – серьезно говорил муж. – Ты же хотела полететь? Хотела. Значит, делать это надо тогда, когда нет никакой угрозы для вас.

– Я знаю, знаю, – вздыхала девушка, устраиваясь в кресле самолета.

– И обещай мне, что не будешь перечить Геннадии и поедешь к тому врачу, которая тебе делала УЗИ, – напутствовал Лаймсон.

– Хорошо, я обещаю, как прилечу, сразу же поеду к Марине Александровне.

Ник поцеловал жену и вышел из салона самолета. Тревога сжимала его сердце, но мужчина взял себя в руки. Он повернулся и помахал рукой. Самолет взлетел.

Зою встречали Геннадий и Арсений. Отец сразу отложил все дела, чтобы лично приехать за своей Зайкой, а Арсений напросился с ним – он не мог дожидаться, когда увидит ту, ради которой он готов сделать все на свете. Зоя медленно шла к своей семье, придерживая одной рукой животик, и улыбка освещала ее красивое лицо.

Покровский бросился бежать к своей любимой девочке. Он не обращал внимания на людей, которые ходили взад и вперед по зданию аэропорта, поэтому не заметил, как молодая цыганка злым взглядом впилась в него. Стоящий позади Арсений заметил, что какая-то черноволосая женщина в ярких одеждах вдруг преградила путь отцу, но тот смел на своем пути все преграды и заключил в объятия дочь. Ее хриловатый смех донесся до сводного брата, и тот поспешил присоединиться к отцу и сестре.

Проходя мимо цыганки, так заинтересовавшей его, молодой человек обернулся и увидел, что женщина смотрит на его родных.

– Зайка, привет, – Арсений расцеловал девушку в щеки и прижал к себе.

– Привет, братишка. Как ты? Как Рената?

– У нас все хорошо. Но у тебя явно лучше. – Он кивнул на выступающий живот сестры.

– Ой, я, конечно, очень счастлива, – засмеялась будущая мать, – но если бы спросили меня, я бы предпочла подождать с детьми хотя бы годик.

– А Ник как?

– Муж просто сходит с ума, – хохотала во весь голос Зоя, – собирает все фотографии УЗИ и вклеивает их в альбом. Альбом купил недавно, когда узнал, что будет дочь.

– Почему? – заинтересовался разговором Гена.

– Потому что до этого он не знал, какого цвета должен быть альбом, голубой или розовый. А главное, яркий такой купил, – пожаловалась Зайка, – я-то думала, что нежненький какой-нибудь будет, так нет же, принес ярко-розовый, с безумными цветами. Будет у меня не принцесса, а цыганка какая-то.

– Кстати, папа, – вдруг вспомнил Арсений, – ты не знаешь ту женщину? Она не сводит с тебя глаз.

– Какую? – переспросил Геннадий.

– Вон ту. – Сын махнул рукой в том направлении, где стояла незнакомка.

Покровский повернул голову туда, куда показывал молодой человек, но никого не увидел. Зойка заинтересовалась было разговором родных, но тут зазвонил мобильный, и ей пришлось отвлечься.

– Ник, дорогой, – щебетала молодая жена в трубку, – я долетела. Да, чувствую себя хорошо. Меня и Гена, и Арсений встретили. Обязательно передам, любимый. Ложись поспи, милый, все хорошо.

Геннадий попросил дочь передать ему трубку и увлекся разговором с зятем, обсуждая Зойкино здоровье, организацию дня рождения и возможность Ника приехать. Мужчина уже забыл о том, что сын говорил про какую-то женщину.

Зоя приехала в дом, где она выросла. Как ни странно, ее комната осталась нетронутой.

– Папа, я живу в Америке уже столько лет, а комната до сих пор такая же, как была в день моего отъезда, – изумилась девушка.

– Зайка моя, я так мечтал, что однажды ты вернешься домой, – расчувствовался Геннадий. – И моя мечта сбылась – ты дома.

– Гена, я же не навсегда вернулась.

Но Геннадий не слышал этих слов – его переполняла такая радость, что он не допускал мысли, что его дочь через несколько недель вернется в Америку. Мужчина сиял от счастья, его душа была полна безмятежности и покоя, он снова стал обаятельным и чертовски сексуальным. Даже Зойка, искренне любящая мужа, иногда засматривалась на отца и вспоминала, как ее тянуло к нему долгие годы. «Фу, надо оставить это ребячество, – говорила себе Зоя, пытаясь справиться с нахлынувшими неожиданно чувствами. – Это мой отец, а мой муж сейчас в Америке, и я его очень люблю». «Так будет всегда, – повторял Геннадий, чувствующий сейчас невероятный прилив сил. – Так будет всегда».

Инна с радостью приняла девушку и частенько по вечерам пила с падчерицей чай и разговаривала по душам. Даже не верилось, что когда-то эта томная красавица намеренно игнорировала жену отца или грубила ей. Сейчас Зоя была мила, добра и весела, беременность сделала ее мягче и еще привлекательнее.

В доме было весело и шумно, часто приезжал Арсений и даже один раз привозил Галину

Павловну, которая сейчас очень плохо себя чувствовала, но хотела хоть в последний раз взглянуть на свою девочку.

Пассивный Игнат, как ни странно, принимал участие во многих разговорах взрослых, ходил гулять вместе с Зоей, а по дороге рассказывал ей анекдоты. Детская непосредственность старшей сестры словно вдыхала жизнь в мальчишку. Геннадий немного потеплел в своем отношении к сыну, однако отдавал отчет в том, что это именно Зайкино присутствие так благотворно влияет на всех членов его семьи.

– Милая, ты поела? – спрашивал Ник по несколько раз в день. Его сводило с ума отсутствие жены, а непонятная тревога усиливалась с каждым днем. Муж звонил через каждые 3–4 часа, чтобы только услышать, что с любимой все в порядке.

– Ник, – хохотала Зоя, – я не могу есть каждые три часа, но поверь мне, я сыта.

– Как ты себя чувствуешь?

– Все у меня хорошо. Честно-честно. Не волнуйся даже.

– Зайка моя, я так по тебе скучаю, – шептал в трубку мужчина. – Мне так тебя не хватает.

– Я тоже скучаю, любимый, – отвечала женщина и понимала, что она несколько не лукавит. Жизнь вдали друг от друга стала хорошей проверкой для влюбленных. Расстояние и время несколько не притупляли их чувств, наоборот, разжигали их с новой силой. Желание увидеться, обняться, прижаться друг к другу становилось наваждением.

– Крошка моя, я так хочу увидеть твой животик.

– Ой, Ник, он так вырос, – хныкала беременная, – мне кажется, что я не влезу в платье, которое я приготовила для дня рождения Гены. А оно такое красивое!

– Зайка, ты в любом платье божественно красива!

– Ты так говоришь только потому, что любишь меня.

– Конечно, я люблю тебя, но ты очень красива.

– Откуда ты знаешь? Ты меня не видел уже две недели. Ты даже не представляешь, какое у меня пузо стало за это время, – канючила Зоя.

– Я закрываю глаза и вижу тебя, – шептал Ник, с трудом справляясь с эмоциями. – Ты сейчас сидишь на кровати, подогнув одну ногу и откинувшись на подушку. На тебе бежевая водолазка, твои любимые брючки для беременных и коричневые мокасины.

Зоя от изумления даже стала оглядываться, настолько точно описал ее внешний вид муж.

– Откуда ты знаешь?

– Я просто очень сильно люблю тебя, моя девочка, – сказал мужчина. – Ложитесь спать, мои принцессы, спокойной ночи.

– И я люблю тебя, Ник, – всхлипнула растроганная Зойка. – Хорошего тебе дня.

Наступил долгожданный день рождения Геннадия. С самого утра он не находил себе места и пытался отдать последние распоряжения и сделать последние звонки, но это было не так просто: Зоя, Инна, Игнат и Арсений с Ренатой с самого утра окружили именинника и заваливали его поздравлениями, подарками, шутками. В этот день звонили многочисленные знакомые известного телеведущего, приносили телеграммы, посылки, поздравительные открытки, и голова мужчины шла кругом. Лишь иногда, встречаясь глазами с беременной Зойкой и утопая в омуте ее взгляда, он обретал уверенность в себе и спокойствие. Наконец, подошло время ехать на торжество.

Ник предложил устроить праздник в каком-нибудь загородном особняке, и Геннадий с радостью поддержал эту идею – он снял небольшой пансионат в 15 км от Москвы. Кроме того, за 5 км до назначенного места была огромная охраняемая стоянка, на которой гости оставляли свои машины и пересаживались в кареты, запряженные тройкой лошадей. Со звоном бубенцов везли гостей в маленькую сказку, придуманную Ником, но адаптированную к российской действительности Геннадием.

Геннадий со своей семьей ехал в отдельной карете. Она была белоснежной, покрытой золотым узором, а на лошадях были такие же белые с золотом попоны и хомуты, глаза закрывали золотые шоры, а на ногах красовались золотые гетры.

На территорию усадьбы Геннадий въехал как король. Он торжественно вышел к народу, помог Зое и Инне спуститься на землю, потом поднял на руки Игната, одетого во фрак. В этот момент зазвучала музыка, и отовсюду начали появляться сказочные герои.

Зойка восторженно смотрела на происходящее и узнавала стиль своего мужа. Она достала телефон и набрала любимому:

– Ник, это чудесно! Ты придумал такой красивый праздник для папы. Я просто в восторге!

– Милая, для тебя и твоей семьи мне ничего не сложно.

– Ладно, я пошла к гостям, любимый, целую тебя.

– И я тебя целую и очень люблю.

Стол был накрыт в красивых бело-золотых шатрах, чтобы на тарелки не попадала пыль, веточки и листочки с деревьев. Все собрались сначала в главном шатре, где стоял виновник торжества и его семья, и поздравили Покровского. Ему говорили теплые слова, и он знал, что многие из присутствующих не лукавят, так как действительно искренне любят его. Но даже если бы они нагло врал, глядя ему в глаза, ему было бы все равно, потому что они все ничего для него не значат по сравнению с Зайкой, которая сейчас стоит рядом и с улыбкой рассматривает сервировку. На белой скатерти расставлены раковины, клешни, раки, омары, в которых лежат блюда на самый различный вкус. Эта идея пришла в голову Геннадию – украсить стол в морской тематике.

Большой рак из льда стоял в центре красивого пруда, расположившегося недалеко от шатра именинника. Гости то и дело подходили к скульптуре и разглядывали ее, а Геннадий хитро поглядывал в их сторону и посмеивался. Ровно в 10 часов вечера, когда стемнело, именинник пригласил всех присутствующих подойти к водоему, и как только все собрались, грянул красивейший фейерверк, а по ледяной скульптуре заскользили разноцветные лазерные лучи, которые превратили этого рака в сверкающий бриллиант, переливающийся всеми цветами радуги.

Крик, визг и аплодисменты не смолкали несколько минут, а Покровский счастливо улыбался. Вдруг одна из петард попала на шатер, стоящий ближе всего к пруду, и бело-золотой материал вспыхнул ярким пламенем. Началась суматоха, люди в растерянности забегали вокруг, однако быстро опомнились и общими усилиями потушили

пожар. Где-то вдали на несколько секунд раздался звонок мобильного телефона Зои, а потом затих. Гена обернулся и растерянно спросил:

– Где Зайка?

– Может, пошла в туалет, – предположила Инна и отправилась на поиски девушки.

Тревога сжала сердце мужчины, но он заставил себя усидеть на месте. «Если Зоя в туалете, значит, они с Инной сейчас вернутся», – сказал сам себе именинник и с улыбкой повернулся к одному из гостей. Разговор давался с трудом, он то и дело смотрел туда, откуда должны были прийти его жена с любимой девочкой. Позади послышался плаксивый голос Ренаты: она пыталась что-то сказать молодому мужу, но тот лишь безразлично пожимал плечами. Тоска вдруг придавила тяжестью, и Геннадий встал.

В этот момент подошла испуганная Инна:

– Милый, ее в туалете нет.

Покровский метнулся к туалету – он не хотел верить жене, он еще надеялся, что она ошиблась, однако Зои нигде не было. Мужчина побежал назад к официантам: он освободил нескольких от выполнения их прямых обязанностей и поручил им найти дочь. Молодые люди в белых фраках разошлись в разные стороны и начали прочесывать окрестности. Геннадий остановился возле пруда в растерянности и вдруг услышал:

– Отец, тебе Ник звонит. – Арсений нес Гене мобильный телефон.

Мужчина нажал на кнопку ответа и поднес трубку к уху.

– Геннадий, я звоню Зое, но она вне зоны доступа. Что случилось? – Ник был очень напуган.

– Ник, Зоя пропала. Мы ее ищем, – потухшим голосом произнес Гена, а Арсений, стоявший возле отца, закричал:

– Папа, ты что говоришь?

В этот момент в трубку орал Ник:

– Что происходит? Как ты мог допустить это? Я вылетаю к вам!

Геннадий выключил телефон и уставился на сына, который продолжал орать.

– Арсений, прекрати истерику, – скомандовал Покровский, – сюда вылетает Лаймсон, нам надо найти Зайку.

Молодой человек пришел в себя от четких команд отца, но что делать, не знал.

– Пройди по периметру усадьбы, Зоя не могла пропасть бесследно, – отчеканил Гена и стал набирать номер знакомого генерала милиции.

Глава 27

Прошла неделя с того момента, как пропала Зойка. Ник и Гена метались по квартире, связывались со всеми, кто мог помочь им в поисках девушки, однако результатов не было.

– Если бы ее похитили с целью выкупа, – говорил мрачный муж, – то уже выставили бы требования. Почему они молчат? Кому нужна моя жена?

– Зачем я настоял на ее приезде? – сокрушался Геннадий. – Это я виноват в том, что произошло.

– Если ты еще раз произнесешь эти слова, – угрожающе просипел Лаймсон, – я тебе врежу.

Покровский замолчал, но продолжал обвинять себя в глубине души. Несмотря на ужас сложившейся ситуации, Геннадий чувствовал, что его Зайка жива: какая-то тонкая нить, которая связывала мужчину с его названной дочерью, до сих пор была цела, а значит, с Зоей все в порядке. Но ее исчезновение не давало жить, тревога за любимую девочку душила, перекрывала кислород. Бессилие правоохранительных органов и следственных организаций сводило с ума. Ник метался как раненый зверь, и смотреть на него Гене было очень больно. Он прекрасно понимал, что чувствовал в миг поседевший режиссер, который в чужой для него стране, где он абсолютно беспомощен, потерял свою единственную любовь, к тому же носившую под сердцем его дочку.

– Ник, возвращайся в Америку, – как-то вечером сказал Геннадий. – Здесь ты ничем, к сожалению, помочь не можешь, а там тебя ждут люди, которым ты нужен. В твоё дело вложены деньги, от тебя зависят судьбы тех, кто доверился тебе. Езжай, а я буду звонить тебе каждый день, сообщая новости. Я не оставлю поиски Зюечки.

Ник устало кивнул головой – он понимал, что его тесть говорит правильные вещи, но уехать из России, которая отняла у него жену, было очень сложно. Режиссер еще несколько дней лелеял надежду, что Зайка найдется, однако время шло, а ничего не менялось. И он принял решение возвращаться домой.

Геннадий отвез зятя в аэропорт и тепло обнял мужчину, с которым его объединило общее горе.

– Береги себя, Ник.

– Ты тоже. И не прекращай поиски. Если нужны будут деньги, я тут же переведу их на твой счет.

– Обещаю, что буду искать ее до своего последнего вздоха.

Самолет, на борту которого находился Ник Лаймсон, взлетел в небо. Геннадий еще раз оглянулся на здание аэропорта и поехал в сторону дома. А наутро в новостях сообщили, что великий режиссер и продюсер трагически погиб во время крушения частного самолета.

Зоя пришла в себя в маленьком домике. Она была все в том же платье, что и на дне рождения отца. Девушка совершенно не помнила, что с ней случилось и как она оказалась в этой избе. Осторожно приподнявшись, она потрогала живот рукой – дочка толкнула. Зюйка улыбнулась и привстала – надо было выяснить, где она и почему. За стенкой кто-то ходил и гремел посудой, и девушка пошла на звук.

В комнате, напоминающей кухню, ходила старая цыганка. Услышав шаги, она повернулась:

– А, проснулась, красавица?

– Кто вы? – тихо спросила Зоя.

– Меня зовут Зарина, я буду за тобой ухаживать.

– Зачем?

– Потому что ты ждешь ребенка и тебе явно нужна будет моя помощь, – скрипучим голосом ответила старуха.

– Как я здесь оказалась? – продолжила вопросы девушка.

– Это ты не у меня спрашивай, милая. Не у меня. Придет время, и ты все узнаешь, а пока... Пока иди сполоснись, я тебе воду нагрее.

Приступ паники охватил Зойку, и она с трудом подавила в себе порыв рвануть из дома, однако в последний момент поняла, что все резкие движения будут опасны для ее дочки. «Спокойно, – говорила себе девушка, – мне надо думать о крошке. Я уверена, что Гена и Ник ищут меня. И они обязательно меня найдут. Все будет хорошо». С этими мыслями девушка направилась за Зариной, которая тащила ведро горячей воды.

Зоя прошла в свою комнату, обмотавшись в огромное махровое полотенце. Она поискала глазами одежду, однако, кроме ее платья, в котором она проснулась, больше ничего не было. Вздохнув, Зоя начала натягивать его через голову.

– Милая, ты что? – неожиданно появилась старуха. – Зачем грязь надеваешь? Я тебе вот вещей принесла. Ты, конечно, худая очень да пузатая, но что-то наверняка подойдет.

С этими словами Зарина швырнула на кровать ворох цветастых тряпок и вышла. Перед Зоей лежали цыганские платья, юбки, блузы и рубахи. Все было чистым и пахло лавандой.

– Что ж, – решила девушка, – это, конечно, не мой стиль, но придется выбирать из имеющегося.

Через десять минут будущая мать показалась на кухне, и цыганка улыбнулась при виде этой смешной девушки. Пестрая юбка была подвязана шарфом, чтобы не спадала, а красная рубаха натянута на выступающем животе.

– Да ты прям как из нашего табора, – рассмеялась Зарина.

– Табора? – переспросила Зоя.

– Ну да. Цыганского табора. Мы в этой деревеньке уже пять лет стоим. Хоть жизнь внесли какую-то, а то сплошная тоска была. Приехали мы, а тут все дома разрушены, никого из местных нет, только две старушки и дед 83 лет. Ни скота, ни птиц, ни садов да огородов.

– И вы их ограбили? – наивно спросила девушка.

– Все так про нас думают, – с осуждением сказала женщина. – Да, мы непростые, но и среди нас есть и хорошие люди, и плохие. Мы восстановили дома, посадили овощи и ягоды, привели в порядок местные сады, да и старикам помогаем – им-то нелегко, бедным. Цыгане же – это одна большая семья, которая по нашим законам обязана держаться вместе, помогать друг другу даже ценой собственной жизни. А русские что? Повырастали да побросали своих стариков. Ищут они где-то свое счастье, а их родные в холоде, голоде да тоске погибают. Разве так можно?

– А что за деревенька? – спросила Зоя, надеясь, что сможет как-то подать сигнал отцу и мужу.

– Урюк называется, что возле Твери, – ответила беззлобная Зарина.

Улыбка осветила лицо девушки, и она бросилась искать свой мобильный телефон, однако ни сумочки, ни аппарата нигде не было. «Ладно, – вздохнула про себя Зайка, – главное, что я знаю, где я нахожусь. А уж сообщить родным я точно способ найду».

– Милочка, иди покушай, – послышалось из кухни, и новоиспеченная цыганка отправилась на зов. На столе стояла яичница, белый хлеб и стакан молока. Зоя не любила ни хлеб, ни молочные продукты.

– Ешь, – строго сказала пожилая женщина, – ребенка кормить надо, а ты нос воротишь. Давай-давай.

И Зоя покорно принялась макать белую мякоть в яичный желток, но молоко выпить так и не смогла – от одного его вида ее передергивало. Девушка зачерпнула чашкой колодезной воды и с наслаждением отхлебнула. Зарина с улыбкой смотрела на новую подопечную, а потом достала откуда-то клубнику и поставила миску на стол.

– Кушай, деточка, тебе витамины нужны, а я пойду травок тебе соберу от малокровия.

Зоя посмотрела на старую цыганку и усмехнулась – в больницах ей капельницы ставили да уколы кололи, а тут решили, что травками дело поправят. «Раз старуха ушла, – подумала девушка, – значит, я могу осмотреться – надо понять, как сообщить Гене, где я нахожусь».

Зайка легко открыла дверь и уже хотела выскочить на улицу, как два молодых цыгана встали у нее на пути.

– Привет, меня Зоя зовут, – с улыбкой произнесла красавица.

Молодые люди исподлобья посмотрели на пленницу и не сдвинулись с места.

– Я что, не могу никуда ходить? – серьезно спросила Зайка.

Цыгане все так же молча преграждали ей дорогу.

– Черт! – выругалась девушка и вернулась в дом. Паника снова подступала, а малышка начала пинаться. «Это тупик, я не знаю, что мне делать», – плакала в душе заключенная. Ей было очень страшно за себя и за дочку.

Прошло несколько дней. Зоя пожаловалась Зарине, что ей не дают гулять, и та распорядилась, чтобы девушку выпускали из дома. Как ни странно, молодые люди беспрекословно слушались эти сухонькую улыбчивую старуху, поэтому пленница могла теперь свободно ходить по огороженной территории участка, при этом чувствуя постоянный взгляд надзирателей. Такая, хоть и мнимая, свобода пошла девушке на пользу, она стала спокойнее, умиротвореннее и полностью сосредоточилась на ребенке. Травки Зарины тоже делали свое дело – на щеках будущей матери появился румянец, личико округлилось и посвежело.

В ту ночь Зоя проснулась от страха, который душил ее. Она вскочила с кровати и подбежала к окну – на небе круглая луна светила ей прямо в лицо. Страх нарастал, живот вдруг стал каменным, а голова закружилась. Зайка по стеночке вернулась на кровать, свернулась комочком и затихла. Вдруг слезы хлынули из глаз, а в голове постоянно звучало: «Ник, любимый!»

– Что с тобой, любовь моя? – прошептала Зойка в слезах. – Что с тобой случилось, милый?

Ответом ей была лишь тишина и красные пятна на светящей в окно луне. Ощущение беды, которая постигла ее мужа, поселилось в душе Зои, и теперь каждую ночь она молила Бога, чтобы он позволил ей снова встретиться с мужем. Но молитвы оставались без

ответа, время шло, а ничего не менялось.

Глава 28

Геннадий продолжал поиски дочери и не терял надежды, что однажды он снова обнимет Зайку. Он чувствовал, что его девочка жива, и именно это придавало ему силы. Арсений почти постоянно находился с отцом, забыв про Ренату и свой дом.

Прошло уже почти два месяца с того страшного дня. Молодой человек возвращался из отчего дома, куда привез Геннадия. Мужчине стало плохо в кабинете следователя, работавшего по делу Зои, и Покровский набрал сына. Арсений бросился на помощь, на ходу сообщив жене, что сегодня он скорее всего домой не вернется, так как отец в ужасном состоянии. Рената привычно кивнула головой и даже не поинтересовалась, нужна ли мужу ее помощь или поддержка.

Сын привез Покровского домой, так как посчитал, что его состояние не требует срочной госпитализации. Встревоженная Инна дала мужу лекарства, и тот забылся тревожным сном. Арсений немного подождал, а потом решил ехать к Ренате – его присутствие у Покровских было лишним.

Молодой человек открыл дверь и услышал, как жена с кем-то разговаривает. Он осторожно прошел в комнату – на кровати сидела Рената, а возле ее ног устроился незнакомый мужчина. Обстановка была довольно интимной, и Арсений сделал соответствующие выводы. Девушка испуганно посмотрела на мужа и залепетала:

– Милый, это не то, что ты думаешь.

– Рената, ты все равно не знаешь, о чем я думаю, – раздраженно произнес Арсений.

– Давай хотя бы поговорим, – молила супруга, а посторонний мужчина пытался незаметно покинуть квартиру.

– Мне кажется, что нам с тобой уже не о чем говорить. Живи своей жизнью, а я буду жить своей.

– Ты и так жил только своей жизнью, – зарыдала та. – Я любила тебя, я ждала, когда ты наконец рассмотришь во мне женщину, но тебе всегда было на меня наплевать. Я устала быть пустым местом, мне так захотелось снова почувствовать себя желанной, сексуальной, именно поэтому я и решилась на это.

– Мне наплевать на мотивы, которые тебя заставили пригласить в мой дом постороннего человека, – устало произнес муж. – Наши отношения исчерпали себя. Живи здесь, я возвращаюсь к отцу.

– Ты никогда от него и не уходил, – вскричала Рената и уткнулась в подушку.

– Возможно, – согласился Арсений. – Будь счастлива.

Молодой человек побросал вещи в чемодан, взял ключи от машины и вышел из дома, даже не оглянувшись. «Хорошо, что Галина Павловна в больнице, – промелькнула мысль у Арсения. – Хоть не была свидетелем этого кошмара».

Пока мужчина ехал к родительскому дому, он размышлял о том, что сейчас скажет Инне, как объяснит свое появление с вещами. Мысли вернулись к браку, который только что развалился у него на глазах, и он вдруг понял, что ни одной эмоции по поводу происшедшего не испытывает – они с Ренатой никогда не были настоящей семьей, каждый из них действительно жил своей жизнью, не пытаясь создать что-то общее. Возможно, в

том была и его вина, ведь жена для него была лишь средством забыть о Зойке, об этой удивительной девочке, которая много лет назад вошла в его сердце и не хотела его покидать. «Что ж, – решил молодой врач, – пришло время начинать все сначала. Столько лет я потерял в ожидании своего счастья, не понимая, что строить его надо своими руками, а не ждать, пока кто-то преподнесет на блюдечке».

Когда в квартире Покровских раздался звонок в дверь, Гена уже проснулся. Ему стало немного лучше, и он прошел на кухню. Инна наливала ему чай.

– Кто бы это мог быть? – удивленно посмотрела на часы женщина.

Гена пожал плечами и стал открывать дверь. Перед ним стоял сын, держа чемодан в руках.

– Можно я поживу у вас? – потерянно спросил Арсений и опустил свою ношу.

– Твоя комната, как всегда, ждет тебя, – улыбнулся отец, тактично решив не приставать с расспросами. – Надеюсь, ты не против кабинета?

– Спасибо, отец, – благодарно улыбнулся сын и вошел в дом.

Оказавшись в знакомой обстановке, Арсений почувствовал, как напряжение стало отпускать его. «Как хорошо, что все закончилось, – подумалось молодому человеку. – Я наконец-то дома». Он опустился на диван и прислонился к спинке. Через несколько минут спасительный сон унес мужчину из реальности. Геннадий, увидев, что сын уснул, накрыл его пледом и плотно закрыл дверь.

Прошло две недели. Арсений приходил в себя и почти не вспоминал о своей семейной жизни. Каждый день он навещал Галину Павловну, которой становилось все хуже и хуже, но не рассказывал ей о случившемся – ему не хотелось тревожить старушку, которая из последних сил боролась с болезнью. По вечерам молодой человек приезжал в свой новый дом, помогал Инне по хозяйству, занимался с Игнатом уроками и вел долгие разговоры с отцом. Поиски Зои зашли в тупик, и обоих мужчин этот факт сводил с ума.

Однажды вечером раздался телефонный звонок. Тревога охватила всех членов семьи. Геннадий и Арсений как-то беспомощно переглянулись, а Инна, испугавшись за мужа, побежала к телефону. Через минуту бледная женщина зашла на кухню, держа в руках белый листок бумаги.

– Нашли труп девушки, – начала она, и голос ее сорвался.

Гена схватил листок с адресом морга и рванул к двери. Арсений тут же выскочил за отцом.

– Я с тобой, – тихо произнесла жена, обнимая бледного Гену.

– Дорогая, оставайся дома с Игнатом. Я тебе позвоню, – так же тихо ответил муж и вышел из квартиры.

Инна прислонилась к косяку двери и застонала.

– Отец, я поведу, – произнес Арсений и взял ключи из холодных рук отца.

Геннадий безразлично пожал плечами и отвернулся от сына. Тошнота подкатывала к горлу, и у него не было сил справиться с ней. Через несколько секунд его вырвало прямо на колесо автомобиля. Молодой человек тут же вытащил носовой платок, подал отцу, придерживая мужчину рукой.

– Ты как? – обеспокоенно спросил сын.

– Я выдержу. Поехали.

Шины зашуршали по асфальту.

Через сорок минут Геннадий и Арсений входили в здание морга. Сын крепко держал Покровского под руку. Страх за отца вытеснил все мысли из головы молодого человека. «Только бы он выдержал все испытания, выпавшие на его долю, – думал заботливый юноша. – Эти волнения убьют его».

Патологоанатом подвел предполагаемых родственников погибшей к столу и откинул простыню. Перед ними лежала миловидная черноволосая девушка.

– Это не она! – закричал Гена, а потом засмеялся. Нервы убитого горем отца не выдерживали, по постаревшему лицу катились слезы.

– Принесите успокоительное, – скомандовал молодой врач и усадил Гену на стул. Патологоанатом бросился исполнять неожиданный приказ, и через несколько минут Покровскийпил капли, разбавленные водой. Он постепенно приходил в себя.

– Это не Зоя, – снова повторил Гена, но уже спокойным тоном.

– Все будет хорошо, папочка, – прошептал ему сын. – Мы найдем ее.

Арсений вывел из здания обессиленного Геннадия. Мужчины остановились возле машины и глубоко вдохнули ночной воздух.

– Я люблю ее, – неожиданно произнес молодой человек.

– Я знаю, – в ответ сказал мужчина. – Я тоже ее люблю.

Освободившись от груза невысказанных чувств, отец и сын обнялись. Черное небо накрыло город плотной пеленой.

Глава 29

Здоровье Покровского-старшего все больше и больше тревожило Инну и Арсения. Мужчина почти не спал по ночам. Жена давала ему легкие седативные средства, которые помогали мужу задремать хоть ненадолго, но как только сновидения вторгались в его воспаленный мозг, он вскакивал в постели – холодный пот струился по его спине, а биение сердца заглушало все внешние звуки.

Разбитый, бледный, измученный Геннадий выходил на кухню и до самого утра задумчиво смотрел в окно. На небе занималась заря.

Арсений ставил себе будильник на шесть утра, чтобы перед приемом успеть заехать к пожилой няне в больницу. Стараясь не разбудить дом, он тихонько проходил на кухню и неизменно видел там сидящего, как изваяние, отца.

– Папа, ты бы отдохнул, – тревожился молодой мужчина, присаживаясь на стул.

– Найдем Зойку – отдохну.

– Если ты будешь так продолжать... – начал было сын.

– Как продолжать? – Геннадий повернул бледное лицо с черными кругами под глазами к говорящему.

– Хоронить себя заживо. Так вот, если ты будешь так продолжать, то Зойку найду уже я один.

– Что ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты внимательнее относился к своему здоровью, папа. Я тебя очень люблю, ты мне нужен. И Инне, и Игнату ты нужен. А главное – ты нужен нашей Зайке.

Гена махнул рукой, эти разговоры утомляли. Мужчина знал, что через час выйдет Инна и начнется то же самое. Вздыхнув, он решил съездить на студию, где не был с того момента, как пропала дочь. Руководство вошло в положение, тем более что в летние месяцы никогда ничего не снимали, а показывали повторы. Но сейчас была осень, а значит, пришло время возвращаться.

Покровский ехал с новой идеей – ему хотелось сделать такое ток-шоу, которое бы помогало искать пропавших людей. Пока он общался с правоохранительными органами по поводу исчезновения дочери, он видел, как много семей потеряли своих родных. Милиция не может искать всех сразу, потому что не обладает достаточным штатом сотрудников и не располагает необходимым бюджетом. Делом семьи Покровских занимались лучшие кадры, но это только потому, что и Геннадий, и Ник заплатили хорошую сумму денег. А ведь сколько семей, которым не по карману купить детектива! И сейчас Гена обдумывал идею создания такого телепроекта, в который обращались бы люди, нуждающиеся в той же помощи, в какой нуждался сам ведущий. Еще много было нюансов, требующих дальнейшего размышления и обсуждения, но зерно уже попало на благодатную почву, и надо было лишь удобрять его, чтобы оно проросло.

После напряженного рабочего дня Гена приехал очень уставшим и голодным. Уже за столом он почувствовал, что засыпает, и, поцеловав жену, отправился в комнату. Когда Инна зашла, ее муж крепко спал. Женщина улыбнулась: «Слава Богу, сегодня он впервые заснул самостоятельно, без лекарств. Неужели работа пошла ему на пользу?» Но ночью мужчина опять проснулся от кошмара, который терзал его мозг.

В тот день Гена чувствовал себя особенно уставшим. Боль сдавливала виски, затылок ныл, любое движение давалось с трудом. Покровский даже хотел уехать домой, но на этот день были назначены съемки. На ведущего наложили грим, пытаясь в его серое лицо с синяками под глазами внести человеческие краски. Но если внешний вид можно было исправить, то внутреннее состояние коррекции не поддавалось. Ценой нечеловеческих, по мнению Геннадия, усилий съемочные три часа завершились, и мужчина, не снимая грима, вышел к машине. Шум в ушах заглушал звуки окружающей его действительности. «Надо ехать домой», – решил Покровский и сел за руль.

Когда до дома оставалось не более пяти километров, густая пелена встала перед глазами, а руки свело судорогой. Водитель съехал на обочину и остановился. «Я не могу вести машину, – подумал Гена и полез за телефоном. – Надо позвонить сыну».

Арсений примчался прямо из института лечебного питания, где вел прием. Молодой человек почти ничего не понял из того, что в трубку бубнил родной голос, но почувствовал, что Гене очень плохо. Машину отца врач увидел на обочине шоссе – в салоне без сознания лежал Покровский.

«Скорая помощь», слезы Инны, которая приехала, как только пасынок позвонил ей, и диагноз врачей «инсульт» – все смешалось в тот день. Тревожные часы ожидания, пока специалисты приводят в сознание их любимого человека, были похожи на месяцы. Инна ходила взад-вперед по коридору, а внимательный Арсений старался успокоить ее, приносил то кофе, то минеральную воды, то кусочек шоколадки. Наконец, показался дежурный врач.

– Он пришел в себя. Один из вас может пройти к нему.

Арсений пропустил Инну – присутствие жены важнее для больного, а сам прошел в ординаторскую – поговорить с персоналом больницы.

В тот день с самого утра за Зариной прибежали мальчишки и громко начали что-то говорить по-цыгански. Старушка кивнула головой и пошла собирать травки и порошки.

– Красавица, – крикнула хозяйка дома, – тут соседка рожает, Анна, я пойду помогу ей разрешиться от бремени. Ты уж тут сама...

– Хорошо, – ответила Зоя и погладила свой большой живот. Ей самой рожать предстояло совсем скоро – по ее подсчетам, недели через две.

Девушка еще немного полежала в кровати, а потом все же решила выйти на улицу. «Вдруг мои охранники тоже убежали принимать роды», – почему-то подумалось Зайке, и она радостно улыбнулась. Зоя выглянула на крыльцо – несмотря на то что начиналась осень, ярко светило солнце и дул теплый ветерок. Рядом с домом никого не было. Не веря своим глазам, будущая мать вылетела за дверь и не заметила, что одна ступенька крыльца сломана. Нога молодой женщины попала в дырку, которая образовалась в прогнившей доске, острые края древесины впились в ее стройную ножку, до крови ободрав нежную кожу, а сама Зоя по инерции полетела вперед, упав прямо на живот. Раздался дикий крик.

Цыгане-охранники бросили новую доску, которую стругали за домом, и поспешили к крыльцу. Их пленница лежала на земле, а ее нога до сих пор торчала в ступеньке. Чернявый молодой человек поспешил к пострадавшей и начал поднимать ее, однако женщина тут же заорала от боли и схватилась за живот. Второй, не стесняясь, поднял пеструю цыганскую юбку Зои и увидел, что по молодым стройным ногам течет какая-то жидкость с кровью. Оба мужчины действовали быстро: один бросился бежать, а второй резкими движениями раздирал обломки ступеньки, чтобы освободить пострадавшую. Как только задача была выполнена, мужчина подхватил рожающую и отнес ее на кровать, потом тут же поставил на плиту ведро с водой, нашел таз и начал вытаскивать какие-то тряпки из шкафа хозяйки.

Зоя раздирала боль. Она следила за происходящим сквозь розовую пелену, застилающую взор, и чувствовала, как постель, на которой она лежит, становится мокрой – что-то теплое и липкое вытекает из нее в огромных количествах.

Открылась дверь, и в комнате появилась Зарина. За ней следом прибежали еще несколько цыганок. От их пестрых юбок у Зои помутилось в глазах. Сквозь истошный крик роженицы, истекающей кровью, слышались четкие команды старой цыганки. Женщины молча выполняли их и действовали при этом настолько четко и слаженно, что казалось, будто они танцуют в какой-то хорошей постановке.

Волна боли снова прошла по худенькому тельцу Зои, и она начала терять сознание, однако звонкая пощечина привела ее в чувство.

– Ты рожаешь, – строго сказала ей Зарина, разведя Зоины ноги в стороны. – Будь в сознании и работай. Я тебе помогу.

Зоя опять закричала.

– Не ори, – продолжила старая цыганка, поднося таз с теплой водой. – Так ты расходуеть силы, а они тебе еще понадобятся.

Девушка кивнула головой, но тут же снова закричала. Зарина склонилась над лицом роженицы и уставилась своими черными глазами. Зойке казалось, что она тонет в этом странном взгляде.

– Повторяю, не ори, – говорила Зарина, смотря в глаза своей подопечной. – Когда ты кричишь, ты теряешь много крови.

Зоя кивнула головой и следующую схватку постаралась просто «продышать». «Умница», – услышала девушка. Перед глазами блеснул острый нож, Зарина ловким движением разрезала промежность и слегка надавила на живот.

– А теперь тужься, моя хорошая, – услышала Зайка и напрягла все свои мышцы. Она почувствовала, как что-то мокрое выскользнуло у нее между ног.

Зарина приподняла младенца, у которого между ног болталась пуповина. Зоя во все глаза смотрела на это грязное сморщенное существо и не верила, что это ее дочь. Старуха быстрыми движениями прочистила рот и носик новорожденной и легонько шлепнула ее по попке. Раздался детский плач. Зарина и цыганки улыбнулись. Женщина среднего возраста взяла младенца, а Зарина склонилась над Зоей.

– Давай тужься еще, надо послед родить.

Зоя напряглась и в этот момент почувствовала, как что-то произошло там, внутри нее. Старуха забегала, засуетилась, присутствующие женщины вдруг запричитали, а Зоя смотрела и не понимала, что происходит. Она словно летала по воздуху, и ей было так легко и спокойно. Старая цыганка ковырялась у нее внутри, а лужа крови на полу становилась все больше и больше.

– Девочку назовите Зойкой, – еле слышно произнесла мать ребенка. Гул в комнате исчез, и наступила зловещая тишина. – Найдите моего отца, Геннадия Покровского.

– Молчи, – шикнула Зарина.

– Девочку зовут Зоя, – повторила истекающая кровью роженица и закрыла глаза.

Жизнь ушла из ее молодого тела.

Глава 30

Первыми словами, которые произнес Геннадий Покровский, пришедший в себя, были «Моя жизнь закончена».

– Ну что ты, милый, – успокаивала мужа Инна. – Ты восстановишься, все будет хорошо.

– Моя жизнь закончена, – повторил мужчина.

Инна смотрела на любимого: левая сторона тела была парализована, даже лицо пострадало – рот с левой стороны был опущен, словно мужчина плакал, а из уголка текла слюна. «Да, все это тяжело, – думала женщина, глядя руку Гены, – но это же не конец света. Главное, что он жив».

Когда Арсений зашел в палату к больному и увидел его потухший взгляд, то почему-то подумал: «Зойка умерла». Сын положил голову к больному на постель и заплакал, из глаз отца тоже покатались слезы.

За два месяца Покровский почти полностью восстановился. Зная все вероятные последствия инсульта, Геннадий очень внимательно отслеживал свое состояние. Больше всего его волновала возможность нарушений в рассудке, однако эта часть головного мозга, к счастью, оказалась не задета. Хуже дело обстояло с физической стороной болезни – целых два долгих месяца Гена разрабатывал руку и ногу, восстанавливал дикцию, боролся с парезом лица. Тело поддалось – мужчина нормально ходил, не

прихрамывая, рука тоже действовала, но лицо не менялось.

«Будто я всегда буду плакать по Зайке», – думал теперь уже бывший телеведущий, разглядывая свое отражение в зеркале.

Зарина отнесла маленькую Зочку к Анне, которая в этот же день благополучно разрешилась от бремени. Женщина родила здоровенького сына, уже четвертого в их семье.

– Позаботься о крошке, – тихо произнесла старуха, протягивая кулек кормящей матери.
– Это ненадолго. Я немного окрепну и найду деда этой малышки, я знаю его имя и фамилию.

– Хорошо, Зарина. – Анна приняла новорожденную и приложила ее к своей груди. Ротик тут же нашел сосок, из которого текло молоко, и прилип. Анна засмеялась и поцеловала черный пушок на головке младенца.

– Вот и хорошо, – вздохнула старуха и, сгорбившись, пошла к своему дому. Умершую надо было похоронить.

Возле дома Зарины молодые цыгане, еще вчера охранявшие Зою, строгали могильный крест.

Прошло пять месяцев. Геннадий зашел в комнату сына и сел возле него на стул.

– Сынок, – начал он. – Я не могу больше работать на телевидении, и мне безумно жаль уходить оттуда проигравшим. Я еще не так плох, как кажется, но перед камерами не появлюсь, поэтому предлагаю тебе оставить медицину и заменить меня на площадке. Я уверен в тебе – ты отличный врач и замечательный человек, ты справишься со всеми сложностями, которые могут возникнуть. Я всегда буду рядом с тобой, буду работать над сценариями, находить новые темы, но воплощать их в жизнь предлагаю тебе. Что ты скажешь?

Арсений растерялся – он совсем не хотел оставлять обожаемую медицину, однако пойти против воли отца, пережившего так много потрясений за прошедший год, не мог.

– Я согласен, папа, – наконец произнес молодой человек.

Кривая улыбка озарила лицо Покровского.

– Только я хочу попросить тебя взять мою фамилию – ты будешь достойным продолжением нашей династии.

Арсений никогда не хотел менять фамилию, доставшуюся ему от матери, поэтому просьба Гены была для него проблематична. Но ответ пришел сам собой:

– А ты не будешь против, если у меня будет двойная фамилия?

– Конечно нет, – Покровский оценил верность сына памяти умершей матери. – Ты очень хороший человек.

Первое время съемки проходили тяжело – Арсений пугался камер, часто сбивался и терялся в сложных ситуациях, однако постоянная поддержка отца, его вера в силы сына все-таки сделали из Покровского-Симонова хорошего телеведущего. В следующем сезоне в эфир вышел новый формат программы.

Галина, как всегда включавшая телевизор в надежде увидеть своего любимого, растерялась, когда на экране возник молодой телеведущий. Тревога закралась в душу женщины, и она стала разыскивать информацию, которая бы объяснила уход Геннадия.

Нигде ничего не писалось и не говорилось. Молодая цыганка вдруг поняла, что своим необдуманным поступком она причинила вред тому, кого любила всем своим страстным сердцем. Она вспомнила, как на день рождения Геннадия она задумала страшную месть – Покровский своим уходом украл у нее дитя, значит, и она должна сделать то же самое, чтобы мужчина испытал такую же боль, что и она тем страшным вечером. Понимая, что к Игнату Гена не испытывает сильных эмоций, а с Арсением женщина просто не справится, она остановила выбор на Зойке. Бросив горячую головешку на шатер во время фейерверка, Галина воспользовалась суматохой: она подошла вплотную к беременной девушке, вколола ей в шею снотворное и быстро вытащила за пределы усадьбы. Лишь одно затруднение возникло по дороге – в сумочке похищенной зазвонил мобильный телефон. Галина не растерялась – она быстро вытащила источник звука, выключила его, а потом просто выбросила в первый попавшийся на пути водоем.

Приехав в свой табор, Галина нашла братьев и наказала им следить за пленницей. Старухе Зарине женщина объяснять ничего не стала, просто попросила ухаживать за беременной Зоей, да и не нужны были никакие объяснения – цыгане всегда стоят друг за друга горой, и если кто-то что-то делает, значит, это так нужно.

Дальнейших планов у цыганки не было, она просто хотела причинить боль Гене, но теперь, чувствуя, что с любимым произошло несчастье, женщина села за руль и отправилась в табор.

Зарина встретила Галину молчанием. Братьев возле дома старухи не было, а в комнате звенела пугающая тишина.

– Где девушка? – спросила гостя, даже не поздоровавшись.

Зарина кивнула в сторону окна – возле дома возвышался могильный холмик с деревянным крестом.

– А ребенок?

– У Анны, – тихо ответила Зарина.

Галина молча направилась к дому соседки, а старая цыганка кряхтя пошла за ней.

Анна вышла встречать гостей с младенцем на руках. Галина тут же кинулась к этому крошечному созданию, но мать ловко спрятала ребенка за спиной.

– Это мой сын, – жестко произнесла женщина. – Девочка спит.

– Значит, родилась девочка? – спросила похитительница. – Доченька моя.

Зарина встала на пути Гали.

– Это не твоя дочь, – сказала старуха и преградила вход.

– Я ждала этого ребенка, – резко ответила женщина. – Девочка – моя!

– Девочка останется здесь, пока я не найду ее родственников. Ты и так принесла много горя их семье, уходи, не бери еще один грех на душу. Тебе и так придется перед Богом отвечать за свои поступки.

Галина резко развернулась и ушла.

Глава 31

Мысль забрать ребенка Зои преследовала женщину. Ей казалось, что если она вернет Покровскому его внучку, соврав, что выследила похитителей, то у Геннадия снова

проснутся чувства к ней. Через какое-то время она начинала сомневаться в правильности решения: «Вдруг дело до сих пор не закрыто? Тогда следователи точно выйдут на меня. И Гена даже пальцем не пошевелит, когда меня упекут в тюрьму. Нет, возвращать девочку слишком опасно». Цыганка успокаивалась, однако потом снова начинала мечтать, как ее любимый обрадуется возвращению ребенка, как обнимет ее, как поцелует.

Желание любви взяло верх, и Галина отправилась в табор. Остановив машину подальше от деревеньки, она осмотрелась: мальчишки носились по лугу и во что-то играли, мужчин не было видно, скорее всего они уже уехали в город, Зарина сидела на лавочке возле дома и раскладывала карты.

– Хорошо, – сказала сама себе Галя, – если Анна дома, то я с ней справлюсь, лишь бы не успела никого позвать на помощь. Но вроде все заняты своими делами, значит, мне никто не помешает.

Женщина пробралась к дому, где росла крошка, и затаилась. Она пыталась угадать, в какой момент будет наиболее безопасно пробраться внутрь. Тут на крыльце показалась хозяйка – она несла таз с мокрым бельем на пруд, полоскать.

Хлопнула калитка, и Галя вылезла из своего укрытия.

– Вот это удача, – прошептала она и прошла в дом.

В люльке лежали младенцы, как две капли воды похожие друг на друга – маленькие, с черными волосиками и черными глазками. Женщина остановилась – как понять, кто из них девочка? Тут снова хлопнула калитка, и Галина поняла, что времени на размышления у нее нет. Она схватила малыша, который лежал поближе, и метнулась в сторону огородов. Она летела с огромной скоростью, перепрыгивая через грядки, но все равно услышала истошный крик матери.

– Не догонят, – сказала себе похитительница, прижимая драгоценную ношу.

В машине ребенок надрывался от плача, а цыганка давила на педаль газа, даже не поворачивая голову в сторону малыша. Лишь подъехав к дому, где она снимала квартиру, женщина перевела дыхание.

– Ну, пойдём, моя хорошая, – заворковала она, – сейчас я тебя покормлю, переодену.

Положив на кровать орущего младенца, Галя разворачивала пеленки. Когда кроха оказалась голенькой, женщина застыла от изумления – перед ней лежал мальчик.

– Боже! – застонала цыганка. – Что мне делать? Если меня найдут, то в лучшем случае проклянут, в худшем – сразу похоронят где-нибудь в лесу. Когда дело касается их детей, цыгане очень жестокие.

Она села и задумалась – дальнейшая жизнь пока представлялась ей с трудом. «Ладно, – решила Галина, – Бог отвел в который раз меня от Геннадия, значит, именно так нужно. Не буду обманывать судьбу – приму то, что мне дала жизнь. У меня теперь есть сын, которого я назову Геночкой. В этого мальчика я вложу всю ту любовь, которая предназначалась его взрослому тезке. Жаль только, в табор не могу вернуться... Значит, ребенка придется регистрировать... Но об этом я подумаю завтра».

Когда Зарина узнала о том, что произошло, она сразу догадалась, чьих рук это дело, однако упорно молчала. С одной стороны, ей было очень жаль беспутную Галину, которая творила преступления не по злости, а потому что страсть вытеснила разум. С другой стороны, старая цыганка понимала, что если она раскроет рот и поделится своими предположениями, то рано или поздно вся история выйдет наружу, а это опасно. Так или иначе, но правоохранительные органы все-таки найдут деревню Урюк, в которой

умерла беременная девушка, тогда в лучшем случае табору снова придется кочевать по России и искать себе место ночлега, в худшем – многие цыгане попадут в тюрьмы, пойдут по этапу или будут убиты при попытке бегства. Значит, надо все оставить на волю Божью...

Анна очень горевала из-за пропажи сына, однако необходимость заботиться об оставшихся детях заставляла женщину продолжать жить. Да и маленькая Зоя, смугленькая и черненькая, как цыганочка, растопила лед в сердце отчаявшейся матери.

Через полгода старуха Зарина умерла и унесла с собой тайну появления девочки в их таборе.

Галина тем временем переехала в Ростов-на-Дону, где всеми доступными для цыганки путями получила паспорт, зарегистрировала сына и обзавелась необходимыми для жизни в социуме документами.

Глава 32

Прошло пять лет. Ток-шоу отца и сына Покровских закрыли из-за упавшего рейтинга. Сын снова вернулся в медицину, занялся написанием докторской диссертации, много практиковал и даже получил грант на исследования, которыми занимался. Геннадий очень гордился старшим сыном, однако собственное бессилие и бесполезность сводили его с ума. Иногда ему казалось, что было бы лучше умереть, чем влачить такое жалкое существование, однако поддержка старшего сына и жены держали мужчину на плаву.

– Папа, – говорил Арсений, – тебе нужно найти дело. Я уверен, что осталось на этом свете еще то, что тебе интересно. Может, тебе снова заняться медициной?

– Ты что? – воскликнул Гена. – Я не занимался этим с самого окончания института. Я все растратил на телевидение.

– Ну и что? – уговаривал практикующий доктор. – У тебя феноменальные знания.

– Ага, поверхностные, – сокрушался мужчина. – Я же променял медицину сначала на журналистику, потом вообще...

Гена махнул рукой.

– Папа, я уверен, что как только ты поверишь в свои силы, ты сразу же найдешь верное решение.

– Спасибо тебе, сын.

Через несколько дней Геннадий ехал за Игнатом, который стал заниматься хоккеем. Стадион находился на другом конце города, но сын проявил такую небывалую для него твердость в решении выйти на лед, что родители вынуждены были уступить, но с одним условием – на тренировки мальчик будет ездить самостоятельно, а обратно либо мать, либо отец будут забирать его на машине. Игнату такое условие показалось очень приятным, поэтому он легко согласился.

Вечерний город стоял в привычной пробке, но мужчина не спешил – до окончания тренировки оставалось более 40 минут. Он включил радио, настроил «Эхо Москвы» и откинулся на спинку – мелодии заполняли салон автомобиля. Песня закончилась, и рука мужчины потянулась, чтобы переключить радиостанцию, однако замерла в воздухе. В прямом эфире звучал призыв собрать деньги на операцию маленькой девочке – ведущий рассказывал о диагнозе, прогнозах, а также называл номер расчетного счета, куда желающие откликнуться на беду могут отправлять деньги. Гена быстро записал

произнесенные цифры и положил листочек на пассажирское сиденье. Какая-то неясная мысль витала в голове, было что-то, что никак не могло оформиться в законченное предложение. «Я бы не так построил это обращение, – размышлял мужчина. – Было бы хорошо сделать что-то вроде радиодневника. Можно ежедневно рассказывать о детях, которые нуждаются в помощи, об их самочувствии, о настроении, мечтах, желаниях, фантазиях. Тогда радиослушатели будут живо интересоваться судьбой больных деток и желание помочь тем, кого они уже хорошо знают через рассказы, станет естественным. Но, кстати, помогать можно не только деньгами. Иногда пациентам нужны какие-то медикаменты, или вещи, или бинты. А может, просто забота и ласка, если мама с папой далеко. Надо просто суметь организовать людей, ведь вокруг так много отзывчивых и желающих помочь».

Идея показалась Геннадию настолько удачной, что он решил обязательно воплотить ее в жизнь. Вернее, он хотел предложить руководству радиостанций попробовать сделать радишоу в таком формате. Когда Покровский набирал номер телефона одного из крупнейших продюсеров, имеющего влияние на несколько телеканалов и радиостанций, он думал только о том, что его вариант сможет помочь детям, находящимся в критическом состоянии. Мужчина уже доехал до стадиона, но продолжал рассказывать своему знакомому об идее, причем по мере разговора рождались все новые и новые варианты – вырисовывалось очень успешное предприятие, чего не мог не отметить продюсер.

– Гена, а ты не хочешь по старой памяти стать ведущим?

– Алексей, ты что? – удивился Покровский. – Ты же знаешь, что со мной произошло.

– Ты со мной целый час разговаривал хорошо поставленным голосом. Да, твоя дикция не идеальна, но ты очень правильно строишь диалог, хорошо разбираешься в медицине, у тебя огромный опыт работы в прямом эфире. Тем более именно ты предложил эту грандиозную идею. Мне кажется, что лучше тебя мне никого не найти.

Гена растерялся. Игнат стоял возле машины и стучал клюшкой по стеклу, привлекая к себе внимание отца, однако мужчина полностью погрузился в разговор и не слышал ничего, что происходит вокруг.

– Я не принуждаю тебя, Гена, – слышалось в трубке, – но ты подумай. В любом случае я включу тебя в коллегии, которая будет заниматься проектом.

Через месяц стартовало радишоу «Поможем детям», из радиоприемников послышался голос когда-то известного шоумена Геннадия Покровского.

Глава 33

Галина проснулась и поцеловала мужчину, спящего рядом с ней. Несколько лет назад она встретила Валеру и поняла, что всю жизнь ждала именно этого человека. Взаимные чувства раскрасили до этого унылую жизнь яркими красками. Галина купалась в новых эмоциях и ощущениях, а всю материнскую любовь отдавала сыночку Геночке.

Женщина накинула легкий халатик и подошла к мальчику – ребенок метался по кровати. Прохладной рукой заботливая мать дотронулась до лба ребенка – он был горячий. Галя нахмурилась и прошла на кухню, чтобы поставить чайник. «Надо будет снова вызвать врача», – успела подумать цыганка, и ее стошнило.

– Боже мой, – шептала она, вытирая пол, – я тоже чем-то заболела. Наверное, это я заразила сына. Да что ж это такое? Он у меня почти полгода не выбирается из болезней.

Валера услышал, что на кухне что-то произошло, и поспешил к жене.

- Милая, что случилось? – В воздухе витал неприятный запах.
- У Гены опять жар, – сказала Галя и расплакалась.
- Я позвоню в поликлинику, вызову врача. Это его тошнило?
- Нет, меня, – потупила взор женщина.
- Ты заболела? Тебе плохо? – разволновался муж. – Я отвезу тебя ко врачу.
- Милый, успокойся, я схожу сама, а ты останься с сыном.

Галина прошла в кабинет терапевта. Пожилая женщина пощупала пульс, померила давление, послушала легкие.

- Все в норме, мне кажется, – сказала врач. – Но я вам дам направление на анализы. У вас возьмут кровь, мочу и проверят на возможные инфекции. И еще я бы посоветовала вам показаться гинекологу – иногда женские проблемы могут выразиться самыми изощренными способами.

- У меня сын болеет, – грустно сказала пациентка. – Я не могу в очереди сидеть. Я сейчас сдам анализы и побегу к нему.

- Подождите, – остановила терапевт женщину. – Сходите к моей сестре, она вас примет без очереди. Я сейчас ей наберу.

Точная копия терапевта пригласила бледную Гаю к гинекологическому креслу.

- А что мы такие бледненькие? – весело спросила врач.

- Кровь брали, из пальца и из вены. И мне нехорошо опять стало.

- Опять? Ладно, разберемся. Когда у вас были последние месячные? – задала традиционный вопрос гинеколог, пока пациентка раздевалась и залезала на кресло.

- Не помню, – честно ответила Галина.

- Это как такое может быть? Что за неуважение к своему организму?

- У нас так в роду принято, – потупившись, ответила цыганка. – На этом с подросткового возраста не акцентируют внимания, поэтому, когда вырастаешь, привычно об этом не думаешь.

- Посмотрим, посмотрим, – приговаривала врач, щупая Гаю. – Матка увеличена, думаю, что неделя десять беременности. Но давайте-ка мы на УЗИ с вами сходим.

Галина спешила к Валере с радостной новостью. Возле подъезда стояла машина «Скорой помощи». Почувствовав неладное, женщина вбежала на этаж и распахнула дверь – доктора клали Гену на носилки.

- Что с моим сыном? – закричала мать.

- В больнице выясним, собирайтесь, – пожилой врач говорил спокойным тоном, чтобы избежать истерики.

Валера кинулся собирать вещи, которые могут пригодиться жене с ребенком, Галина ворковала с мальчиком.

Через два часа из лаборатории поступили результаты анализов, и врач пригласил родителей Гены в кабинет.

– У вашего сына тяжелое онкологическое заболевание, мы бессильны ему помочь. Шансы на выживание у него могут быть лишь за границей или в Москве.

Галина расплакалась, а Валера успокаивал любимую женщину и обещал, что обязательно что-нибудь придумает. Пара возвращалась домой, и мужчина включил радио в надежде хоть немного отвлечь супругу от тягостных мыслей. Вдруг цыганка услышала когда-то любимый до боли голос, который рассказывал о том, как проходит лечение девочки Оленьки, лежащей в детском онкологическом отделении.

– Гена! – закричала женщина. – Это Геннадий Покровский! Надо срочно звонить ему.

К сожалению, телефона, по которому можно было позвонить в прямой эфир, она не услышала, но попросила мужа найти способ связаться с этой радиостанцией. Валера, не очень понимающий, что происходит с его женой и откуда она знает ведущего, тем не менее решил не задавать лишних вопросов. В конце дня Галина смотрела на тетрадный лист бумаги с заветным номером.

Глава 34

На следующее утро, мучаясь от токсикоза, обеспокоенная мать размышляла, как лучше поступить. Ее мучила совесть, ведь сейчас она хочет, чтобы мужчина помог ей спасти ее сына, хотя когда-то она жестоко отняла у него дочь. «Как я обращусь к нему? – страдала женщина. – Что я скажу? Имею ли я право просить помощи у человека, которому сделала так больно? Но с другой стороны, мой сын, который ни в чем не виноват, умирает, и если я не сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти мальчика, то грош мне цена».

– Добрый день, вы в эфире программы «Поможем детям». Слушаю вас, – поставленным голосом произнес Покровский.

– Здравствуйте, меня зовут Галина. И моему сыну нужна помощь. В Краснодарском крае у нас нет возможности победить эту страшную болезнь, но нам сказали, что в Москве у него будут шансы выжить.

– Оставьте, пожалуйста, свой телефон, я свяжусь с вами после завершения эфира.

– Спасибо.

Галина смотрела на трубку, из которой только что звучал прежде любимый голос мужчины. Сейчас она слышала только стук своего сердца, а мыслями унеслась в далекое прошлое, где она была счастлива с Генной. Она вспоминала жаркие страстные ночи, поцелуи и объятия, и слезы катились по ее щекам. Вдруг раздался телефонный звонок.

– Алло? – осторожно произнесла цыганка.

– Галя, это ты? – голос Покровского звучал так близко, словно он был в соседней комнате.

– Да, Гена.

– Что случилось?

– У моего сына рак. Здесь врачи отказываются его лечить. Говорят, что надо ехать в Москву, а у меня никаких связей нет. Там же очереди, а у нас не так много времени.

– Галина, я сейчас свяжусь с онкологическим центром на Каширском шоссе и узнаю, смогут ли взять мальчика в ближайшее время. На всякий случай вышли мне все результаты его анализов по электронной почте. Я продиктую адрес.

– Спасибо, Гена. Я записываю.

Через две недели Галина везла маленького Гену в Москву. Покровский выполнил обещание – ребенка готовы были взять. Валерий оставался в Ростове, потому что не мог оставить дела, но обещал, что как только освободится, то сразу же приедет.

«Надо будет встретиться с Геной, поблагодарить его, – думала женщина, выходя из корпуса больницы. – Я уверена, что моего сына спасут, а значит, я обязана Покровскому».

Геннадий вышел из здания и увидел прямо перед собой женщину, с которой когда-то изменял жене в надежде убежать от своих чувств к Зойке. Его охватил страх – прошлое готово было снова поглотить его, вернуть всю боль, которую он испытал когда-то. Мужчина остановился, не в силах сделать шаг навстречу той, которой сам помог несколько дней назад.

Когда он услышал голос бывшей любовницы, его охватила паника, но, как настоящий врач, образ которого до сих пор сидел в глубине его души, он заставил взять себя в руки. «Это просто больной мальчик, которому, возможно, кроме меня, никто не поможет. Значит, надо убрать эмоции подальше и выполнять свою работу. Именно для этого я здесь и нахожусь». При телефонных разговорах Гена был собран и спокоен, однако к встрече лицом к лицу оказался не готов.

Галина с ужасом смотрела на перекошенное лицо мужчины. Она вдруг поняла, какую именно боль причинила этому человеку, и чувство ненависти к себе наполнило ее. Она сделала шаг вперед, дотронулась до руки того, кто помог ей в сложившейся ситуации, и тихо произнесла:

– Спасибо тебе... И прости меня...

Покровский молча кивнул головой. Он смотрел на рыдающую мать больного ребенка и понимал, что прошлое ушло и больше никогда не вернется. «Круг замкнулся, – почему-то снова подумалось ему. – Круг замкнулся».

Глава 35

Галя сидела в кабинете лечащего врача.

– У вашего сына лейкемия. Мы стараемся остановить рост раковых клеток, однако время упущено.

– И что же делать? Он умирает?

– Единственный шанс спасти вашего сына – пересадить костный мозг. Я бы хотел предложить вам сдать анализы на совместимость, вы же мать.

– Я не его мать, – разрыдалась Галя.

– Не плачьте, дорогая, – начал успокаивать пожилой доктор. – Мы сейчас начнем искать подходящих доноров, однако, как правило, чужие клетки костного мозга плохо приживаются. Я не знаю вашей истории, но прошу, подумайте, есть ли у вас возможность найти кровных родственников сына.

Галя кивнула головой и вытерла слезы.

«Пришло время собирать камни, – решила женщина. – Я заварила эту кашу, мне ее и расхлебывать».

С этими мыслями женщина направила свой автомобиль в сторону деревни Урюк, надеясь на то, что табор не ушел с насиженного места.

Дети все так же носились по лугу, женщины в цветастых юбках сновали туда-сюда, гуси важно щипали травку. Галина шумно выдохнула: «Слава Богу».

Анна кормила ужином свое многочисленное семейство, дети стучали ложками и звонко хохотали. Маленькая черноволосая девочка первая увидела гостью:

– Тетя, ты кто?

Анна обернулась и взмахнула руками:

– Галка, ты откуда? Ты где пропадала? Твои братья чуть с ума не сошли, когда ты исчезла!

– Анка, нам надо поговорить.

– Садись за стол, поужинаем и поговорим.

– Нет, наедине.

– Зоя, разложи всем картошку. Мальчики, присмотрите за сестренкой, чтобы не обожглась. Я сейчас вернусь.

Женщины сели на крыльцо, и Анна вопросительно посмотрела на гостью.

– Мне очень трудно это говорить, – начала Галя. – Я заслуживаю самой страшной кары, но речь сейчас не обо мне.

– Что случилось?

– Пять лет назад я украла твоего сына. Он все это время был у меня. Я хотела забрать девочку, у меня были на то причины, но Зарина не отдала. Тогда я решила выкрасть ее у тебя, однако поспешила, и в итоге у меня в машине оказался мальчик. Я решила, что Господу Богу угодно именно так, а не иначе, поэтому не стала возвращаться в табор.

– Ты пришла, чтобы я убила тебя? – прошипела Анна. – Ты пять лет ждала, чтобы сейчас мне тут на крыльце исповедаться?

– Анка, послушай, я, быть может, никогда бы в этом не призналась, но случилось несчастье – Гена тяжело болен. Ему срочно нужна пересадка костного мозга. Донором должен быть родственник, именно поэтому я и приехала к тебе. Спаси мальчика, прошу тебя!

– Идиотка! Я думала, что с ума сойду от горя! Тварь! Гадина! – Анна со всей силы колотила Галину кулаками, таскала за волосы, но женщина сидела неподвижно, лишь прикрывая живот руками. Галя знала, что заслужила самой страшной кары, и гнев несчастной матери ей был понятен.

Анна вдруг увидела, как бережно обнимает живот цыганка, отнявшая у нее сына, и остановилась:

– Ты беременна?

– Да, – тихо ответила та.

– Раз беременна, значит, Господь простил. А раз Господь простил, значит, и мне нужно, – быстро встала мать семейства. – Пошли ужинать и спать. Завтра мальчишки поедут с тобой, пусть врачи выбирают, кто больше подойдет. Слава Богу, у меня широкий ассортимент.

Галина благодарно посмотрела на Аню и встала со ступеньки.

Через три недели была проведена операция. Врачи хлопали друг друга по плечам и были явно довольны результатами. Все говорили о том, что у маленького Гены огромные шансы на выздоровление. Галина не отходила от сына ни на шаг, а по вечерам приезжала к Анне и рассказывала о самочувствии ребенка.

– Его послезавтра выпишут, – счастливая мать забежала в дом.

– Я поеду с тобой забирать сына, – глядя прямо в глаза, произнесла Анна.

Галина напряглась, но потом поняла, что не имеет никакого права лишать мальчика общения с родной матерью. Без участия этой семьи он вообще бы не выжил.

– Хорошо, поедem вместе.

– Кстати, я все время хотела спросить, но было как-то не к месту...

– Что?

– Чья Зойка?

– У нее есть родной дедушка и дядя. Именно эта семья в самом начале помогла нам с Геней, когда сыночек заболел.

– И что ты хочешь? – настороженно спросила Анна. – Я не отдам дочь никому! Она моя! Я ее вырастила!

– Может, хотя бы познакомим ее с той семьей? – осторожно поинтересовалась Галя.

– Я сказала, нет!

– Хорошо, как знаешь.

Глава 36

Галина и Анна приехали за сыном. Бледного Гену вывезли на каталке санитары. Черноглазый мальчишка улыбнулся матери и потянул к ней ручки, а потом лукаво посмотрел на стоящую рядом незнакомую женщину.

– А это кто?

– Сынок, эту женщину зовут Аня, мы сейчас едем к ней в гости, – спокойно ответила Галя.

Анна выразительно посмотрела на цыганку, но промолчала.

Машина плавно катилась по дороге, Анна на заднем сиденье развлекала мальчика, а Галина погрузилась в свои мысли. «Надо сказать сыну правду, – убеждала себя женщина. – Моя ложь принесла стольким людям горе! Я убила своим поступком дочь человека, которого любила, бедный мой Геннадий пережил такую боль, что до сих пор не оправился от болезни, а мой сынок, смысл моей жизни, чуть не умер!»

Дети выскочили встречать мать, но замерли, когда из машины осторожно вынесли бледненького маленького мальчика. Зоя первая подошла к незнакомцу и протянула ему ручку:

– Я Зоя, а ты?

– А я Гена.

Галина подошла к детям и присела на корточки перед сыном.

– Малыш, сейчас я тебе скажу очень важную вещь. Эта добрая тетя, которая ехала с нами из больницы, – твоя мама, а эти милые ребята – твои братья. Так получилось, что в младенчестве ты оказался у меня, но твоя настоящая семья здесь.

Гена растерялся, а потом вдруг заплакал, но Анна, воспитавшая четверых детей, быстро сориентировалась. Она наклонилась и что-то долго шептала малышу на ушко. Мальчик улыбнулся и посмотрел на тех, кто его окружает:

– А так бывает?

– Конечно, бывает, – улыбнулась Аня. – А теперь идите все в дом.

Галина с Анной остались одни.

– Я сказала ему, что у него теперь есть две мамы, которые обе очень его любят, и он может жить то с одной, то с другой, – мило улыбнувшись, произнесла женщина.

– Спасибо тебе за все. – Галина обняла подругу.

– Подожди здесь, я сейчас приду.

Анна вышла через 20 минут с маленькой Зойкой на руках. Ребенок размазывал слезы по щекам.

– Галя, если ты знаешь, где ее родные, отвези ее к ним. Я не отказываюсь от дочери и всегда буду ждать ее здесь, но малышка должна знать, где ее кровь. Если сможешь убедить родственников Зои привозить малышку ко мне, хотя бы на лето, я буду очень благодарна.

– Анна, ты что? – Галина разрыдалась.

– Так правильно, Галя, так правильно. Зойке я все объяснила и сказала, что всегда буду рада ее видеть.

Галина подъехала к дому Геннадия Покровского и посмотрела на спящую девочку, одетую в яркие цыганские одежды. Страх сковал сердце, но женщина знала, что она должна заплатить по счетам, которые ей выставила жизнь. Она взяла мобильный телефон, вышла из машины, чтобы не разбудить ребенка, и набрала номер.

– Слушаю вас, – ответил Гена.

– Гена, это Галина. Я возле твоего дома, спустись, пожалуйста, у меня серьезный разговор.

По тону женщины Покровский понял, что та хочет сказать что-то очень важное.

– Инна, Арсений, я спущусь ненадолго вниз, не волнуйтесь. Скоро приду.

– Хорошо, любимый, – донеслось из гостиной.

Возле подъезда стояла красивая цыганка с чуть выпирающим животиком. Какое-то неясное волнение теснило грудь, а ощущение радости наполняло сердце.

– Галя, ты ждешь ребенка? – воскликнул мужчина. – Поздравляю тебя! Ты хорошо себя чувствуешь? С сыном все в порядке?

– Гена, прости меня, если сможешь. Твоя дочь умерла пять лет назад в таборе, но у нее родилась здоровенькая девочка, которую назвали Зойкой.

Геннадий схватился за сердце и стал ловить ртом воздух.

– Родной, прости меня. В машине спит твоя внучка, я привезла ее домой.

Слезы хлынули из глаз мужчины, он рванул к машине, распахнул дверь и увидел крошечную девочку, так похожую на его дочь. Гена осторожно поднял драгоценное тельце и прижал к себе.

– Гена, женщина, которая вырастила ее, хотела бы хоть иногда общаться с малышкой, – напоследок крикнула Галина.

Геннадий согласно кивнул головой и побежал в дом, куда снова возвращалось счастье.

– Инна, Арсений, Игнат! – громким шепотом позвал мужчина. – Наша Зойка вернулась!

Три головы появились в дверном проеме – перед ними стоял счастливый мужчина и прижимал к груди маленькую девочку.